

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Разница подходов к феномену «гибридная война» в доктринальных документах РФ и США.
Власов М.С. 4
- Развитие политики занятости населения Китая.
Фэн Шидэ 8

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

- Инновационные подходы Российской Федерации для нейтрализации угроз транснациональной преступности. *Тетюхин В.В.* 14
- Идеи Си Цзиньпина о дипломатии — Утверждение справедливости при преследовании общих интересов. *Чжан Хуэйминь* 20

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Цифровые инструменты государственной политики лекарственного обеспечения: электронный рецепт и государственное регулирование.
Романец Е.А. 24

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Правовые аспекты определения невыплаты заработной платы: понятие, виды и классификация.
Винярский А.Ю. 29
- Защита персональных данных в условиях цифровизации: эволюция и современное состояние.
Гатиятуллина Э.М. 33
- Актуальные проблемы защиты деловой репутации организации. *Клопова О.К.* 38
- О некоторых категориях лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. *Очиров А.В.* 42
- Применения искусственного интеллекта при возложении трудовых обязанностей на работника.
Смолина Ю.В. 45
- Особенности реализации риск-ориентированного подхода при осуществлении регионального государственного жилищного контроля (надзора).
Чернышев А.К. 49

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

- Эволюция концепции злоупотребления правом и ее применение в сфере интеллектуальной собственности. *Борисов А.Д.* 54

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru

Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нуршев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 06.07.2023

Цена свободная

Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Особенности квалификации поведения в праве:
поведения в состоянии крайней необходимости и
недобросовестного поведения. *Седова Ж.И.*..... **58**

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сравнительный обзор законодательной и
нормативно-правовой структуры вакф в
Узбекистане. *Турсунов И.М.*..... **63**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Вопросы в конструкции допроса свидетеля по УПК
РСФСР 1923 года. *Зашляпин Л.А.,
Феоненко Н.С.*..... **73**

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Применение искусственного интеллекта
(нейронных сетей) в деятельности полиции.
Безгачев Ф.В...... **78**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВТВОРЧЕСТВА

Интеллектуальные права как объект гражданских
прав. *Буланов В.Д.*..... **83**

List of References

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- The difference in approaches to the phenomenon of "hybrid war" in the doctrinal documents of the Russian Federation and the United States. *Vlasov M.S.* 4
- The development of employment policy in China. *Feng Shide* 8

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLICY

- Innovative approaches of the Russian Federation to neutralize the threats of transnational crime. *Tetyukhin V.V.* 14
- Xi Jinping's Ideas on Diplomacy - Promoting justice while pursuing common interests. *Zhang Huimin* 20

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

- Digital tools of the state drug supply policy: electronic prescription and state regulation. *Romanets E.A.* 24

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

- Legal aspects of determining non-payment of wages: concept, types and classification. *Vinyarsky A.Yu.* 29
- Protection of personal data in the context of digitalization: evolution and current state. *Gatiyatullina E.M.* 33
- Actual problems of protecting the business reputation of the organization. *Klopova O.K.* 38
- On some categories of persons brought to subsidiary liability in bankruptcy cases. *Ochirov A.V.* 42

- The use of artificial intelligence when assigning labor duties to an employee. *Smolina Yu.V.* 45
- Features of the implementation of a risk-based approach in the implementation of regional state housing control (supervision). *Chernyshev A.K.* 49

NOVELS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

- The evolution of the concept of abuse of right and its application in the field of intellectual property. *Borisov A.D.* 54

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Features of the qualification of behavior in law: behavior in a state of emergency and dishonest behavior. *Sedova Zh.I.* 58

FOREIGN EXPERIENCE

- Comparative review of the legislative and regulatory structure of waqfs in Uzbekistan. *Tursunov I.M.* ... 63

CRIMINAL PROCESS

- Questions in the construction of the interrogation of a witness according to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923. *Zashlyapin L.A., Feonenko N.S.* 73

CRIMINALISTICS. JUDICIAL EXPERT ACTIVITY. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

- The use of artificial intelligence (neural networks) in the activities of the police. *Bezgachev F.V.* 78

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

- Intellectual rights as an object of civil rights. *Bulanov V.D.* 83

Разница подходов к феномену «гибридная война» в доктринальных документах РФ и США

Власов Максим Сергеевич

Аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Vlasov06.10@yandex.ru

Данная статья исследует различия в подходах РФ и США к феномену "гибридная война" в доктринальных документах. Автор анализирует соответствующие доктрины и стратегические материалы, чтобы выявить основные концепции и подходы, используемые каждой страной для понимания и противодействия этим угрозам.

В статье подчеркивается, что гибридная война представляет собой сложное взаимодействие между военными и невоенными средствами, включая информационные операции, экономическое давление, политическую дипломатию и пропаганду, для достижения стратегических целей. РФ воспринимает гибридную войну как стратегический вызов и разрабатывает специфические стратегии для ее противостояния, в то время как США признают гибридную войну как новую угрозу, требующую адаптации и эффективных ответных мер.

Автор выделяет различия в толковании понятий "гибридная война" и "гибридная угроза" в доктринальных документах каждой страны. РФ акцентирует внимание на использовании нелинейных и нетрадиционных методов, включая информационные, политические и экономические факторы, в то время как США уделяют внимание широкому арсеналу инструментов в различных сферах, включая военные и не военные методы.

Статья также обращает внимание на взгляды РФ и США на своих противников в контексте гибридной войны. Оба государства обвиняют друг друга в ведении "гибридной войны" и признают необходимость адаптации и эффективных ответных мер. Каждая страна выделяет определенные примеры и контексты, такие как действия России в Крыму и на востоке Украины, для иллюстрации гибридной войны.

Ключевые слова: гибридная война, гибридная угроза, доктринальные документы, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, различия, подходы, стратегии.

Гибридная война и гибридная угроза в доктринальных документах Российской Федерации

Гибридная война и гибридная угроза представляет собой сложное взаимодействие между военными и невоенными средствами для достижения стратегических целей. Гибридная война объединяет различные тактики и стратегии, включая военные действия, невоенные тактики, кибервойну, пропаганду, экономическое давление и использование социальных и политических сил для создания нестабильности в целевом государстве.

Россия воспринимает гибридную войну как стратегический вызов и разрабатывает специфические стратегии для ее противостояния [7]. В государственных доктринах и политических документах страны акцентируется внимание на необходимости противодействия гибридной угрозе и защите национальных интересов. Эти документы выражают понимание того, что гибридная война может представлять серьезную угрозу для безопасности и стабильности страны.

Одним из примеров такой доктринальной работы является указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" [2]. В данном документе указывается, что Соединенные Штаты Америки и их союзники используют гибридную войну как средство для ослабления России и подрыва ее суверенитета. Он отмечает, что Россия готова к диалогу и сотрудничеству, но она развивает эффективные механизмы для противодействия гибридной угрозе.

Стратегии гибридной войны и гибридной угрозы присутствуют в военной доктрине России [1]. И хотя в доктрине не используется само понятие, при характеристике особенностей современных конфликтов, говорится о комплексном применении военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера. Эти доктрины формируют организационно-правовой механизм для реализации активных оборонных мероприятий и предотвращения угроз безопасности государства.

Российская Федерация активно использует современные теоретические основы гибридной войны для разработки методов противодействия информационным атакам со стороны США и НАТО. Важным вопросом данного является масштабная государственная пропагандистская работа, направленная на обнародование вредоносного влияния гибридной войны и защиту интересов России. Через пропаганду и информационные кампании Россия

представляет свою экономическую стабильность, социальные достижения и международный авторитет в качестве аргументов против дезинформации и негативного влияния гибридной угрозы.

Доктрина Герасимова, названная так в честь генерала Валерия Герасимова, стала широко известной после публикации статьи генерала в 2013 году. В данной статье Герасимов обсуждал современную природу войны и ее эволюцию. Доктрина Герасимова подчеркивает, что современная война включает не только традиционные военные действия, но и широкий спектр других методов, включая информационные операции, кибератаки, экономическое давление, политическую дипломатию и пропаганду [6].

Одной из ключевых идей в доктрине Герасимова является понятие гибридной войны. Она представляет собой комплексную и интегрированную форму ведения конфликта, где военные и невоенные средства используются одновременно для достижения стратегических целей. Гибридная война включает в себя комбинацию традиционных и нетрадиционных методов, и взаимодействие различных акторов, включая государства, негосударственные организации и даже частные лица.

В доктрине Герасимова гибридная война рассматривается как эффективный инструмент для достижения стратегических целей и создания нестабильности в целевом государстве. Она позволяет использовать не только военные силы, но и информационные и экономические ресурсы, чтобы оказывать воздействие на политическую и социальную обстановку. Она включает использование различных форм пропаганды, дезинформации и манипуляций для воздействия на мнения и перспективы людей.

Гибридная война и гибридная угроза в доктринальных документах Соединенных Штатов Америки

Гибридная война и гибридная угроза являются понятиями, которые получили ограниченное распространение в политическом и военном контексте, включая доктринальные документы Соединенных Штатов Америки. Эти термины отражают современные изменения в природе военных конфликтов, когда традиционные и нетрадиционные методы объединяются для достижения стратегических целей.

Оборонная стратегия США 2005 года стала фундаментально важным документом для дальнейшего оформления концепции «гибридных войн», поскольку именно в этом документе впервые на уровне официальных доктрин был сделан отход от исключительно «традиционных» войн и была дана характеристика мультимодальности новым типам войн.

В Национальной военной стратегии США, опубликованной Пентагоном в 2015 году, гибридная война упоминается в ситуациях, где пересекаются государственное и негосударственное насилие. В документе говорится о возможности одновременного применения нескольких типов военных действий для достижения целей. Примером гибридной

войны, упоминаемым в стратегии, является ситуация на востоке Украины, где Россия «предположительно» применяет комбинацию обычных вооруженных сил, тактики нерегулярных вооруженных формирований и нелегитимных действий для дестабилизации ситуации.

Документ указывает на привязку гибридной войны к России и событиям на Украине. США представляют такую форму конфликта как вызов и признают необходимость адаптироваться к ней. В данном контексте гибридная война рассматривается как смешение различных методов и сил, создание неопределенности и двусмысленности, что усложняет принятие решений и ослабляет взаимодействие в противодействии.

Другие доктринальные документы и стратегические материалы США также обращаются к гибридной угрозе. Она определяется как угроза, созданная реальным или потенциальным противником, которая объединяет использование традиционных и нетрадиционных военных методов для достижения своих целей.

Использование термина «гибридная война» и «гибридная угроза» в доктринальных документах США свидетельствует о признании изменений в природе современных конфликтов и необходимости развития соответствующих стратегий и подходов для противодействия этим угрозам. Эти понятия подчеркивают не только военные вопросы, но и включают широкий спектр нетрадиционных методов, которые могут быть использованы для достижения политических и стратегических целей противника.

Достаточно часто феномен, очень часто похожий на «гибридную войну», все еще определяется как «иррегулярная война» в доктринах США. «Иррегулярная война» в американских документах используется в двух значениях: как вид прямого вооруженного конфликта, что является синонимом конфликта малой интенсивности и как вид конфликта, имеющий меньший уровень интенсивности, чем вооруженный конфликт, который содержит различные формы противоборства (терроризм, контртерроризм, повстанчество). Термин «Гибридная война», появившийся значительно позже, чем «иррегулярная война» призван расширить и модернизировать данный термин в новых условиях. [5, с.57]

К настоящему моменту вплоть до последней Стратегии национальной безопасности США 2022 г. не встречаются термины «гибридная война», «гибридная угроза» или даже «гибридный». Это показывает, что говорить о ее концептуальном закреплении на доктринальном уровне пока еще преждевременно. Еще одним подтверждением является тот факт, что в словаре военных и родственных терминов МО США не имеется определения понятия «гибридная война» или «гибридная угроза». (однако есть определение «информационных операций»). [9]

В ВС США меняется толкование термина «гибридная война» в зависимости от специфики применения по родам войск. Сухопутные силы и силы специальных операций определяют данный термин как антоним к традиционной войне, ВВС США – как усложненную форму иррегулярной войны. [4, с.272]

Ряд военных ставит равно между термином "гибридная война" и "операции полного спектра".

Гибридная война представляет собой смешанный подход к ведению войны, который включает в себя традиционные и нерегулярные методы боевых действий. Она может сочетать в себе многочисленные тактические подходы в рамках одной кампании, что требует от противостоящих сторон гибкого и адаптивного ответа. Гибридная война может включать в себя все, от конвенциональных боевых действий до кибератак, экономического давления, пропаганды и многого другого. Но отметим, что термин "гибридная война" не был формально определен в доктринальных документах США, но был использован для описания возрастающей сложности будущих конфликтов.

Многосферные операции, с другой стороны, являются концепцией, которая призвана улучшить способность вооруженных сил быстро и эффективно реагировать на различные угрозы, интегрируя и координируя действия в разных сферах, таких как земля, воздух, море, космос и киберпространство. Оно было отражено в военной доктрине США, в частности, в "Field Manual 3-0", первом новом доктринальном документе за последние 40 лет, который был опубликован в 2023 году [10]. Данный документ представляет собой ключевое руководство для вооруженных сил и подчеркивает необходимость применения принципов скорости, дальности и совмещения передовых технологий для достижения превосходства в принятии решений в будущем. В данном документе говорится, что все угрозы безопасности и интересам США по природе являются гибридными и что противник, не желая идти на прямое вооруженное столкновение с США, использует "информационные войны" в комбинации с конвенциональными и иррегулярными военными возможностями.

Сравнительный анализ подходов РФ и США к гибридной войне и гибридной угрозе

В российском политическом и научном дискурсе понятие "гибридная война" получило широкое распространение после событий на Украине. Российские исследователи и политики активно обсуждают и анализируют данный феномен. В статье Белозерова В.К. и Соловьева А.В. отмечается, что Россия оказалась объектом обвинений в ведении "гибридной войны" со стороны Запада [3].

Российская интерпретация "гибридной войны" связана с использованием комбинированных методов ведения военных действий, включающих как традиционные вооруженные силы, так и нетрадиционные, включая информационную, политическую, экономическую и кибернетическую сферы. Российская доктрина акцентирует внимание на нелинейных методах ведения войны, дезинформации, манипуляциях общественным мнением и использовании гибридных угроз для достижения своих целей.

Российский подход к гибридной войне и гибридной угрозе связан с убеждением в необходимости защиты национальных интересов и суверенитета, и с предположением о попытках некоторых западных

государств изменить международный порядок и ограничить влияние России. В данном контексте "гибридная война" рассматривается как инструмент информационного противоборства и аспект современного политического дискурса.

В политическом и военном дискурсе США термины "гибридная война" и "гибридная угроза" не получили широкого распространения, отсутствует как единое определение, так и единое понимание термина "гибридная война", а "официально данная концепция не принята на вооружение, ведется дискуссия внутри военных кругов по этому поводу". [8, с.80]

Согласно Национальной военной стратегии США 2015 года, "гибридная война" определена как конфликт, в котором пересекаются государственное и негосударственное насилие. Она характеризуется использованием различных методов, сил, средств и ресурсов для достижения целей. В документе особое внимание уделяется примеру "гибридной войны" - действиям России в Крыму и на востоке Украины [11].

США рассматривают "гибридную войну" и "гибридную угрозу" как новую угрозу, требующую адаптации и эффективных ответных мер. Американский подход к гибридной войне связан с применением широкого арсенала инструментов, включая военные, информационные, экономические и политические, для достижения своих стратегических целей. В контексте "гибридной войны" США обращают внимание на усиление неопределенности и двусмысленности, и на необходимость принятия эффективных решений и взаимодействия.

Сравнительно подходы РФ и США к гибридной войне и гибридной угрозе, можно выделить следующие основные моменты:

1. Толкование понятия. Оба государства признают наличие гибридной войны и гибридной угрозы как феномена современной военно-политической реальности. Однако российский подход акцентирует внимание на использовании нелинейных и нетрадиционных методов, в то время как американский подход включает широкий арсенал инструментов в различных сферах, в особенности, в качестве иррегулярных и нетрадиционных войн.

2. Использование в политическом дискурсе. Оба государства активно используют термины "гибридная война" и "гибридная угроза" в своих официальных документах и политических выступлениях. Россия уделяет особое внимание защите национальных интересов и предполагаемым попыткам западных государств изменить международный порядок, в то время как США считают гибридную войну угрозой и требуют адаптации и эффективных ответных мер.

3. Взгляды на противников. В российском подходе Россия часто рассматривается как объект "гибридной войны" со стороны западных государств. США также упоминают Россию как пример "гибридной войны", особенно в связи с событиями на Украине. Оба государства обвиняют друг друга в ведении "гибридной войны".

В заключении можно отметить, что гибридная война и гибридная угроза стали актуальными термини-

нами в политическом и военном дискурсе как в России, так и в США. Оба государства признают наличие данного явления и рассматривают его как новую угрозу в современной военно-политической реальности.

Однако подходы РФ и США к гибридной войне и гибридной угрозе имеют свои особенности. Российский подход акцентирует внимание на использовании нелинейных и нетрадиционных методов, признавая влияние военных и не военных факторов на конфликт. США, в свою очередь, рассматривают гибридную войну как конфликт, в котором пересекаются государственное и негосударственное насилие, и признают необходимость использования широкого арсенала инструментов для достижения своих стратегических целей.

Оба государства активно используют термины "гибридная война" и "гибридная угроза" в своем политическом дискурсе, обвиняют друг друга в ведении такой войны и считают ее угрозой, требующим адаптации и эффективных ответных мер.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации".
3. Белозеров Василий Клавдиевич, Соловьев Алексей Васильевич Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-voyna-v-otechestvennom-politicheskom-i-nauchnom-diskurse> (дата обращения: 17.06.2023).
4. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия. М., Аспект Пресс, 2014.
5. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Гибридные войны; между мифом и реальностью». Мировая экономика и международные отношения СПб., 2019, Том 63 № 12. – С. 110-114
6. Панарин И.Н. Доктрина генерала Герасимова и Гибридная война. <https://matveychev-oleg.livejournal.com/8695818.html>
7. Панарин И.Н. Основы теории "гибридной войны" // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-teorii-gibridnoy-voyny> (дата обращения: 17.06.2023).
8. Фридман О. «Гибридная война» понятий // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Том 50. № 5.
9. US Department of Defense "DOD Dictionary of Military and Associated Terms". Published: Nov 2021. [Электронный ресурс] // URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/dictionary.pdf>

10. Judson J. US Army adopts new multidomain operations doctrine. // Defens News. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.defensenews.com/land/2022/10/10/us-army-adopts-new-multidomain-operations-doctrine/> (дата обращения: 17.06.2023).

11. U.S. Government Accountability Office. Hybrid Warfare. GAO-10-1036R

Published: Sep 10, 2010. Publicly Released: Sep 10, 2010. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gao.gov/products/gao-10-1036r>

Differences in Approaches to the Phenomenon of "Hybrid Warfare" in the Doctrine Documents of Russia and the United States

Vlasov M.S.

Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This research article examines the differences in approaches between Russia and the United States towards the phenomenon of "hybrid warfare," including hybrid threats, as reflected in their respective doctrine documents. The author analyzes the relevant doctrines and strategic materials to identify the key concepts and approaches employed by each country to understand and counter these threats.

The article emphasizes that hybrid warfare involves complex interactions between military and non-military means, including information operations, economic pressure, political diplomacy, and propaganda, to achieve strategic objectives. Russia perceives hybrid warfare as a strategic challenge and develops specific strategies to counter it, while the United States recognizes hybrid warfare as a new threat that requires adaptation and effective countermeasures.

The author highlights the differences in the interpretation of the concepts of "hybrid warfare" and "hybrid threat" in the doctrine documents of each country. Russia focuses on the use of non-linear and non-traditional methods, including information, political, and economic factors, whereas the United States pays attention to a wide array of tools across various domains, including military and non-military methods.

The article also examines the perspectives of Russia and the United States on their adversaries in the context of hybrid warfare. Both nations accuse each other of engaging in "hybrid warfare" and acknowledge the need for adaptation and effective countermeasures. Each country highlights specific examples and contexts, such as Russia's actions in Crimea and Eastern Ukraine, to illustrate the concept of hybrid warfare.

Keywords: hybrid warfare, hybrid threat, doctrine documents, Russian Federation, United States of America, differences, approaches, strategies.

References

1. Military Doctrine of the Russian Federation of February 5, 2010. Approved by Decree of the President of the Russian Federation.
2. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 "On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation".
3. Belozеров Vasily Kladievich, Solovyov Aleksey Vasilievich Hybrid war in the domestic political and scientific discourse // Power. 2015. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-voyna-v-otechestvennom-politicheskom-i-nauchnom-diskurse> (Date of access: 06/17/2023).
4. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Modern military strategy. M., Aspect Press, 2014.
5. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Hybrid wars; between myth and reality. World economy and international relations SPb., 2019, Vol. 63 No. 12. - P. 110-114
6. Panarin I.N. Doctrine of General Gerasimov and the Hybrid War. <https://matveychev-oleg.livejournal.com/8695818.html>
7. Panarin I.N. Fundamentals of the theory of "hybrid war" // International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law. 2019. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-teorii-gibridnoy-voyny> (Date of access: 06/17/2023).
8. Friedman O. "Hybrid war" of concepts // Bulletin of MGIMO-University. 2016. Volume 50. No. 5.
9. US Department of Defense "DOD Dictionary of Military and Associated Terms". Published: Nov 2021. [Electronic resource] // URL: <https://irp.fas.org/doddir/dod/dictionary.pdf>
10. Judson J. US Army adopts new multidomain operations doctrine. // Defense News. 2022. [Electronic resource] URL: <https://www.defensenews.com/land/2022/10/10/us-army-adopts-new-multidomain-operations-doctrine/> (Date of access: 06/17/2023).
11. U.S. Government Accountability Office. Hybrid Warfare. GAO-10-1036R Published: Sep 10, 2010. Publicly Released: Sep 10, 2010. [Electronic resource] // URL: <https://www.gao.gov/products/gao-10-1036r>

Развитие политики занятости населения Китая

Фэн Шидэ

аспирант, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), 373845357@qq.com

Китай является страной с наибольшим населением в мире, и вопрос занятости населения является важной составляющей социально-экономической трансформации Китая. В данной статье рассматриваются политики занятости населения за последние 70 лет, учитывая данные, политику, отчеты и выступления центрального правительства, а также экономические, демографические и социальные условия на каждом этапе. Политика занятости населения Китая прошла путь от системы правительственного распределения к рыночно-ориентированной системе. Правительство гибко корректировало политику занятости на основе различных этапов и требований, способствуя экономическому развитию и уделяя внимание развитию как частного, так и государственного секторов для создания широкого спектра возможностей трудоустройства. Цели политики ясны, многоуровневы и комплексны, нацелены на помощь различным группам в решении проблемы безработицы. Эти корректировки отражают различные этапы и изменения в социально-экономическом развитии Китая.

Ключевые слова: политика занятости населения, Китай, политическое развитие.

Введение

При обсуждении истории политики занятости населения мы можем не только исследовать траекторию развития политики, но и получить более глубокое понимание основных мотивов и факторов влияния. История политики занятости населения является важной составляющей социально-экономической трансформации Китая. Она не только отражает внимание и ответы правительства на проблемы занятости населения в разные периоды, но и представляет собой корректировки в национальных стратегиях развития и особенности социального развития.

Это исследование отличается от других, так как фокусируется на изучении конкретных групп и истории политики. Однако оно выходит за рамки анализа отдельных политик и учитывает более макрофакторы, такие как ситуация с населением, социальная среда и международный контекст в то время. Путем объяснения и анализа тенденций в политике, моделей развития и характеристик в разные периоды мы выявили определенные закономерности. Более того, мы уделяем большее внимание взаимодействию между фактической средой и политиками, проводя систематическое изучение процесса принятия правительственных решений. С помощью такой методологии исследования мы можем получить лучшее понимание и толкование эволюции и развития политики занятости населения в Китае, предоставляя ценные идеи для будущего формирования политики.

Политика занятости населения для восстановления после гражданской войны

В 1949 году правительству было необходимо разрешить проблему 6 миллионов государственных служащих, которые служили правительству КМГ. После гражданской войны Коммунистическая партия Китая опубликовала "Инструкцию о кадрах предыдущего правительства", политику, направленную на набор опытных государственных администраторов, а также политику занятости населения для стабилизации общества и нового режима. Китайское правительство начало социалистическую трансформацию, и политика занятости населения постепенно перешла к системе государственного распределения.

После 1950 года из-за разрушения экономики во время войны правительство временно применило рыночный подход, позволив частным компаниям производить неплановые товары для продажи на рынке в переходный период плановой экономики в сельской местности, что позволило компаниям нанимать больше сотрудников для смягчения высокой безработицы.

В 1952 году была проведена Всенародная конференция по труду и занятости населения, которая организовала политику "Распределение рабочей силы и ограничение притока сельской рабочей силы в Китай", и с этого времени занятость начала определяться государственным распределением. Комитет по труду и занятости Госсовета принял "Регистрацию безработных рабочих" и ввел систему регистрации безработных лиц в городах.

Уровень безработицы повысился, и центральное правительство реализовало политики борьбы с безработицей, такие как "Резюме и руководство по безработице" и "Решение о занятости населения, переселении и пособиях для безработных рабочих".

Китайское правительство внедрило фазовые корректировки, системы государственного распределения и системы регистрации безработицы в ответ на проблемы государственных служащих и занятости. Правительство поощряет наркотизацию и развитие частных предприятий для создания большего количества рабочих мест. В то же время правительство управляет вопросами безработицы через политику и системы регистрации, обеспечивая поддержку и помощь. Эти меры способствуют укреплению социальной стабильности и экономическому развитию.

Политика занятости населения для "полной занятости"

В 1956 году, после завершения основных "трех трансформаций", правительство поставило перед собой цель достижения полной занятости. С этой целью Китай разработал политику занятости населения "Полная регистрация и распределение" в структуре плановой экономики, предусматривающую трудоустройство всех трудоспособных граждан.

После завершения начального этапа "трех трансформаций", связанных с национальной экономикой и рыночными механизмами, система занятости населения полностью отделилась от маркетингово-ориентированной системы занятости населения. Система занятости населения начала переходить к системе государственного распределения.

Процесс притока населения в города за последние 10 лет привел к увеличению уровня безработицы. Центральное правительство в 1958 году ввело "Положение о домовой регистрации Китайской Народной Республики", чтобы снять давление с городской безработицы.

Вливание сельских жителей в города ограничивалось системами домовой регистрации и регистрации занятости населения в городах, поэтому правительство должно было перевести часть рабочей силы в сельскую местность.

В 1958 году народное движение оказало большое влияние на развитие Китая, идея "Общего направления социалистического строительства" была принята Центральным комитетом партии. Началось народное движение, которое увеличило производственные силы Китая. Большое количество сельских рабочих снова пришло в города и начало работать во вторичной промышленности,

что привело к серьезному дефициту рабочей силы в сфере терциарного сектора и дефициту сельскохозяйственной продукции.

В 1961 году правительство попыталось контролировать негативное влияние народного движения на долгосрочное развитие и предложило политику национального развития "корректировки, консолидации, обогащения и улучшения". Правительство начало увольнять государственных служащих и поощряло городских рабочих возвращаться в родные города для работы в третичном секторе, когда они переводили рабочую силу в приграничные регионы.

Для того чтобы решить проблемы экономического развития сельских районов и проблему занятости городского населения,

В 1968 году центральное правительство запустило акцию "езжай в деревню", эта акция в основном поощряла городских образованных подростков работать в сельской местности и помогать сельской местности развивать экономику с помощью своих знаний.

В 1968 году началось очередное народное движение, экономическое развитие замедлилось, рост населения увеличился, а уровень безработицы в городах вырос. В 1973 году правительство утвердило "Положение о вопросах, касающихся перемещения городской образованной молодежи в сельскую местность", а местные органы власти проводили соответствующую политику, принимали административные методы, чтобы позволить большому количеству образованных работников переехать в сельскую местность.

Китайское правительство осуществляет целенаправленную политику в сфере занятости и производит поэтапные корректировки в зависимости от различных стадий развития. Правительство занимает лидирующую роль в управлении занятостью, регулируя занятость через системы государственного распределения и регистрации безработных. Правительство также корректирует политику занятости в соответствии с экономическими потребностями, например, поощряя городских работников искать занятость в сельских районах. Правительство проявляет гибкость в решении проблем занятости, осуществляя динамические корректировки на основе фактических обстоятельств. Эти меры направлены на достижение полной занятости, удовлетворение потребностей рынка труда и создание стабильной среды для занятости.

Политика занятости населения для "множества типов политики занятости населения"

В 1978 году правительство начало экономическую реформу и применило подход "Сосредоточение на экономике". В то же время традиционная система занятости населения была реформирована с учетом изменений в экономической структуре, промышленной структуре и системе занятости населения. Правительство внедрило новую политику занятости населения, включающую "трехвариантное сочетание", "систему трудовых контрактов" и "проекты повторного трудоустройства". Политика занятости

населения, подобно экономической структуре, перешла в новую стадию между традиционной капиталистической и социалистической системами. В середине 1980-х годов она была официально утверждена Правительством на Национальной конференции по труду и занятости населения.

Правительство начало экономические реформы, вновь внедрив рынок как инструмент развития, и решило "сосредоточиться на экономическом строительстве". В переходный период была введена двойная система, в которой плановая экономика и рыночная экономика существовали параллельно. Также была введена двойная система занятости населения, в которой существовала система государственного распределения и рыночно-ориентированная система занятости населения.

Правительство начало развивать вторичную промышленность, которая поглощала большое количество рабочей силы, и приняло систему трудового контракта и программы повторного трудоустройства, чтобы снять давление на занятость населения в предыдущий период.

Структура занятости населения в этот период находилась на грани между капиталистической и социалистической системами. Двойная политика занятости населения позволяла труду и предприятиям применять традиционный подход государственного распределения занятости населения и подход, основанный на спросе и предложении, в рамках плана и руководства правительства.

В 1983 году начался процесс реформирования государственных предприятий, в рамках которого была введена политика двойной занятости населения, а Министерство человеческих ресурсов утвердило "Уведомление о активном испытательном внедрении системы трудового контракта" и "Временные положения о выборе отличных специалистов для занятости населения и оценке их квалификации", устанавливающие определенные критерии для системы двойной занятости населения.

Для содействия интеграции системы труда и занятости населения центральное правительство в 1986 году выпустило специальные нормативные акты о труде и занятости населения в государственных предприятиях, официально утвердив "двухпутевую систему" занятости. Эти политики значительно улучшили состояние государственной и частной экономики и успешно решили проблему роста числа безработных.

В 1986 году правительство опубликовало "Специальные положения о занятости населения в государственных предприятиях", политику, формально устанавливающую "двойную систему" занятости. Эти политики были внедрены для стимулирования экономического развития как в частном, так и в государственном секторе.

В 1994 году официально вступил в силу "Трудовой закон Китайской Народной Республики", полностью реализовавший политику занятости населения в рамках системы трудовых договоров для всех работников. Рыночная экономика и приватизация государственных предприятий существенно снизили уровень безработицы.

Некоторые процессы приватизации или частичной приватизации государственных предприятий привели к массовой безработице среди рабочих. Для решения этой проблемы Министерство кадровых ресурсов в 1995 году выпустило округление о всесторонней реализации проектов по повышению трудоустройства. Оно требовало от местных правительств проведения "проектов по повышению трудоустройства" и регулирования процедур приватизации государственных предприятий в случае банкротства, а также перераспределения безработных.

С учетом экономического и социального развития, правительство выдвинуло политику занятости населения, которая объединяет занятость населения с экономической и социальной безопасностью, и постепенно сняло ограничения на занятость населения, применяемые к сельским трудовым ресурсам исходя из системы регистрации места жительства.

В 1995 году правительство постепенно сняло ограничения на занятость населения, связанные с системой регистрации места жительства, для сельских трудовых ресурсов. В то же время экономика значительно развивалась. Правительство выдвинуло политику занятости населения, которая объединяет занятость населения и социальную безопасность, для обеспечения прав работников.

После 16-го съезда Коммунистической партии правительство продолжило работу по улучшению уровня занятости населения. Была создана система политики занятости населения, включающая "поддержку занятости населения", "систему социального обеспечения" и "службу занятости населения" для повышения уровня

С 2000 года китайское правительство начало внедрять политику для развития социализма с китайскими особенностями. Целью было расширение внутреннего спроса, снижение зависимости от экспорта, смягчение влияния экономического кризиса на китайскую экономику и стимулирование преобразования трудоемкой и индивидуальной частной экономики. Правительство продолжает внедрять политики, направленные на стимулирование экономического роста и занятости рабочей силы, используя экономический рост для создания рабочих мест. Для справления с избыточной рабочей силой и ростом населения, вызванными трансформацией трудоемких отраслей, правительство развивает сферу услуг и инфраструктурные проекты для усвоения рабочей силы, что способствует экономическому развитию. В то же время правительство внедряет рыночно-ориентированную систему занятости населения, адаптированную к потребностям рынка труда, развивает систему трудового рынка и улучшает государственную систему предоставления услуг по занятости населения с помощью политик и поддержки.

Политика занятости населения, проводимая правительством Китая, обладает следующими характеристиками: Во-первых, правительство отдает приоритет экономическому развитию и использует экономически ориентированный подход для проведе-

ния реформ и реализации политики занятости населения. Во-вторых, правительство ввело двух параллельную систему занятости, позволяя как правительству, так и рынку участвовать в планировании и руководстве занятостью населения. Кроме того, правительство реализовало инновационные политики, такие как трудовые контракты и программы повторного трудоустройства, чтобы смягчить давление на занятость и предоставить больше возможностей для трудоустройства. Политика занятости населения тесно связана с экономическим развитием, нацелена на стимулирование развития частного и государственного секторов экономики.

Современная политика занятости населения

В 2002 году было издано "Уведомление Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о дальнейшей переподготовке рабочих" и другие документы.

Для стимулирования потребления и расширения внутреннего спроса правительство провело ряд мероприятий, направленных на поощрение самозанятости и развитие малых и средних предприятий, которые могут предоставить множество рабочих мест. Правительство оказывает поддержку сервисно-ориентированным предприятиям (третичный сектор), чтобы увеличить количество рабочих мест в сфере услуг. Правительство продолжает совершенствовать систему служб занятости населения на рынке труда.

Введение в действие "Закона Китайской Народной Республики о поощрении занятости" в 2008 году значительно улучшило переподготовку рабочих с юридической точки зрения.

В 2003 году китайское правительство запустило Проект по переподготовке рабочих с целью решения проблем, таких как перенос сельскохозяйственного труда, реформа предприятий и переподготовка безработных граждан. Проект предоставлял не только обучение и поддержку предпринимательства, но и создал фонд переподготовки, предлагающий займы и субсидии безработным, помогая им reintegrироваться на рынок труда. Кроме того, правительство активно проводило обучение по переносу труда, усиливало информационное распространение и услуги по связыванию на рынке труда, предоставляло возможности по повышению квалификации и предпринимательской деятельности для безработных и способствовало их переподготовке.

В 2004 году, чтобы решить проблему трудностей с трудоустройством выпускников вузов, китайское правительство разработало специальные политики, направленные на их трудоустройство. Политика включала в себя различные меры

В 2013 году китайское правительство внедрило политику предпринимательства, занятости и независимого инновационного развития для стимулирования роста занятости и экономического развития. Правительство активно поощряло предпринимательство и предоставляло политическую поддержку, такую как предпринимательское обучение, финансовую помощь, налоговые льготы и защиту интеллектуальной собственности, для создания

благоприятной предпринимательской среды. Правительство также усилило поддержку инновационных предприятий, поощряло независимое инновационное развитие, развивало новые отрасли и создавало больше возможностей для занятости.

В 2014 году китайское правительство дальше развивало массовое предпринимательство и инновации, укрепляя общественную атмосферу и политическую среду для предпринимательства и инноваций. Правительство улучшило предпринимательское обучение и руководство, предоставило больше финансовой поддержки и политических льгот, и поощряло широкую общественность активно участвовать в предпринимательской и инновационной деятельности. В то же время, через различные политические меры, такие как финансы, налогообложение и фискальная поддержка, правительство способствовало развитию малых и средних предприятий с высоким потенциалом по созданию рабочих мест, создавая положительный цикл между предпринимательством, инновациями и занятостью.

В 2016 году китайское правительство придало стабильности занятости приоритет в экономическом и социальном развитии и реализовало ряд мероприятий для обеспечения стабильности занятости. Правительство усилило мониторинг и прогнозирование занятости и рынка труда, своевременно предоставляло информацию о занятости и предоставляло руководство по трудоустройству и профессиональное обучение. Правительство также поощряло предприятия. Кроме того, правительство уделяло повышенное внимание трудоустройству особых групп населения и ограниченными возможностями и трудящиеся-мигранты, обеспечивая им особую поддержку и защиту.

В 2020 году, столкнувшись с последствиями пандемии COVID-19, правительство Китая приняло многочисленные меры по поддержке возобновления работы и производства на предприятиях и обеспечению стабильности занятости. Правительство снизило налоговое обложение для предприятий, ввело политику субсидирования стабилизации рабочих мест, поощряло гибкую занятость и удаленную работу, а также способствовало восстановлению и стабильности возможностей трудоустройства. Кроме того, правительство усилило поддержку отраслей и регионов, сильно пострадавших от пандемии, способствуя их восстановлению и восстановлению занятости.

Вызовы и стратегии преодоления

Политика занятости Китая сталкивается с рядом вызовов во время ее реализации, включая внутренние и международные давления. Внутри страны Китай сталкивается с значительным спросом на рабочую силу и необходимостью предоставления достаточного количества рабочих мест для удовлетворения потребностей своего большого населения, новых выпускников и непрерывного роста рабочей силы. Кроме того, в условиях структурной трансформации экономики и технологического прогресса проблема структурной безработицы становится более актуальной, требуя от правительства решения проблемы перехода на новые виды работы и обучения

для безработных. Региональные различия также представляют вызов, с некоторыми регионами, испытывающими давление на занятость, в то время как в других имеется избыток рабочих мест. Правительству необходимо разработать региональные политики занятости для стимулирования сбалансированного регионального развития и равномерного распределения возможностей занятости. Кроме того, проблема трудоустройства выпускников вузов требует внимания, и правительство должно увеличить поддержку их занятости путем создания большего количества рабочих мест и предоставления поддержки предпринимательства. Для решения проблем, связанных с гибкой занятостью и социальным обеспечением, правительство должно адаптироваться к возникающим формам занятости и установить соответствующие механизмы социального обеспечения для защиты прав и благосостояния работников с гибким графиком работы.

Для преодоления вызовов, с которыми сталкиваются политики занятости, Китай может рассмотреть следующие потенциальные решения. Во-первых, поощрение инноваций и предпринимательства путем стимулирования предпринимательского духа и инновационных возможностей, предоставление поддержки и благоприятных условий, развитие новых отраслей и предпринимательских сред, чтобы создать больше возможностей для трудоустройства. Во-вторых, содействие сбалансированному региональному развитию путем увеличения поддержки экономически слабых регионов, содействия региональному балансу через трансферные платежи и другие меры, сокращение разрыва в безработице между регионами и создание большего количества рабочих мест по всей стране. Кроме того, поощрение гибкой занятости и создание системы социального обеспечения, которая адаптируется к новым формам занятости, для защиты прав и благосостояния работников с гибким графиком работы, обеспечение им доступа к соответствующему социальному обеспечению. Одновременно необходимо разнообразить каналы занятости, поощрять сотрудничество между государственным и частным секторами, развивать сферу услуг, инновационные отрасли, цифровую экономику и другие новые секторы для создания большего количества рабочих мест. Кроме того, правительство, частный сектор и образовательные учреждения должны тесно сотрудничать, совместно разрабатывать политику и гибко корректировать политику занятости для достижения более стабильного, устойчивого и качественного занятости. Кроме того, необходимо укреплять образование и профессиональную подготовку, повышать качество и приспособленность образовательной системы, обеспечивать, чтобы выпускники обладали навыками, отвечающими требованиям рынка, и предоставлять профессиональное и переходное обучение для помощи безработным в поиске

Заключение

Политика занятости населения Китая перешла от системы государственного распределения к рыночно-ориентированному подходу. Это изменение

направлено на стимулирование экономического развития, активизацию частных и государственных предприятий и создание большего количества рабочих мест. Корректировки политики соответствуют социально-экономическому развитию Китая на различных этапах. Правительство демонстрирует способность динамически адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, внедряя индивидуальные меры. Цели политики ориентированы на достижение конкретных результатов и соответствуют экономическим и социальным потребностям каждого этапа. Правительство формулирует многоуровневые и всесторонние политики, направленные на решение различных проблем занятости, с которыми сталкиваются различные группы. Эти политики включают в себя обучение, поддержку предпринимательства и налоговые льготы с целью улучшения возможностей и качества занятости. Через эти усилия правительство стремится достичь экономического роста, социальной стабильности и улучшения условий занятости в Китае.

Литература

1. Ма, З. (2013). "Исследование исторических изменений и тенденции развития системы занятости в Китае". Цзилиньский университет.
2. Хуанг, А. (2004). "Эволюция политики занятости с момента основания государства", *Finance & Accounting Monthly*, Vol. 8, pp. 59-60.
3. Xie, X., Chen Y. (2019). "Изменения в политике занятости в Новом Китае за последние 70 лет", *Реформа*, том 4, стр. 16-26.
4. Мэн, Б., Чжун, Х., Лю, М. (2019). "Изменения в политике занятости студентов колледжей в нашей стране за 70 лет после основания Нового Китая", *Журнал Хэбэйского нормального университета*, том 21, № 2. стр. 63-68
5. Zhu, K., Luo, X., Sun, X. (2020). "Изменение и движущий механизм государственной политики занятости", *Журнал Шанхайского института управления*, том 21, № 1, с. 44-57.
6. Чжао, Д., Луо, Х. (2021). "Эволюция и перспективы политики занятости сельского труда в стране", *Журнал Академии управленческих кадров Министерства сельского хозяйства и сельских дел*, том 44, стр. 80-87.
7. Ду, Ю. (2017). "Характеристики и изменения текущей политики занятости моей страны", *Профсоюзная выставка*, том 5, стр. 21-22.

The Development of China's Employment Policy Feng Shide

Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)

China is the country with the largest population in the world, and the issue of employment is an important part of China's socio-economic transformation. This article examines the employment policies of the population over the past 70 years, taking into account the data, policies, reports and speeches of the central government, as well as economic, demographic and social conditions at each stage. China's employment policy has gone from a government distribution system to a market-oriented system. The government adjusted employment policy flexibly based on different stages and requirements, promoting economic development and focusing on the development of both the private and public sectors to create a wide range of employment opportunities. The objectives of the policy are clear, multi-layered and complex, aimed at helping various groups to solve the problem of unemployment. These adjustments reflect different stages and changes in China's socioeconomic development.

Keywords: employment policy, China, political development.

References

1. Ma, Z. (2013). "A Study of Historical Changes and Development Trends of China's Employment System". Jilin University.
2. Huang, A. (2004). "The Evolution of Employment Policy Since the Founding of the State", Finance & Accounting Monthly, Vol. 8, pp. 59-60.
3. Xie, X., Chen Y. (2019). "Changes in Employment Policies in New China in the Past 70 Years," Reform, Volume 4, pp. 16-26.
4. Meng, B., Zhong, X., Liu, M. (2019). "Changes in College Student Employment Policies in Our Country in the 70 Years After the Founding of New China," Journal of Hebei Normal University, Vol. 21, No. 2. pp. 63-68
5. Zhu, K., Luo, X., Sun, X. (2020). "Change and Driving Mechanism of State Employment Policy", Journal of Shanghai Institute of Management, Vol.21, No.1, p. 44-57.
6. Zhao, D., Luo, H. (2021). "Evolution and Perspectives of Rural Employment Policies in the Country", Journal of the Academy of Management Personnel of the Ministry of Agriculture and Rural Affairs, Volume 44, pp. 80-87.
7. Du, Y. (2017). "Characteristics and Changes in My Country's Current Employment Policy," Trade Union Exhibition, Volume 5, pp. 21-22.

Инновационные подходы Российской Федерации для нейтрализации угроз транснациональной преступности

Тетюхин Виталий Викторович

аспирант, кафедра международной безопасности и внешнеполитической деятельности России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Mrvitalyvi@yandex.ru

Статья посвящена анализу существующих и планируемых ко внедрению инноваций в сферу противодействия трансграничной преступности. Отмечается, что трансформация видов преступной деятельности требует оперативной разработки качественно новых форм, методов и средств, применяемых для борьбы с криминальными структурами и отдельными правонарушителями. Это возможно не только за счет эффективизации имеющегося у органов оперативно-розыскной деятельности инструментария и внедрения научно-технических разработок в правоохранительную практику, но и за счет внедрения инноваций на уровне государства, а также на наднациональном уровне. Выработана поуровневая система инновационных подходов Российской Федерации в области нейтрализации угроз транснациональной преступности. Анализ степени имплементации инновационных решений в деятельность Российской Федерации в отношении противодействия трансграничной преступности позволил сделать выводы о наличии ряда барьеров и недостатков текущей системы.

Ключевые слова: глобализация, транснациональная преступность, преступность, киберпреступность, кибертерроризм, правоохранительная деятельность, снг, еазс, инновация

Современное общество развивается в условиях глобализации и информатизации, при этом обе эти тенденции имеют как положительные, так и негативные аспекты. Наряду с возникновением ряда технологических инноваций, облегчающих жизнедеятельность человека, современная эпоха столкнулась с беспрецедентным ростом транснациональной преступности. Транснациональная преступность, при этом, постоянно эволюционирует, достигая новых форм воздействия на все сферы общественной жизни; «она всячески изменяет способы воздействия на предмет посягательства» [4, с. 105]. Преступность, к сожалению, адаптируется к изменчивым условиям внешней среды гораздо быстрее, чем инструменты и системы, оказывающие ей противодействие.

Трансформация видов преступной деятельности требует оперативной разработки качественно новых форм, методов и средств, применяемых для борьбы с криминальными структурами и отдельными правонарушителями [2, с. 12]. Все это возможно не только за счет эффективизации имеющегося у органов оперативно-розыскной деятельности инструментария и внедрения научно-технических разработок в правоохранительную практику, но и за счет внедрения инноваций на уровне государства, а также на наднациональном уровне.

Зачастую понятие «транснациональная преступность» в современных научных и медийных публикациях отождествляется с понятиями «кибертерроризм/киберпреступность». Действительно, киберпреступления сегодня составляют значимую (а может быть – и основную) часть международной криминальной активности [1, с. 41]. Для того, чтобы эффективизировать процессы идентификации и поимки киберпреступников, государства должны инициировать модернизацию всей системы правоохранительной деятельности, причем эта модернизация должна включать новейшие достижения науки и техники – инструментарий на основе искусственного интеллекта, «Большие данные», квантовую криптографию, использование беспилотных летательных аппаратов, распознавание преступников, террористов, поиск людей, пропавших без вести, посредством нейронных сетей [10, с. 266].

Крайне важно, чтобы представители политических элит проявляли инициативу и волю к модернизации системы борьбы с транснациональной преступностью. Можно сказать, что такие инициативы регулярно возникают в среде государственных служащих, однако, далеко не все из них могут быть имплементированы в реальную правоохранительную практику. В целом, поуровневая система инновационных подходов Российской Федерации в области

нейтрализации угроз транснациональной преступности может быть представлена следующим образом (Таблица 1):

Таблица 1
Система инновационных подходов Российской Федерации в области нейтрализации угроз транснациональной преступности

Компонент системы	Меры и векторы деятельности	Примеры
Транснациональный уровень		
Официальная фиксация международных и двусторонних политик по сотрудничеству	(1) Россия является стороной многих международных конвенций и договоров, включая много- и двусторонние соглашения о стратегическом сотрудничестве, обмене информацией и координации оперативных действий, на базе которых обеспечивается сотрудничество с другими странами в области борьбы с транснациональной преступностью.	- Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000 г. - Распоряжение Правительства РФ N 2900-р «О подписании соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области борьбы с транснациональной преступностью» (2022 г.). - Приказ МВД России от 31.03.2012 № 305 (ред. от 06.06.2016) «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Международное оперативное сотрудничество правоохранителей	(2) Российские правоохранительные органы активно сотрудничают с международными партнерами (правоохранительными структурами других стран). Проводятся совместные операции, происходит обмен информацией и разрабатываются оперативные стратегии по предотвращению и расследованию транснациональных преступлений.	- Совместная операция российских и аргентинских правоохранительных органов («12 королев») (2018 г.)
Развитие сотрудничества с международными организациями	(3) Россия активно сотрудничает с международными институтами в сфере обеспечения международной безопасности, такими как Интерпол и ООН.	- Участие в международной операции «Пангея» (Интерпол), целью которой является объединение усилий в противодействии преступлениям, связанным с интернет-торговлей незарегистрированными, фальсифицированными и недоброкачественными лекарствами (2021 г.).

Укрепление границ и контроль миграционных потоков	(4) Совместные меры по укреплению границ и контролю миграционных потоков: усиление мер по контролю за въездом и выездом из страны, по контролю миграционных потоков. Приграничное сотрудничество в вопросах внедрения современных систем автоматического распознавания лиц и биометрического контроля на границах, что помогает выявлять и предотвращать перемещение преступников через общие границы.	- Декларация о согласованной миграционной политике государств – участников Содружества Независимых Государств. - Совместная операция «Шекара-2017» (Казахстан, Россия).
Национальный уровень		
Стратегические внутри-государственные меры	(1) Принятие государственных программ и стратегий. Стратегия определяет основные направления развития в области кибербезопасности.	- Принята Национальная стратегия информационной безопасности (2020 г.) Стратегия включает в себя широкий спектр мер по укреплению инфраструктуры, защите критической информации и совершенствованию правовой базы.
Законодательные меры	(2) В России принимаются законодательные акты, направленные на борьбу с транснациональной и киберпреступностью. Подобный сегмент законодательного массива направлен на регулирование наказаний за участие в транснациональных преступных группировках, на уточнение видов международной преступности, а также затрагивает вопросы обработки и защиты персональных данных, наказаний за киберпреступления и мер по предотвращению распространения вредоносного программного обеспечения.	- ч. 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» механизмах и принципах - Федеральный закон от 18.03.2019 N 33-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 7.1 Федерального закона "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" и статьи 7 и 10 Федерального закона "О национальной платежной системе»
Односторонние меры по укреплению границ и совершенствованию контроля миграционных потоков	(3) Принятие односторонних мер по усилению контроля за въездом и выездом из страны, за миграционными потоками. Внедрение современных систем автоматического распознавания лиц и биометрического контроля на границах, способствующих идентификации и предотвращению перемещения преступников через государственную границу.	- Мероприятия, проводимые в приграничных районах Ленинградской области по профилактике правонарушений, усилении контроля за состоянием пограничного режима с Эстонией и Финляндией.

Развитие общестрановых систем киберзащиты критической информационной инфраструктуры	(4) В России активно внедряются системы мониторинга и защиты объектов критической информационной инфраструктуры (энергетические компании, телекоммуникационные операторы и финансовые учреждения); используются современные средства и методы обнаружения и предотвращения кибератак.	- Создана система кибербезопасности (2015 г.)
Развитие и использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в оперативной деятельности	(5) Искусственный интеллект в последние годы начинает играть важную роль в обнаружении и предотвращении случаев трансграничной преступности. Россия начала развивать и применять ИИ-технологии для анализа данных, выявления аномального поведения лиц и распознавания угроз.	- Внедрение в российских аэропортах биометрии и искусственного интеллекта (2021 г.) для повышения эффективности обработки различных данных, например, видеооряда от камер наблюдения.
Институциональный уровень		
Открытие новых специализированных отделов и подразделений	(1) В России созданы и продолжают формироваться новые специализированные отделы и подразделения, занимающиеся борьбой с трансграничной преступностью.	- Создан Центр стратегических разработок (2017 г.), - Ведутся дискуссии о создании министерства по делам миграции. - В МВД создано управление по борьбе с киберпреступностью (управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий).
Развитие систем подготовки профессиональных кадров в сфере кибербезопасности и трансграничной преступности	(2) В России уделяется большое внимание подготовке специалистов в области кибербезопасности. Открыты специализированные учебные центры, вузы предлагают образовательные программы по кибербезопасности, проводятся тренинги и семинары для повышения квалификации действующих сотрудников.	- В России создали рабочую группу по вопросам подготовки кадров в сфере информационной безопасности (ИБ) (2021 г.)

Примечание: источник – собственная разработка автора

Рассмотрим подробнее каждый из вышеобозначенных уровней на конкретных примерах.

На международном уровне особенно важным вектором деятельности выступает сотрудничество Российской Федерации с другими странами в рамках геополитических альянсов. Особенно важным данный вектор деятельности представляется нам в отношении соседних стран. Следует сказать, что в

отношениях с ближайшим зарубежьем Россия следует подходу, который предусматривает как традиционные, конвенциональные методы борьбы с международными преступными группировками, так и стремится обновить существующие методики и стратегии, внедряя инновации в процессы трансграничного сотрудничества.

Можно сказать, что большинство инновационных решений в сфере международного сотрудничества сосредоточено на проблемах обеспечения кибербезопасности. К примеру, Центробанк России имеет соглашения с Национальными банками Кыргызстана, Армении, Беларуси и Казахстана, действующие с 2018 г. По условиям соглашений, при ситуации рисков информационной безопасности стороны обязуются направить уведомление, содержащее ключевые параметры атаки, в Центр взаимодействия и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России. После того, как атака нейтрализована и ее причины выявлены, а также выработана стратегия предотвращения подобных атак в будущем, информация в виде сводного отчета представляется всем Национальным банкам стран-участниц ЕАЭС [11].

Деятельность в рамках международных организаций, как показано в Таблице 1, выступает важным компонентом рассматриваемой нами системы. В июне 2022 г. страны, входящие в ЕАЭС, подписали Программу совместных действий в сфере защиты прав потребителей. Программа включала в себя: (1) ряд совместных мероприятий, направленных на просвещение граждан в области нарушения прав потребителей, а также на формирование навыков рационального и устойчивого потребления; (2) меры по разработке и принятии рекомендаций ЕЭК для формирования механизмов учета интереса потребителей, проведение анализа регионального законодательства, социологических исследований, организацию и проведение круглых столов; (3) системную политику по предотвращению нарушения прав потребителей в трансграничном аспекте [11].

Целый ряд инновационных решений и национальных политик по их внедрению был представлен в рамках VII Международной конференции по защите прав потребителей финансовых услуг «Территория финансовой безопасности» (октябрь 2022 г.). А. Хачатрян, руководитель Департамента финансовой политики ЕЭК, определил основные направления по внедрению высокотехнологичных решений в сотрудничество между странами-участницами. Дополнительными целями А. Хачатрян назвать гармонизацию финансового законодательства, формирование современной рыночной инфраструктуры и развитие финансовых технологий в каждой из стран, входящих в ЕЭК [11].

Важнейшим направлением внедрения инновационных решений в систему противодействия трансграничной преступности на международном уровне выступает совершенствование информационного обмена. В рамках функционирования Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений (1993 г.) уже

в 2005 г. был создан и до сих пор работает специализированный банк данных, информацией которого пользуются правоохранительные органы всех государств-участников СНГ. Бюро, кроме того, выполняет образовательную функцию и организует взаимные стажировки сотрудников, обмен учебно-методическими материалами и согласование учебных планов и программ по новым правоохранительным дисциплинам [3].

Согласно Исполнительному комитету СНГ, информационное взаимодействие при решении задач борьбы с международной преступностью выступает приоритетным направлением сотрудничества правоохранительных органов участников СНГ. Существенной динамики в области информационного обмена между странами-участницами СНГ, к сожалению, не наблюдается – за исключением повышения скорости подобного обмена за счет наличия высокоскоростного Интернета в ведомствах. С момента публикации Концепции формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств, утвержденной Решением Совета глав правительств СНГ от 18 октября 1996 г., к сожалению, существенных инноваций в ее реализации не наблюдается.

Тем не менее, была выработана и модернизирована организационная и нормативно-правовая база межгосударственного сотрудничества, были усовершенствованы банки и базы данных, наряду с технологиями их ведения и применения. Отмечая динамику трансформационных процессов преступного сообщества, требуется бороться с ними с использованием современных информационных технологий, поэтому можно сделать вывод о том, что данное направление сотрудничества требует дальнейшего развития и выработки инновационных технологий и механизмов. Анализ степени имплементации инновационных решений в деятельность Российской Федерации в рамках СНГ и ЕАЭС в отношении противодействия трансграничной преступности приводит к выводам о наличии ряда барьеров и недостатков текущей системы:

1. Принятые межгосударственные и межведомственные документы в сфере борьбы с трансграничной преступностью носят рамочный обобщенный характер и способны регламентировать только общие векторы организации деятельности по сотрудничеству; отсутствует детальная проработка механизма обмена конкретными сведениями.

2. Отсутствуют правовые инструменты, регламентирующие процессы обмена информацией о лицах, пересекающих государственные границы, в отношении которых имеются данные о наличии намерений совершить противоправное деяние.

3. Существующие системы информационного обмена не обеспечивают оперативность передачи данных в режиме реального времени, что затрудняет раскрытие преступлений по горячим следам, что особенно важно при работе над делами межгосударственного характера.

4. Налицо узковедомственный подход к информационному обмену и отсутствие инициатив государственного уровня;

5. Приверженность конвенциональным способам работы; кроме того, используемые каналы связи не отвечают современным требованиям с точки зрения скорости, объемов и защищенности информации.

Все это позволяет сделать вывод о необходимости разработки и реализации инноваций в области сотрудничества государств-участников СНГ в вопросах борьбы с преступностью [6].

Национальный уровень системы противодействия трансграничной преступности в контексте внедрения инноваций подразумевает принятие новых законодательных актов и стратегий, регламентирующих системы борьбы с новыми видами преступной деятельности. Таковыми являются, к примеру, распоряжение Президента Российской Федерации «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 15 ноября 2005 г. № 557-рп [батов 15], закон о запрете на вывод наличных с анонимных электронных кошельков (2020 г.) [7] и проч. Тем не менее, наибольший интерес представляет третий выделенный нами уровень – институциональный, так как именно на нем происходит непосредственное внедрение инновационных решений в рассматриваемую нами правоохранительную область.

Приведем наиболее показательные примеры подобных инноваций. Следует сказать, что в системе противодействия транснациональной преступности уже более 5 лет применяются облачные информационные сервисы и новые формы коммуникаций государственных ведомств. Постепенно все документы переводятся из бумажного в цифровой электронно-реестровый вид. Кроме того, в России существует множество электронных баз данных – ФИС ГИБДД, СЦУО (сервис учета оружия), «Следопыт-М», СООП (сервис обеспечения охраны общественного порядка), сервисы Главного управления по вопросам миграции [9, с. 722].

Кроме того, в России созданы специализированные отделы и подразделения, занимающиеся борьбой с транснациональной преступностью. Например, Отдел по борьбе с организованной преступностью и коррупцией при МВД России занимается раскрытием и пресечением преступных группировок с транснациональными связями. Функционирует Центр специального назначения «Лидер», оснащенный передовыми техническими средствами и системами мониторинга для оперативного реагирования на транснациональные преступные группировки.

В сентябре 2022 г. в структуре МВД России сформировано управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. В Центральном Банке Российской Федерации организован отдел мониторинга, целью которого является идентификация финансовых пирамид и нелегальных участников рынка ценных бумаг [11].

Идентификацию кибермошенников и хакеров реализует, помимо прочих структур, Национальное Центральное Бюро Интерпола МВД России. Данная структура функционирует на базисе глобальной информационной телекоммуникационной системы I-

24/7, благодаря которой время исполнения запросов в Интерпол является практически мгновенным [8, с. 239].

На базе Федеральной службы по финансовому мониторингу был сформирован Федеральный центр антинаркотического мониторинга информационных платформ. Происходит формирование специализированного аналитического подразделения в ФЦАМ с внедрением искусственного интеллекта и технологий блокчейн в целях накопления больших данных о наркотических средствах в Интернет-пространстве [5, с. 78].

Таким образом, однозначно констатировать завершение процесса инновирования системы борьбы с трансграничной преступностью в России пока нельзя. Тем не менее, множество инициатив, реализуемых как в контексте международного сотрудничества, так и внутри страны, позволяет предположить, что в течение последующих 5-10 лет произойдет полная «оцифровка» данной системы, что, безусловно, положительно скажется на ее результативности.

Литература

1. Атнашев, В. Р. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом / В. Р. Атнашев, С. Н. Яхьяева // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – №3 (29). – С. 37-42.

2. Батоев, В. Б. «Большие данные (big data)» и предиктивная аналитика в оперативно-разыскной деятельности: проблемы использования и пути решения / В. Б. Батоев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – №1 (52). – С. 11-17.

3. Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП) // Интернет-портал СНГ. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3345/> – Дата доступа: 28.05.2023.

4. Кормазов, А. В. Некоторые вопросы эффективной борьбы с террористической преступностью и условия, способствующие ее снижению / А. В. Кормазов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – №3. – С. 105-107.

5. Минзянова, Д. Ф. Инновационный подход к раскрытию и предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в интернет-пространстве / Д. Ф. Минзянова, Д. М. Фарахiev // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2022. – №1 (13). – С. 74-80.

6. О межгосударственном информационном обмене в сфере борьбы с преступностью – Исполком СНГ // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/april/49310/>. – Дата доступа: 28.05.2023.

7. Рябова, В. Онлайн-пропаганда наркотиков в России отнесена к угрозам национальной безопасности // Digital Russia. – 2020 [Электронный ресурс].

– Режим доступа: <https://d-russia.ru/onlajn-propaganda-narkotikov-v-rossii-otnesena-k-ugrozam-nacionalnoj-bezopasnosti.html>. – Дата доступа: 28.05.2023.

8. Ситков, А. С. Международное сотрудничество полиции в рамках интерпола по противодействию киберпреступности и обеспечению кибербезопасности / А. С. Ситков // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №5. – С. 238-242.

9. Суходолов, А. П. Big data как современный криминологический метод изучения и измерения организованной преступности / А. П. Суходолов, С. В. Иванцов, Т. В. Молчанова, Б. А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – №5. – С. 718-726.

10. Шалагин, А. Е. Международное сотрудничество в сфере противодействия преступности на современном этапе / А. Е. Шалагин, М. Ю. Гребенкин // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2020. – №2 (10). – С. 260-268.

11. Цифровая интеграция: как в Евразийском союзе борются с киберпреступностью // Интернет-портал СНГ. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/106693/>. – Дата доступа: 28.05.2023.

Innovative approaches of the Russian Federation to neutralize the threats of transnational crime

Tetyukhin V.V.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of existing and planned innovations in the field of combating cross-border crime. It is noted that the transformation of the types of criminal activity requires the rapid development of qualitatively new forms, methods and means used to combat criminal structures and individual offenders. This is possible not only by improving the tools available to the bodies of operational-investigative activities and introducing scientific and technical developments into law enforcement practice, but also by introducing innovations at the state level, as well as at the supranational level. A level-by-level system of innovative approaches of the Russian Federation in the field of neutralizing the threats of transnational crime has been developed. An analysis of the degree of implementation of innovative solutions in the activities of the Russian Federation in relation to combating cross-border crime made it possible to draw conclusions about the presence of a number of barriers and shortcomings of the current system.

Keywords: globalization, transnational crime, crime, cybercrime, cyberterrorism, law enforcement, cis, eaeu, innovation

References

1. Atnashev, V. R. International cooperation in the fight against cybercrime and cyberterrorism / V. R. Atnashev, S. N. Yakhyyeva // Eurasian integration: economics, law, politics. – 2019. – No. 3 (29). – P. 37-42.
2. Batoev, V. B. "Big data" and predictive analytics in investigative activities: problems of use and solutions / V. B. Batoev // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 1 (52). – P. 11-17.
3. Bureau for Coordinating the Fight against Organized Crime and Other Dangerous Types of Crimes on the Territory of the CIS Member States (BCBOP) // Internet portal of the CIS. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://e-cis.info/cooperation/3345/> – Access date: 05/28/2023.
4. Korkmazov, A. V. Some issues of effective fight against terrorist crime and conditions contributing to its reduction / A. V. Korkmazov // Problems of economics and legal practice. – 2019. – No. 3. – S. 105-107.
5. Minzyanova, D.F. Innovative approach to detection and prevention of crimes in the field of illicit drug trafficking committed in the Internet space / D.F. Minzyanova, D.M. Farakhiev // Uchenye zapiski Kazanskogo juridical institute MVD Rossii. – 2022. – No. 1 (13). – S. 74-80.
6. On interstate information exchange in the field of combating crime - the CIS Executive Committee // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/april/49310/>. – Access date: 05/28/2023.
7. Ryabova, V. Online drug propaganda in Russia classified as a threat to national security // Digital Russia. – 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://d-russia.ru/online-propaganda-narkotikov-v-rossii-otnesena-k-ugrozam-nacionalnoj-bezopasnosti.html>. – Access date: 05/28/2023.
8. Sitkov, A. S. International police cooperation within the framework of Interpol to combat cybercrime and ensure cybersecurity / A. S. Sitkov // Bulletin of

- the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 5. – S. 238-242.
9. Sukhodolov, A. P. Big data as a modern criminological method for studying and measuring organized crime / A. P. Sukhodolov, S. V. Ivantsov, T. V. Molchanova, B. A. Spasennikov // All-Russian Criminological Journal. - 2019. - No. 5. - S. 718-726.
10. Shalagin, A. E. International cooperation in the field of combating crime at the present stage / A. E. Shalagin, M. Yu. Grebenkin // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 2 (10). – S. 260-268.
11. Digital integration: how the Eurasian Union fights cybercrime // Internet portal of the CIS. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://e-cis.info/news/566/106693/>. – Access date: 05/28/2023.

Идеи Си Цзиньпина о дипломатии — утверждение справедливости при преследовании общих интересов

Чжан Хуэйминь

аспирант Факультета глобальных процессов, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
huiminzhang658@gmail.com

Идеи Си Цзиньпина о дипломатии является важной частью Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи, а также основополагающим принципом и руководством к действию для внешней работы Китая в новую эпоху. Как мировая держава, изучение внешней политики Китая имеет важное значение. Цель статьи, ее главная сверхзадача — Идеи Си Цзиньпина о дипломатии, основные черты "Утверждения справедливости при преследовании общих интересов" Си Цзиньпина и ее практика. Она включает дипломатические стратегии, сформулированные, реализованные и измененные китайским руководством в соответствии с концепцией "Утверждения справедливости при преследовании общих интересов" дипломатической мысли и политической ситуацией внутри страны и за рубежом которые руководство КНР вырабатывала, осуществляла и меняла в зависимости от "Утверждения справедливости при преследовании общих интересов" и политической ситуации как внутри страны, так и за рубежом.

Автор пытается объяснить Идеи Си Цзиньпина о дипломатии с точки зрения традиционной культуры и литературы. Новизна исследования заключается в том, что концептуализирует внешнюю политику Китая при Си Цзиньпине с точки зрения "Утверждения справедливости при преследовании общих интересов", помогая понять философскую логику внешней политики Китая, особенно в контексте все более активного участия Китая в глобальном управлении.

Ключевые слова: Внешняя политика Китая; Си Цзиньпин; Утверждение справедливости при преследовании общих интересов

Введение. С созданием государств и растущим взаимодействием между ними внешняя политика занимает все более важное место в национальных стратегиях развития. В.И. Буренко и В.В. Журавлева определяют внешнюю политику, как «деятельность государств на международной арене, регулирующую их отношения с целью реализации национальных интересов» [1].

Сегодня мир сталкивается с серьезными проблемами, связанными с усилением геополитических конфликтов и игр великих держав, глобальная безопасность сталкивается с неопределенностью, восстановление мировой экономики хрупко и нестабильно, возникают различные риски и кризисы, мир вступил в новую фазу турбулентности и трансформации. Как важный игрок в системе глобального управления, каждый шаг Китая вызывает беспокойство во всем мире. Изучение того, как Китай формулирует свою внешнюю политику, и понимание его дипломатической философии и системы ценностей играют решающую роль.

Идеи Си Цзиньпина о дипломатии является важной частью Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи, а также основополагающим принципом и руководством к действию для внешней работы Китая в новую эпоху. Идеи Си Цзиньпина о дипломатии в основном включает ряд идей и предложений по китайской дипломатии, внешним связям и международным отношениям, выдвинутых Си Цзиньпином после XVIII съезда КПК, которые фундаментально основаны на приверженности мирному развитию и беспроигрышному сотрудничеству. С момента восхождения Си Цзиньпина на пост высшего руководителя Китая растет количество исследований, посвященных дипломатическому мышлению Си Цзиньпина.

Денисов И. Е., Адамова Д. Л. считают, что внешняя политика Си Цзиньпина характеризуется как постепенным отходом в дипломатической практике от принципа Дэн Сяопина «韬光养晦» (скрывать свои возможности и держаться в тени) [2,3]. Чечельницкий С.Л. считают дипломатия современного Китая главная цель содействие тому, что председатель КНР Си Цзиньпин назвал «великим возрождением нации» [8].

Изучение идей Си Цзиньпина о дипломатии очень популярно в Китае, и даже лучший университет Китая, Пекинский университет, открыл специальный Институт мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи. По словам Чэнь Хэсяна, идеи Си Цзиньпина о дипломатии является наследием марксистской теории международных отношений и традиционной китайской культуры, объединенных и расширенных [10]. У

Чжичэн, & Ли Цзясюань считают, что "утверждение справедливости при преследовании общих интересов" Си Цзиньпина способствует построению международных отношений нового типа, и что "утверждение справедливости при преследовании общих интересов" демонстрирует международному сообществу отстаивание и решимость Китая поддерживать международную справедливость и продвигать международную мораль, а также задает ценностные ориентиры для построения международных отношений нового типа.

С точки зрения Запада, Примечателен тот факт, что "Мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры" была добавлена в Конституцию Коммунистической партии Китая (КПК) во время 19-го съезда. Это напугало некоторых международных комментаторов, которые считают, что Си становится слишком могущественным [11]. Sebastian Heilmann, Moritz Rudolf считают, что внешняя политика Китая систематически работает над перестройкой международного порядка путем создания параллельных структур с широким спектром международных институтов [12]. В то же время, западные СМИ ясно дали понять, что Си Цзиньпин является самым влиятельным лидером Коммунистической партии Китая со времен Мао Цзэдуна [13]. Изучение Си Цзиньпина часто вызывает споры среди западных ученых.

Традиционное утверждение справедливости при преследовании общих интересов было этической идеей на протяжении всей истории Китая. Конфуций сказал, что "君子喻于义, 小人喻于利" значит благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду. [4] ; Мэн-цзы "生亦我所欲也, 义亦我所欲也 ; 二者不可得兼, 舍生而取义者也", это означает, что жизнь - это то, чего я хочу, а мораль - это то, чего я хочу, и если я не могу иметь и то, и другое, я скорее выберу мораль и откажусь от жизни. Поэтому "义" Справедливость - это особый этический кодекс, моральный принцип, высшая моральная праведность в сознании конфуцианцев. Фэн Цин указывает на уникальный механизм эмоциональной мобилизации справедливости, который обладает уникальной политической эстетикой и помогает построить культурное сообщество Большого Китая [7]

; "人之用日利", значит интересы. То, как эти два понятия рассматриваются по отношению друг к другу, формирует традиционный взгляд на утверждение справедливости при преследовании общих интересов. То, что китайцы часто говорят о "讲义气" - распространенное лингвистическое явление. Повседневное значение этого слова относительно понятно, но трудно дать научное определение с академической точки зрения или перевести его на другие языки. Эти особенности диктуют то, что хотя концепция "义利观" "утверждение справедливости при преследовании общих интересов" является важным элементом системы ценностей дипломатической

теории с китайской спецификой, в западном и российском мире, помимо Китая, было проведено мало исследований на эту тему.

Идея "утверждения справедливости при преследовании общих интересов" была впервые поднята во время визита Си Цзиньпина в Африку в марте 2013 года. Си подчеркнул необходимость найти точки соприкосновения и совпадения интересов, придерживаться "утверждения справедливости при преследовании общих интересов", быть принципиальным, дружелюбным и нравственным, а также оказывать больше помощи развивающимся странам в рамках своих возможностей. После этого Си Цзиньпин часто упоминал "придерживаться утверждения справедливости при преследовании общих интересов", посещая мероприятия и выступая с речами. "Придерживаться утверждения справедливости при преследовании общих интересов, и всегда быть надежным другом и искренним партнером развивающихся стран". "Придерживаться утверждения справедливости при преследовании общих интересов, ставить праведность на первое место и находить баланс между праведностью и прибылью. Укреплять обмены и диалог между цивилизациями для углубления взаимопонимания и взаимного признания." .....эти заявления отражают философию и стиль Китая как социалистической страны и ответственной державы. Для Китая статус развивающихся стран имеет особый политический атрибут. В октябре 2022 года состоялся 20-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, на котором Си Цзиньпин еще раз подчеркнул, что Китай является крупной развивающейся страной и все еще находится на начальной стадии социализма. Независимо от того, как будет развиваться экономика Китая в будущем и как улучшится его международный статус, Китай всегда будет членом развивающегося мира. За 10 лет с тех пор, как Китай предложил инициативу "Один пояс, один путь", она создала 420 000 рабочих мест и вывела из бедности почти 40 миллионов человек в странах, где она была построена. По состоянию на 6 января 2023 года Китай подписал документы о сотрудничестве со 151 страной, большинство из которых - развивающиеся страны. Это является отражением того, что Китай придерживается концепции "праведности и выгоды". В политическом плане Китай придерживается пяти принципов мирного сосуществования, отстаивает честность и справедливость и настаивает на том, чтобы относиться друг к другу как к равным. В экономическом плане он настаивает на взаимной выгоде и беспроигрышном развитии. При формировании внешней политики отношения между справедливостью и интересами решаются разумно и уместно.

Ван И, бывший министр иностранных дел Китая, сказал, что "утверждение справедливости при преследовании общих интересов" наследует прекрасную традицию китайской дипломатии, воплощает концепцию социалистического государства с китайской спецификой и является знаменем китайской

дипломатии в новую эпоху. Исходя из этого, внешняя политика Китая всегда заключалась в проведении независимой и мирной внешней политики, он готов уважать все страны на основе пяти принципов мирного сосуществования, придерживаться основной государственной политики открытости внешнему миру, придерживаться концепции "утверждения справедливости при преследовании общих интересов", решительно выступать против одностороннего подхода и протекционизма и демонстрировать миру образ честной и заслуживающей доверия великой державы. Опираясь на концепцию "утверждения справедливости при преследовании общих интересов", Китай всегда выполнял свою обязанность великой державы по оказанию иностранной помощи. В первые годы существования Китая, несмотря на трудности внутреннего экономического развития, он все равно оказывал помощь странам, отстающим в развитии. В апреле 1963 года Китай отправил свою первую медицинскую бригаду в новый независимый Алжир. В дальнейшем Китай также направлял медицинские бригады в Танзанию, Сомали, африканские страны Экваториальную Гвинею и Конго, а также Камбоджу, чтобы помочь этим странам улучшить общее состояние здоровья населения.

В 1964 году, во время своего визита в Африку, Чжоу Эньлай выдвинул восемь принципов иностранной помощи, в основе которых лежат равенство и взаимная выгода, а также уважение суверенитета стран-получателей. Китай продолжал расширять масштабы и эффективность своей помощи, включая, помимо прочего, материальную поддержку, техническое сотрудничество, зарубежные группы медицинской помощи, чрезвычайную гуманитарную помощь и списание долгов, а также ряд других разнообразных форм иностранной помощи. Перед лицом угрожающего глобального распространения COVID-19 Китай помогает странам-партнерам вдоль маршрута по Шелковому пути здоровья, предоставляя поддержку в виде масок, вакцин, медицинских бригад и технических обменов, одновременно предлагая китайское решение для глобального управления здравоохранением [9].

Заключение. Идея "утверждения справедливости при преследовании общих интересов" занимает важное место в традиционной китайской культуре, а в 2013 году Си Цзиньпин предложил "утверждения справедливости при преследовании общих интересов", которая обогащает традиционную китайскую концепцию, воплощает традиционные добродетели и культуру китайской нации, обогащает ценности китайской дипломатии и завершает систему ценностей дипломатической теории с китайской спецификой. Изучение утверждения справедливости при преследовании общих интересов помогает понять идеи Си Цзиньпина о дипломатии, понять логику формулирования современной китайской внешней политики и даже использовать ее для предположений о будущей китайской внешней политике.

Литература

1. Буренко В.И., Журавлева В.В.. Политология. Под ред. М., 2005, 320 с.
2. Денисов И. Е. , Адамова Д. Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. №22.
3. Денисов И.Е. (2017). Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (5). 83-98.
4. Переломов Л. С. Конфуций "Лунь юй" : Исслед., пер. с кит., коммент. /; Факс. текст "Лунь юя" с коммент. Чжу Си; РАН. Ин-т Дал. Востока. - Москва : "Вост. лит." РАН, 1998. - 588, [2] с. : ил., табл.; 24 см.; ISBN 5-02-018024-6
5. Меньшикова Л.Н.. Мэн-цзы / Предисл. Пер. с китайского, указ. В.С.Колоколова / Под. ред. Л.Н.Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 272 с.
6. У Чжичэн, Ли Цзясюань. (2021). Утверждение справедливости при преследовании общих интересов в дипломатической мысли Си Цзиньпина. Исследования по международным вопросам, (3), 23-46.
7. Фэн Цин. (2020). Китайская праведность: Поэтические реки и озера и их политический опыт (1-е изд., т. 1).
8. Чечельницкий С.Л. Дипломатическая служба Китая // Постсоветский материк. 2019. №4 (24).
9. Чжан Хуэйминь. «Шелковый путь здоровья»: китайский путь к глобальному регулированию в сфере здравоохранения. Управление и политика. 2023;2(1):69-83.
10. Чэнь Хэсян. Теоретическая логика, историческая логика и практическая логика дипломатической мысли Си Цзиньпина. Журнал Яньаньского университета (издание по общественным наукам), 45(1)
11. Gracie, C. (2017). The thoughts of Chairman Xi. BBC News.
12. Heilmann, S., Rudolf, M., Huotari, M., & Buckow, J. (2014). China's shadow foreign policy: parallel structures challenge the established international order. China Monitor, 18(10), 1-9.
13. MacFarquhar, R. (2015). China: the superpower of Mr. Xi. The New York Review of Books, 62(13), 13.
14. Peters, M. A. (2017). The Chinese Dream: Xi Jinping thought on Socialism with Chinese characteristics for a new era. Educational Philosophy and Theory, 49(14), 1299-1304.

Xi Jinping's Ideas on Diplomacy - Promoting Justice While Pursuing Common Interests

Huimin Zhang

Lomonosov Moscow State University

Xi Jinping's Idea of Diplomacy is an important part of Xi Jinping's Idea of Socialism with Chinese Characteristics for the New Era, as well as the founding principle and action guide for China's foreign work in the new era. As a world power, studying China's foreign policy is essential. The purpose of the article, its main super-task—Xi Jinping's ideas on diplomacy, the main features of Xi Jinping's "Proclaiming Justice in the Pursuit of Common Interests" and its practice. It includes the diplomatic strategies formulated, implemented and modified by the Chinese leadership in accordance with the concept of "Establishing justice in the pursuit of common interests" of diplomatic thought and the political situation at home and abroad, which the leadership of the PRC developed, implemented and changed depending

on the "Assertion of justice in the pursuit of common interests" and the political situation both at home and abroad.

The author tries to explain Xi Jinping's ideas about diplomacy from the point of view of traditional culture and literature. The novelty of the study lies in the fact that it conceptualizes China's foreign policy under Xi Jinping in terms of "Proclaiming justice in the pursuit of common interests", helping to understand the philosophical logic of China's foreign policy, especially in the context of China's increasingly active participation in global governance.

Keywords: Chinese foreign policy; Xi Jinping; Assertion of justice in the pursuit of common interests

References

1. Burenko V.I., Zhuravleva V.V. Political science. Ed. M., 2005, 320 p.
2. Denisov I. E., Adamova D. L. Xi Jinping's foreign policy formulas: main features and problems of interpretation // China in world and regional politics. History and modernity. 2017. No. 22.
3. Denisov I.E. (2017). Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation. Outlines of global transformations: politics, economics, law, 10(5). 83-98.
4. Perelomov L. S. Confucius "Lun Yu": Issled., Per. from Chinese, comment. /; Fax machine. text "Lun Yuya" with comments. Zhu Xi; RAN. Institute Dal. East. - Moscow: "Eastern lit." RAN, 1998. - 588, [2] p. : ill., tab.; 24 cm; ISBN 5-02-018024-6
5. Menshikova L.N. Mencius / Foreword. Per. from Chinese, op. V.S. Kolokolova / Under. ed. L.N. Menshikov. St. Petersburg: "Petersburg Oriental Studies", 1999. 272 p.
6. Wu Zhicheng, Li Jiaxuan. (2021). The assertion of justice in the pursuit of common interests in Xi Jinping's diplomatic thought. Studies in International Affairs, (3), 23-46.
7. Feng Qing. (2020). Chinese Righteousness: Poetic Rivers and Lakes and Their Political Experience (1st ed., vol. 1).
8. Chechelnitzky S.L. Diplomatic Service of China // Post-Soviet Continent. 2019. No. 4 (24).
9. Zhang Huimin. Health Silk Road: China's Path to Global Health Regulation. Management and politics. 2023;2(1):69-83.
10. Chen Hexiang. Theoretical logic, historical logic and practical logic of Xi Jinping's diplomatic thought. Yan'an University Journal (Social Science Edition), 45(1)
11. Gracie, C. (2017). The thoughts of Chairman Xi. BBC News.
12. Heilmann, S., Rudolf, M., Huotari, M., & Buckow, J. (2014). China's shadow foreign policy: parallel structures challenge the established international order. China Monitor, 18(10), 1-9.
13. MacFarquhar, R. (2015). China: the superpower of Mr. Xi. The New York Review of Books, 62(13), 13.
14. Peters, M. A. (2017). The Chinese Dream: Xi Jinping thought on Socialism with Chinese characteristics for a new era. Educational Philosophy and Theory, 49(14), 1299-1304.

Цифровые инструменты государственной политики лекарственного обеспечения: электронный рецепт и государственное регулирование

Романец Елена Алексеевна

соискатель, кафедра «Политологии и прикладной политической работы», ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», Romanec9@mail.ru

Цифровизация вплетается в политические процессы как в качестве новых инструментов регулирования, так и в виде отдельного типа политических отношений. Серьезные цифровые изменения затронули и здравоохранение, одну из важнейших областей социальной сферы, при этом COVID-19 форсировал процессы цифровой трансформации государственной политики в этой сфере. В настоящей статье проведено исследование опыта внедрения цифровых сервисов лекарственного обеспечения, который показал, как отдельно взятые технологии могут повлиять на качественное изменение управления здравоохранением, способствовать снижению издержек, доступности для граждан лекарственного обеспечения.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение, цифровая политика, электронный рецепт, государственная политика в сфере лекарственного обеспечения, инструменты реализации государственной политики

Окружающий нас современный мир и общественно-политическая жизнь богаты на сложные проблемы и вызовы. Пандемия COVID-19 обострила застарелые проблемы, а противостояние мировых элит России и ряда западных стран породило новые. Все это создает потребность поиска новых моделей в политическом управлении, в основе которого заложен фундамент синергии традиционных механизмов публичного управления и цифровых форм активности правительств и его акторов. Развитие цифровых технологий и взрывной рост интереса к искусственному интеллекту способствуют переносу политических процессов в цифровую среду с одной стороны (цифровизации политики), и активизации регулятивных функций государства в цифровой среде и использования цифровых инструментов в управлении различными сферами деятельности и решения общественно-значимых проблем (политику цифровизации) [1].

Целью настоящей статьи является исследование практического приложения концепта «политики цифровизации» к государственному управлению важнейшей социальной сферой деятельности – здравоохранению в части лекарственного обеспечения, в контексте применения цифровых инструментов для решения социально-значимых проблем.

Попытки выстроить государственную политику информатизации здравоохранения в 2009-2010 годах привели к оформлению отраслевого государственного проекта в центре которого – создание Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) (Концепция ЕГИСЗ утверждена Приказом Минздравсоцразвития России от 28.04.2011 года № 364).

Согласно утвержденному документу для автоматизации собственно лечебно-диагностического процесса используется менее 20% компьютерного парка, остальные применяются в целях обеспечения административно-хозяйственной деятельности [2]. Поэтому, основной целью создания ЕГИСЗ стало не только обеспечение эффективной информационной поддержки процесса управления системой медицинской помощи, но и самого процесса оказания медицинской помощи.

Анализ хронометража рабочего времени врача, проведенный в 2014 году, показал, что первичное посещение пациентом врача общей практики занимает от 13,9 до 50,6 минут, повторное от 10,7 до 34,5 минут. Основным процессом завершения приема у врача является оформление документации (оформление диагностических направлений для первичного приема или оформление назначений лекарственной терапии в случае установленного диагноза по заболеванию). На работу с документацией

врач затрачивал в условиях работы с использованием компьютера от 6 до 20,3 минут, в условиях работы без компьютера от 3,9 до 12,2 минут [3]. Таким образом, на оформление итогов визита к врачу уходило более 50% времени приема. Совершенствование информационной поддержки процессов оформления итогов визита к врачу, в том числе назначения лекарственной терапии и отпуска лекарственных препаратов, стало очевидным.

Новый Национальный проект «Здравоохранение» [4], включающий реализацию федерального межведомственного проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» [5] на период с 2019 по 2024 год уже включали в себя мероприятия по цифровизации практики работы врача, связанной с оформлением документации, в том числе по внедрению на территории Российской Федерации системы электронных рецептов, как юридически значимых медицинских документов назначения лекарственной терапии в форме электронного документа к 2024 году.

1 января 2018 года вступил в силу Федеральный закон от 29.07.2017 года № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» [6], содержащий поправки к Федеральному закону от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». На законодательном уровне были обозначены основные тренды цифровой трансформации отрасли: телемедицина, электронный документооборот в медицинской организации и электронные рецепты. Добавлена возможность оформления рецептов на лекарственные препараты в виде электронного документа, подписанного с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи медицинского работника. Оформление таких рецептов в форме электронных документов осуществляется в случае принятия уполномоченным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с пунктом 4 статьи 6 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» решения об использовании на территории субъекта Российской Федерации наряду с рецептами на лекарственные препараты, оформленными на бумажном носителе, рецептов на лекарственные препараты, сформированных в форме электронных документов [7].

Приказами Министерства здравоохранения РФ от 14 января 2019 года № 4н [8] (утратил силу с 01 марта 2022 года) и далее от 24.11.2021 года № 1094н [9] утвержден порядок назначения лекарственных препаратов, с возможностью оформления рецепта в форме электронного документа с использованием государственной информационной системы в сфере здравоохранения субъекта Российской Федерации, медицинской информационной системы медицинской организации.

Несмотря на законодательное закрепление возможности оформления назначения лекарственной

терапии в форме электронного документа сам термин «электронный рецепт» закреплен только в одном документе - национальном стандарте ГОСТ Р ИСО 17523-2019 «Информатизация здоровья. Требования к электронным рецептам», идентичный международному стандарту ИСО 17523:2016 «Информатизация здоровья. Требования к электронным рецептам», с датой введения стандарта в действие 1 мая 2020 года, в котором под «электронным рецептом» понимается рецепт, выписанный при помощи электронных средств [10]. Термин «электронный рецепт» в практике публичного управления устоялся скорее всего из термина «электронный медицинский документ», хотя вполне возможно использование термина «цифровой рецепт», как наиболее актуальное на сегодняшний день терминологическое понятие с учётом происходящих процессов цифровой трансформации.

Таким образом, регуляторный механизм государственной политики не отстал от реальной потребности в цифровизации одного из процессов оказания медицинской помощи, и даже наоборот, анализ реальной практики внедрения технологии цифрового назначения лекарственной терапии и внедрения электронных рецептов [11] показал отставание последней. До сих пор система юридически значимых электронных рецептов в России полноценно не внедрена.

Является ли это свидетельством невостребованности технологии, отсутствия доказанной эффективности и реального выгодоприобретателя, драйвера масштабирования или в целом, отсутствие сложности (проблемы), для решения которой предназначена технология, отсутствия сложившихся цифровой среды, цифровых отношений, требующих политики цифровизации?

Согласно опросам населения, цена и доступность лекарственных средств являются ключевыми критериями оценки уровня лекарственного обеспечения. 66% населения считают высокие цены на лекарства наиболее острой проблемой в сфере здравоохранения [12]. С трудностями при покупке лекарств за последние два-три месяца столкнулись 35% опрошенных, 34% с отсутствием лекарств, которые они раньше покупали, с существенным ростом цен на привычное лекарство – год 59% участников опроса [13].

Опросы фиксируют наличие проблем доступности (в том числе и ценовой) лекарственных препаратов для населения связаны также и с отсутствием понятия и четких критериев взаимозаменяемости лекарственных средств, информированности населения по использованию международных непатентованных наименований, удобных инструментов оперативного получения таких знаний и информации.

В то же время само медицинское сообщество сталкивается с не менее значимыми проблемами. Врач не обладает полной информацией о всех действующих медикаментозных назначениях пациента и оформляет сведения о принимаемых препаратах исходя из данных медицинской карты и со слов самого пациента. Доступа к информации о пациенте,

имеющейся в иных медицинских организациях, например, узкого профиля, коммерческого сектора, у врача нет. Это снижает качество лечения, создает риски передозировки, возникновения побочных эффектов и несовместимости назначенной терапии с уже принимаемыми препаратами.

Указанный спектр проблем явно отвечает на выше поставленный вопрос о наличии сферы приложения для цифровой трансформации.

Впервые в России технология цифрового назначения лекарственной терапии разработана и внедрена до стадии полноценной промышленной эксплуатации в Белгородской области в 2019-2020 годах. Уникальность проекта заключалась в реализации проекта в форме государственно-частного партнерства, с привлечением компании, инвестирующей в создании технологии за собственные средства, без бюджетного финансирования, а также в возможности реализации на основе ядра платформы дополнительных, социально значимых сервисов, которые в явном виде демонстрировали выгоды как для врачей и фармацевтов, так и для пациентов. Технология позволяет выписывать рецепт дистанционно, организовать доставку лекарств на дом маломобильным категориям граждан, реализовывать дополнительные сервисы с проактивным получением социального налогового вычета НДФЛ, учета наличия лекарственной дефектуры и другие [14].

Основные причины сложности внедрения электронных рецептов связаны с региональной составляющей. Федеральный закон определил, что принятие решения об обороте электронных рецептов отнесено к ведению органов власти субъектов РФ. При этом информационные системы субъектов РФ, используемые в практике работы врачей в регионах, по своему функциональному наполнению разнообразны и неоднородны [15]. В результате в жизненно важной сфере, в лекарственном обеспечении, нет единого подхода в государственном регулировании: где-то в регионах выписывают и принимают электронные рецепты в аптеках повсеместно (например, Белгородская область), а где-то цифровой формат применяют только в льготном сегменте. Такой подход создает не только проблемы с неравным доступом к получению лекарственного обеспечения, но проблемы с цифровым неравенством.

Цифровая среда по направлению лекарственного обеспечения представлена различными участниками: государственными и негосударственными организациями, в области медицинских и фармацевтических услуг, регуляторами, пациентами. Ландшафт используемых указанными участниками информационных систем разнообразен: аптечные информационные системы, информационные системы медицинских организаций, системы склада и учета лекарственных препаратов, государственные реестры и справочники, учет льготных категорий граждан, системы закупок препаратов, мониторинга и контроля закупок, мониторинга движения лекарственных препаратов, надзорных и контрольных органов, портал государственных услуг.

Причины длительных сроков внедрения системы электронных рецептов связаны также с отсутствием

качественно сформированной и однородной цифровой среды. Разнородность систем электронных рецептов, которые внедряются в субъектах, является значительной нагрузкой для аптечного бизнеса и отталкивает его от подключения к процессам цифровизации отрасли несмотря на то, что аптеки являются значимой частью системы здравоохранения. Аптеке необходимо обеспечить поддержку IT-инфраструктуры и соответствие различным региональным платформам.

Таким образом, неоднородная цифровая среда, «лоскутность» и разрозненность информационных систем основных участников цифровых отношений - медицинских и фармацевтических организаций выступила препятствием для дальнейшего масштабирования технологии и распространения ее на всю страну.

В цифровую среду и единое информационное пространство, регулируемое государственной политикой включена информация только в отношении врачебных медицинских назначений для льготных категорий граждан, в отношении лекарственных препаратов, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством РФ. Медицинская практика назначения лекарственной терапии коммерческого сегмента находится за рамками единого цифрового контура здравоохранения.

Необходимо стандартизовать подход, и рассматривать цифровизацию лекарственного обеспечения по двум направлениям: как одной из государственных задач, в части льготного обеспечения и в части коммерческого сегмента. Проведение таких глобальных проектов, в которых участвуют все формы собственности, необходимо осуществлять с оценкой не только бюджетных затрат, но и затрат, которые должен понести бизнес, предусмотрев меры стимулирования его участия в подобных проектах.

Необходимо дополнить Федеральный закон от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» и подзаконные нормативные акты нормами, устанавливающими единый процессинг всех назначений лекарственной терапии (как в электронной, так и бумажной форме). Система единого процессинга лекарственной терапии должна предусматривать:

- внедрение единых стандартов (справочников и форматов назначения лекарственной терапии);
- обязательное применение структурированного назначения и фиксации всей схемы терапии в карте пациента в медицинской информационной системе с подписанием электронной подписью врача;
- интеграцию с иными системами в сфере здравоохранения, контрольно-надзорных систем.

В целом целесообразно решить вопрос о создании единого федерального реестра назначений лекарственной терапии. Выписка рецептов и оформление рекомендаций должны осуществляться врачом с сохранением в едином реестре назначений соответствующей информации. При этом, оформлению и сохранению в едином реестре должны подле-

жать все назначения, как лекарственных препаратов, подлежащих отпуску по рецепту, так и лекарственных препаратов, подлежащих отпуску без рецепта. Ведение такого реестра обусловлено необходимостью обеспечения доступа врача ко всем действующим медицинским назначениям пациента при ведении приема пациента, в том числе назначениям в иных медицинских организациях. Такой доступ позволит повысить качество лечения и минимизировать врачебные ошибки, позволит приобретать препараты по электронным рецептам по всей территории России вне зависимости от того, где он был оформлен (сейчас приобрести препарат возможно только в том регионе, где рецепт был получен).

Литература

1. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>
2. Концепция создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения <https://minzdrav.gov.ru/documents/%207200-prikaz-minzdravsotsrazvitiya-rossii-364-ot-28-aprelya-2011-g>
3. Стародубов В. И., Сон И. М., Иванова М. А., Люцко В. В., Бантьева М. Н., Армашевская О. В. Затраты рабочего времени врачей амбулаторного звена по данным фотохронометражных исследований // Менеджер здравоохранения. 2014. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zatraty-rabochego-vremeni-vrachey-ambulatornogo-zvena-po-dannym-fotohronometrazhnyh-issledovaniy> (дата обращения: 14.02.2023).
4. Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 г. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319209
5. Паспорт федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ «Цифровой контур здравоохранения») на период 2019–2024 годов». https://static3.rosminzdrav.ru/system/attachments/attach/000/046/712/original/FP_Cifrovoy_kontur_zdravoohraneniya.pdf?1565344851
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: Федеральный закон от 29.07.2017 года № 242-ФЗ [Интернет]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221184/ (Дата обращения 15.02.2023).
7. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ п. 53, ст. 4 (редакция от ред. от 19.12.2022) [Интернет]. URL: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=349434-](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=349434-0&req=doc&rnd=dzecemQ&base=LAW&n=434721#3skhuVTKoJAA0IO01)
8. Приказ Минздрава России от 14.01.2019 г. № 4н (ред. от 08.10.2020) "Об утверждении порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения" (Зарегистрировано в Минюсте России 26.03.2019 г. № 54173) [Интернет]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321140/ (Дата обращения 15.02.2023).
9. Приказ Минздрава России от 24.11.2021г. № 1094н "Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов" (Зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2021 г. № 66124) [Интернет]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401865/ (Дата обращения 15.02.2023).
10. Национальный стандарт Российской Федерации информатизация здоровья требования к электронным рецептам: ГОСТ Р ИСО 17523-2019 Информатизация здоровья. Требования к электронным рецептам. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 августа 2019 г. № 570-ст [Интернет]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200167652?marker=7D20K3> (Дата обращения 15.02.2023).
11. Паузина С.Е., Шелгунов В.А., Зарубина Т.В. Проблемы и перспективы системы «Электронный рецепт» в России. Систематический обзор. ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва, Россия. Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова (ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России), г. Москва, Россия. / DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-5-8 / <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1201/30/lang,ru/> Итоги совместного заседания экспертных советов по развитию конкуренции в сфере здравоохранения. [Интернет]. URL: <https://fas.gov.ru/news/6640> (Дата обращения: 15.02.2023 г.)
12. По данным исследований ООО «инФОМ» в рамках заказа Фонда «Общественное мнение» (проект ФОМ-ОМ) / [Интернет]. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14202>.
13. Исследование ООО «инФОМ» в рамках заказа Фонда «Общественное мнение» (проект ФОМ-ОМ) / [Интернет]. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14518>.
14. 12. Материалы Центра подготовки руководителей цифровой трансформации <https://strategy.cdto.ranepa.ru/b5-platforma-ehlektronnyj-recept-v-belgorodskoj-oblasti>

15. <https://www.belpressa.ru/society/zdravoohraneni e/46324.html#>

Digital tools of the state drug supply policy: electronic prescription and government regulation

Romanets E.A.

Russian State Social University

Digitalization is woven into political processes both as new regulatory instruments and as a separate type of political relations. Serious digital changes have also affected healthcare, one of the most important areas of the social sphere, while COVID-19 has accelerated the digital transformation of state policy in this area.

In this article, a study was made of the experience of implementing digital drug supply services, which showed how individual technologies can affect a qualitative change in healthcare management, help reduce costs, and make drug provision available to citizens.

Keywords: digital health, digital policy, electronic prescription, state policy in the field of drug provision, tools for implementing state policy

References

1. Konkov A.E. Digitalization of politics vs digitalization policy // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships. 2020. Vol. 13. Issue. 1. P. 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>
2. The concept of creating a unified state information system in the field of healthcare <https://minzdrav.gov.ru/documents/%207200-prikaz-minzdravotsrazvitiya-rossii-364-ot-28-aprelya-2011-g>
3. Starodubov V. I., Son I. M., Ivanova M. A., Lyutsko V. V., Bant'eva M. N., Armashevskaya O. V. Working hours of outpatient doctors according to photochronometric studies // Manager healthcare. 2014. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zatraty-rabochego-vremeni-vrachey-ambulatornogo-zvena-po-dannym-fotohronometrazhnyh-issledovaniy> (date of access: 02/14/2023).
4. Passport of the national project "Healthcare": approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects on December 24, 2018 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319209
5. Passport of the federal project "Creation of a single digital contour in healthcare based on a unified state information system in the field of healthcare (EGISZ) Digital Health Circuit " for the period 2019-2024". https://static3.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/046/712/original/FP_Cifrovoy_kontur_zdravoohraneniya.pdf?1565344851
6. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the use of information technologies in the field of health care: Federal Law No. 242-FZ of July 29, 2017 [Internet]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221184/ (Accessed 02/15/2023).
7. On the circulation of medicines: Federal Law of April 12, 2010 No. 61-FZ p. 53, art. 4 (edition from the editorial board of 12/19/2022) [Internet]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=349434-0&req=doc&rnd=dzeczq&base=LAW&n=434721#3skhuVTkoJAA0IO01> (Accessed 02/15/2023).
8. Order of the Ministry of Health of Russia dated January 14, 2019 No. 4n (as amended on October 8, 2020) "On approval of the procedure for prescribing medicines, forms of prescription forms for medicines, the procedure for issuing these forms, their accounting and storage" (Registered in the Ministry of Justice Russia 03/26/2019 No. 54173) [Internet]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321140/ (Accessed 02/15/2023).
9. Order of the Ministry of Health of Russia dated November 24, 2021 No. No. 1094n "On Approval of the Procedure for Prescribing Medicinal Products, Forms of Prescription Forms for Medicinal Products, the Procedure for Issuing the Forms, Their Accounting and Storage, Forms of Prescription Forms Containing the Prescription of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances, the Procedure for Their Manufacture, Distribution, Registration, Accounting and Storage, as well as the Rules for issuing prescription forms, including in the form of electronic documents" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on November 30, 2021, No. 66124) [Internet]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401865/ (Accessed 02/15/2023).
10. National standard of the Russian Federation health informatization requirements for electronic prescriptions: GOST R ISO 17523-2019 Health informatization. Requirements for electronic prescriptions. Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated August 29, 2019 No. 570-st [Internet]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200167652?marker=7D20K3> (Accessed 02/15/2023).
11. Rauzina S.E., Shelgunov V.A., Zarubina T.V. Problems and prospects of the Electronic Prescription system in Russia. Systematic review. Federal State Budgetary Institution "Central Research Institute for the Organization and Informatization of Healthcare" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia. Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov. https://vestnik.mednet.ru/content/view/1201/30/lang.ru/Results_of_a_joint_meeting_of_expert_councils_on_the_development_of_competition_in_the_healthcare_sector. [Internet]. URL: <https://fas.gov.ru/news/6640> (Accessed: February 15, 2023)
12. According to the research data of LLC "inFOM" within the framework of the order of the Foundation "Public Opinion" (project FOM-OM) / [Internet]. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14202>.
13. Research by LLC "inFOM" under the order of the Foundation "Public Opinion" (project FOM-OM) / [Internet]. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14518>.
14. 12. Materials of the Digital Transformation Leadership Training Center <https://strategy.cdto.ranepa.ru/b5-platforma-ehlektronnyj-recept-v-belgorodskoj-oblasti>
15. <https://www.belpressa.ru/society/zdravoohraneni e/46324.html#>

Правовые аспекты определения невыплаты заработной платы: понятие, виды и классификация

Винярский Александр Юрьевич

аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», avin_sledkom@mail.ru

Исследование теоретических и правовых аспектов определения невыплаты заработной платы и ее видов включают в себя обзор литературы, предоставляющей классификацию видов невыплаты заработной платы, особенностей, связанных с определением их формы и содержания, а также рассмотрение наиболее актуальных практических проблем и аспектов, связанных с невыплатой заработной платы, указание на основные возможности и инструменты, которые могут использоваться для защиты прав работников. В ходе проведения исследования было установлено, что существуют различные критерии классификаций невыплаты заработной платы, к которым относятся причины, виды и последствия невыплаты заработной платы. Подробное изучение правовых аспектов рассматриваемой проблемы играет важную роль в защите прав работников и в развитии экономики в целом.

Ключевые слова: заработная плата, невыплата заработной платы, трудовое законодательство, ответственность работодателя, полная или частичная невыплата заработной платы.

Тема настоящего исследования имеет высокую актуальность, поскольку является важной проблемой для защиты трудовых прав работников и повышения качества трудовых отношений.

В России невыплата заработной платы – одна из наиболее распространенных правонарушений работодателями. Это влечет за собой различные проблемы для работников, включая низкий социально-экономический уровень, необеспеченность работников на достойном уровне, социальное неравенство и т.д.

В условиях острой конкуренции на рынке труда, увеличения экономических рисков и нестабильности экономики, невыплата заработной платы является серьезным препятствием не только для работников, но и для развития предприятий и экономического роста в целом.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы исследовать и анализировать правовые аспекты невыплаты заработной платы, классифицировать ее виды, а также проанализировать наиболее актуальные проблемы, связанные с этой темой. Информация, содержащаяся в данной статье, поможет подробно изучить проблемы, связанные с невыплатой заработной платы, а также с целью разработки новых подходов и стратегий для улучшения ситуации в этой области.

В целом, данная статья имеет важное значение для защиты прав работников, а также для правового и экономического развития России, поскольку позволяет выявить основные проблемы, связанные с данной темой, и предложить решение этих проблем.

В соответствии со ст. 129 Трудового кодекса Российской Федерации: «Заработная плата (оплата труда работника) – вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты)» [1].

Соответственно, невыплата заработной платы – это нарушение со стороны работодателя обязательства выплатить заработную плату работникам в соответствии с условиями трудового договора или законодательства. Ответственность за невыплату заработной платы работодатель несет, прежде всего, в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (ст. 142 [1]), с Кодексом об админи-

стративных правонарушениях Российской Федерации (ст. 5.27 [2]), а в отдельных случаях по Уголовному кодексу Российской Федерации (ст. 145.1 [3]).

Одним из классических авторов, рассматривающим концепцию невыплаты заработной платы, является Эмиль Дюркгейм. В своей книге «Самоубийство» он утверждает, что невыплата заработной платы может привести к массовым самоубийствам, так как работа является одним из основных элементов социальной интеграции [4].

Другим автором, занимающимся этой проблемой, является Карл Маркс. Он считал, что невыплата заработной платы является одним из способов эксплуатации рабочих классов, и что работодатели используют ее как форму социального контроля [5].

Также можно отметить автора Майкла Фритьюффа и его концепцию невыплаты заработной платы как формы преступления. Он рассматривает невыплату заработной платы как форму нарушения закона и связывает ее с другими преступлениями, такими как мошенничество, кража и т. д. [6].

В целом, теоретические концепции невыплаты заработной платы рассматривают эту проблему с разных точек зрения, от экономических и социальных, до правовых и моральных. Они позволяют лучше понимать причины и последствия этой проблемы и разрабатывать эффективные меры для ее предотвращения.

Рассматривая подробнее теоретические концепции невыплаты заработной платы, нами уже было отмечено, что они включают в себя аспекты правовой, экономической и социальной сфер. В правовой сфере невыплата заработной платы рассматривается как грубое нарушение трудовых прав работников и имеет свои юридические последствия. В экономической сфере невыплата заработной платы может привести к негативным последствиям для предприятий, так как работники могут начать увольняться, что в свою очередь приведет к снижению производительности труда. В социальной сфере невыплата заработной платы может повлечь за собой возникновение социальных проблем, связанных с бедностью, нестабильностью и безработицей.

Возможные трактовки и толкования невыплаты заработной платы могут включать в себя различные аспекты, в зависимости от ситуации и контекста. Например, в некоторых случаях невыплата заработной платы может быть вызвана форс-мажорными обстоятельствами, о чем необходимо уведомлять работников в соответствии с законодательством. Также возможно применение различных санкций к работодателю за нарушение обязательств по выплате заработной платы, включая штрафы, административную, уголовную ответственность и т. д.

Невыплата заработной платы может иметь несколько видов, в зависимости от конкретных обстоятельств и причин, вызвавших такое нарушение. Рассмотрим некоторые из них:

1. Полная невыплата заработной платы – это когда работодатель не выплачивает работнику его зарплату вообще, либо выплачивает лишь часть зарплату. Полная невыплата заработной платы –

это отказ работодателя выплатить работнику всю сумму, которая была ему обещана в соответствии с установленными договором или законодательством условиями. Когда работник получает оплату свыше двух месяцев в размере ниже МРОТ, это не является полной невыплатой заработной платы, поскольку работник все-таки получает определенную сумму денег. Однако, если оплата труда на протяжении более двух месяцев ниже установленных законодательством норм, то это может быть квалифицировано как другой вид нарушения, такой как частичная невыплата заработной платы или несвоевременная выплата заработной платы, которые будут рассмотрены ниже.

2. Частичная невыплата заработной платы – это когда работодатель выплачивает работнику зарплату ниже установленного законом размера или меньше того, что предусмотрено трудовым договором.

3. Не своевременная выплата заработной платы – это когда работодатель выплачивает зарплату не в срок, установленный законодательством или трудовым договором.

4. Неполный учет начислений – это когда работодатель в установленный законом срок не зачисляет на счет работника зарплату или не учитывает все начисления, которые работнику должны были быть выплачены. Начисления, на которые может ссылаться данное понятие, включают в себя следующие:

1) Заработная плата (оклад, почасовая оплата, премии, надбавки и т.д.), которую работодатель должен по закону выплачивать работнику.

2) Суммы налогов и страховых взносов, которые работодатель обязан удерживать из заработной платы работника и перечислять в бюджет и фонды социального страхования.

3) Компенсации, которые работодатель должен выплачивать работнику в соответствии с трудовым законодательством (например, компенсация за работу в штате по особым условиям, компенсация за простой и т.д.).

4) Оплата отпусков, временной нетрудоспособности и других отпусков, предусмотренных законом или трудовым договором.

5) Другие выплаты, которые работодатель должен производить в соответствии с законодательством или трудовым договором, например, выплаты по дополнительному медицинскому страхованию или ежегодным предупредительным выплатам.

5. Скрытая заработная плата – это когда работодатель выплачивает зарплату работнику в виде надбавок, премий, компенсаций и т.д., но не оформляет их в соответствии с требованиями законодательства.

6. Отказ работодателя от выплаты зарплату – это когда работодатель не выплачивает зарплату, указывая на недостаточность финансовых средств или иные причины.

Каждый вид невыплаты заработной платы имеет свою юридическую квалификацию и может быть закреплён соответствующими нормами трудового, гражданского и уголовного права. В зависимости от

обстоятельств дела и тяжести нарушения, работодатель может быть привлечен к различным видам ответственности, таким как:

1. Гражданско-правовая ответственность – работодатель может быть обязан выплатить работнику не только задолженную зарплату, но и штрафные санкции, установленные законодательством.

2. Административная ответственность – работодатель может быть привлечен к административной ответственности в виде уплаты штрафа или иного взыскания.

3. Уголовная ответственность – если работодатель отказывается выплачивать заработную плату своим работникам систематически, то его действия могут рассматриваться, как преступление и быть квалифицированы как мошенничество.

4. Дисциплинарная ответственность – работодатель может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в соответствии с внутренними правилами организации.

В целом, ответственность работодателя за отказ в выплате зарплаты является серьезной и закреплена различными нормами законодательства, при этом существуют различные способы ее приведения в действие в зависимости от обстоятельств конкретной ситуации.

Классификация невыплаты заработной платы – это процесс разделения случаев невыплаты заработной платы на различные группы или классы в соответствии с их причинами, видами и последствиями. Критерии классификации могут включать неуплату заработной платы на определенный временной период, неправильное начисление зарплаты, задержки выплаты зарплаты, отказ работодателя выплатить задолженность и различные другие причины. Так как классификация невыплаты заработной платы может происходить по различным критериям, рассмотрим некоторые из них:

1. Тип заработной платы:

- Окладная заработная плата – невыплата полной или частичной суммы зарплаты.

- Почасовая заработная плата – невыплата зарплаты в соответствии с индивидуальной почасовой оплатой труда.

- Процентная заработная плата – невыплата зарплаты в соответствии с установленным процентом от объема продаж или другой определяющей фактора.

2. Наличие задолженности:

- Полная невыплата заработной платы – отсутствие выплат за определенный период времени.

- Частичная невыплата заработной платы – выплата суммы меньше, чем требуется по договору или законодательству.

- Невыплата вознаграждений – неуплата премий, бонусов, дополнительной оплаты и т.д.

3. Уровень задержки или невыплаты:

- Невыплата зарплаты в течение определенного количества дней.

- Задержка зарплаты на определенное количество дней.

- Случайная невыплата зарплаты без системности.

4. Вид нарушения законодательства:

- Невыплата налогов и страховых взносов.

- Невыплата зарплаты в соответствии с трудовым договором и законодательством.

Классификация невыплаты заработной платы имеет важное значение, так как позволяет правительству, организациям и трудовым объединениям более эффективно бороться с невыплатами заработной платы и улучшать условия работы для работников. Представленная классификация также может использоваться для оценки правовой, экономической ситуации и социального благополучия населения.

Так, одним из основных видов невыплаты заработной платы является задержка выплаты зарплаты. Это может быть вызвано различными факторами, такими как нехватка средств на предприятии, неправильная организация бухгалтерии, финансовые трудности и т.д. Однако, независимо от причин задержки выплаты зарплаты, работодатель должен выплачивать ее работникам в соответствии с установленными законодательством сроками.

Еще одним распространенным видом невыплаты заработной платы является неправильное начисление зарплаты. Например, работодатель может неправильно рассчитать количество отработанных часов или не учесть дополнительные выплаты, такие как компенсации за работу во вредных условиях. В этом случае работодатель должен сделать перерасчет и выплатить работнику недостающую сумму.

Также возможен случай, когда работодатель отказывается выплатить заработную плату, даже если он имеет на это все необходимые средства. В этом случае работник может обратиться в суд или комиссию по трудовым спорам для защиты своих прав.

Таким образом, классификация невыплаты заработной платы основывается на различных критериях, таких как причины, виды и последствия невыплаты зарплаты. Правовые аспекты этой проблемы играют важную роль в защите прав работников и в развитии экономики в целом. Работодатели должны соблюдать законодательство и выплачивать заработную плату в соответствии с установленными сроками и требованиями.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I). ст. 3.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I). ст. 1.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. ст. 2954.

4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социол. этюд / пер. с фр. А.Н. Ильинского; [послесл. Вал. А. Лукова]. СПб: Союз, 1998. – 492 с.

5. Маркс К. Капитал: критика политической экономики / [науч. ред.: Л.Л. Васина и др.]; [пер. с нем., фр., англ.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС]. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 1195 с.

6. Фритьофф М. Безработица и социальное неравенство: Формы преступлений в обществе индустриальной модернизации. Москва: Эксмо. 2007. – 320 с.

Legal aspects of determining unpaid wages: definition, types, and classification

Vinyarsky A.Yu.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The study of theoretical and legal aspects of defining non-payment of wages and its types includes a review of literature providing a classification of types of non-payments of wages, features related to determining their form and content, as well as consideration of the most pressing practical problems and aspects related to non-payment of wages, indicating the main opportunities and tools that can be used to protect workers' rights. It was found that there are various criteria for the classification of non-payments of wages, which include the causes, types, and consequences of non-payment of wages. A detailed study of the legal aspects of the problem under consideration plays an important role in protecting the rights of workers and in the development of the economy in general.

Keywords: wages, non-payment of wages, labor legislation, employer's responsibility, full or partial non-payment of wages.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of January 7, 2002 No.1 (part I). Art. 1.
2. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of January 7, 2002 No.1 (part I). Art. 3.
3. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996 No. 25. Art. 2954.
4. Durkheim E. Suicide: A Study in Sociology / translated by J.A. Spaulding and G. Simpson; [afterword by Val. A. Lukov]. St. Petersburg: Soyuz, 1998. – 492 p.
5. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy / [ed. by L.L. Vasina et al.]; [trans. from German, French, English: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. – 1195 p.
6. Freytoff M. Unemployment and Social Inequality: Forms of Crime in the Society of Industrial Modernization. Moscow: Eksmo. 2007. – 320 p.

Защита персональных данных в условиях цифровизации: эволюция и современное состояние

Гатиятуллина Эльмира Маратовна

аспирант, Университет управления «ТИСБИ», askoelm@mail.ru

Статья представляет собой исследование текущего состояния правового регулирования защиты персональных данных в контексте цифровой эпохи. Статья основывается на анализе понятия персональных данных и их значения в современном цифровом мире, и рассматривает историю развития законодательства о персональных данных в России.

Автор статьи подробно изучает основные нормативные акты, регулирующие защиту персональных данных в России, и выявляет основные принципы, заложенные в законодательстве. В частности, рассматривается анализ прав субъектов персональных данных и их основные гарантии.

Особое внимание уделяется проблемам, связанным с правовым регулированием защиты персональных данных в цифровой эпохе. Автор статьи выявляет неоднозначность и недостаточную прозрачность саморегулирования платформ, различие в стандартах и несоответствие международным требованиям. Он приходит к выводу о необходимости улучшения законодательства и эффективного контроля над защитой персональных данных в цифровой среде.

Статья представляет интерес для специалистов в области права, информационных технологий, а также всех, кто интересуется проблемами защиты персональных данных в цифровой эпохе. Результаты исследования могут быть использованы для разработки новых подходов к правовому регулированию и защите персональных данных в современном цифровом обществе.

Ключевые слова: защита персональных данных, цифровая эпоха, правовое регулирование, персональные данные, нормативные акты, принципы, права субъектов данных, проблемы, вызовы, саморегулирование, стандарты, международные требования.

Понятие персональных данных и их значение в цифровой эпохе

Определение понятия персональных данных в Российской Федерации закреплено в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Согласно данному закону, персональные данные определяются широким подходом и включают любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу - субъекту персональных данных.

Данное определение отличается от предыдущих законодательных определений персональных данных в Российской Федерации. Особенностью текущего определения является то, что к персональным данным относится информация, по которой нельзя без использования другой информации определить конкретное физическое лицо. Идентификация субъекта персональных данных не является обязательным условием для отнесения информации к персональным данным [3].

Законодательное определение персональных данных в России подразумевает, что персональные данные могут быть представлены в любой форме и могут включать различные виды информации, такие как имя, адрес, контактные данные, фотографии, биометрические данные, финансовая информация, медицинская информация и другие сведения, относящиеся к субъекту персональных данных.

Определение персональных данных включает как прямую информацию о субъекте, так и косвенную информацию, которая может быть связана с определенным физическим лицом. Например, данные о покупках или интересах пользователя в интернете могут быть косвенно связаны с его личностью. Персональные данные должны относиться к физическому лицу, то есть к субъекту персональных данных. Информация, которая не связана с физическим лицом, не является персональными данными в контексте данного определения.

В современном цифровом мире персональные данные приобретают все большее значение. Цифровая среда представляет собой информационное пространство, где информация может распространяться безгранично, копироваться и храниться без материального носителя. Однако эта среда ставит перед гражданами ряд сложностей, так как юрисдикционные границы на цифровую среду невозможно наложить.

В современных условиях цифрового пространства становится явным, что защита персональных данных должна быть приравнена к фундаментальным правам и свободам человека. Утечки персональных данных становятся все более распространенными, таких как «Яндекс.Еда», Delivery Club,

«Гемотест», СДЭК, причем утечка самой информации уже может представлять угрозу для граждан, независимо от того, использовались ли эти данные для противоправных действий. Часто украденные данные собираются в базы данных с целью их последующей перепродажи [2].

Случаи утечек персональных данных из крупных компаний, особенно в условиях удаленного формата работы, становятся все более частыми. Базы данных могут содержать информацию о пользователе, их адресах проживания, контактных данных и финансовой информации. Такие утечки могут привести к серьезным последствиям для граждан.

Законодательство не всегда успевает за развитием способов кражи персональных данных, что приводит к пробелам в регулировании защиты персональных данных. Преступления в сфере использования информационных технологий, связанные с утечкой персональных данных, обладают высокой степенью латентности и часто остаются нераскрытыми.

История развития правового регулирования защиты персональных данных в России

Развитие законодательства о персональных данных в России прошло несколько основных этапов, которые отразили значимые изменения и дополнения в правовой сфере защиты персональной информации.

В 1993 году в Российской Федерации были закреплены конституционные нормы, относящиеся к защите частной жизни и персональных данных. Часть 1 статьи 23 Конституции РФ гарантировала каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а статья 24 запрещала сбор, хранение и распространение информации о частной жизни человека. Эти статьи стали основой для развития законодательства о защите персональных данных в России.

В 1995 году был принят Федеральный закон РФ «Об информации, информатизации и защите информации». Этот закон установил основные требования и условия по обработке персональных данных. Однако, его функционирование до 2006 года было затруднено некоторыми проблемами, включая неопределенность в сфере социально-информационных отношений и охраны частной жизни.

В 2006 году был принят Федеральный закон «О персональных данных», который стал основным законодательным актом в сфере защиты персональных данных в России. Этот закон устанавливает основные принципы обработки персональных данных, права субъектов персональных данных, требования к операторам и другие нормы. Закон устанавливает требования к согласованию субъектов на обработку и предоставление их персональных данных, и предусматривает ответственность за нарушение норм закона. Принятие этого закона имело существенное значение для развития законодательства в области защиты персональных данных в России.

В последующие годы законодательство о персональных данных в России продолжало развиваться

в ответ на появление новых технологий и угроз безопасности. В 2014 году был принят Федеральный закон, вносящий изменения в отдельные законодательные акты в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях. Данный закон расширил обязанности Роскомнадзора по обеспечению конфиденциальности персональных данных российских граждан. Этот закон внес ряд изменений и дополнений в регулирование персональных данных, направленных на усиление контроля и защиты персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях. Он расширил требования к операторам персональных данных и ужесточил ответственность за нарушение правил обработки персональных данных [4].

В 2015 году вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этот закон уточнил порядок обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях и ввел новые требования к операторам персональных данных. Закон предусматривает обязанность операторов персональных данных указывать информацию о месте нахождения баз данных, в которых обрабатываются персональные данные российских граждан.

В 2016 году был утвержден Указ Президента РФ о Доктрине информационной безопасности Российской Федерации. Этот правовой акт детализировал и конкретизировал основные положения защиты частной жизни, информационной политики и информационной безопасности в соответствии с национальными интересами страны.

В 2017 году были внесены поправки в Кодекс об административных правонарушениях РФ, увеличивающие штрафы за нарушения в области защиты персональных данных. Это свидетельствует о стремлении законодателей к более эффективной защите персональных данных и повышению юридической ответственности для нарушителей.

Существующее законодательство о персональных данных в России имеет некоторые положительные аспекты, такие как определение основных прав и обязанностей субъектов персональных данных и операторов, установление требований к обработке персональных данных и ответственности за нарушение закона.

Одной из основных проблем существующего законодательства является его недостаточная адаптация к изменяющимся технологическим и социальным реалиям. В цифровой эпохе появляются новые способы сбора, хранения и использования персональных данных, и возникают новые риски связанные с киберпреступностью и нарушением конфиденциальности данных.

Основные принципы правового регулирования защиты персональных данных в России

Законодательство о персональных данных в России основывается на нескольких принципах, залож

женных в законодательных актах. Основная законодательная основа в этой области представлена Федеральным законом № 152-ФЗ, который регулирует обработку, хранение и доступ к персональным данным. Цель данного закона заключается в обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, включая защиту прав на неприкосновенность частной жизни и личную тайну.

В закон внесены поправки, вступившие в силу с 1 марта, которые запрещают операторам размещать и распространять персональные данные без согласия субъекта данных. Теперь владелец данных самостоятельно определяет, какая информация может быть использована публично, а какая должна оставаться приватной. Он имеет право указать срок действия согласия или потребовать прекращения передачи своих персональных данных третьим лицам или обратиться в суд.

Ключевой в законодательстве является статья 14, которая предусматривает право субъектов персональных данных требовать блокировки или удаления своих данных у оператора. Теперь для этого нет необходимости доказывать неполноту, устарелость, недостоверность или незаконное получение данных. Субъекты имеют право на блокировку или удаление своих персональных данных просто потому, что они являются их персональными данными. Это значительно повышает ответственность операторов персональных данных.

Операторы персональных данных обязаны незамедлительно информировать уполномоченные органы о кибератаках и утечках данных. Информирование происходит в два этапа: в течение суток описываются скомпрометированные данные, а в течение трех суток предоставляются результаты внутренней проверки. Операторы должны сообщать о намерении передачи персональных данных за рубеж, и в некоторых случаях такая передача может быть ограничена [5].

Другой не менее значимый закон, связанный с персональными данными, это Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В нем содержится статья 15.5, которая устанавливает порядок ограничения доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства о персональных данных. В соответствии с этой статьей создается реестр нарушителей прав субъектов персональных данных, в который включаются ресурсы, нарушившие закон о персональных данных.

Законодательство о персональных данных предусматривает ответственность за нарушение правил обращения с персональными данными. В КоАП и УК РФ установлены соответствующие статьи, которые предусматривают административные и уголовные наказания для нарушителей. Например, в КоАП предусмотрена статья 13.11 «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных», которая может быть наказана штрафом до 18 миллионов рублей. В УК РФ есть статья 137 «Нарушение неприкосновенности

частной жизни», которая может применяться в случае нарушения правил обращения с персональными данными.

Субъекты персональных данных обладают рядом основополагающих прав, которые обеспечивают им контроль над своими личными данными и защиту их прав и свобод. В соответствии с федеральным законодательством о персональных данных в России (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ), эти права гарантируются и могут быть осуществлены субъектами персональных данных.

Первое из этих прав - право на информацию. Субъект персональных данных имеет право на получение информации от оператора о наличии и обработке его персональных данных. Это включает информацию о целях, способах и условиях обработки данных. Такое право позволяет субъекту быть осведомленным о том, какие данные собираются и как они используются.

Далее, субъект персональных данных имеет право на доступ к своим персональным данным. Он может требовать получения копий своих данных и ознакомления с ними. Это право обеспечивает субъекту возможность контролировать точность и полноту его персональных данных, и понимать, какие именно данные обрабатываются.

Субъект имеет право на исправление своих персональных данных. Если данные являются неполными, устаревшими, неточными или незаконно полученными, субъект может требовать их исправления или уточнения. Это право помогает обеспечить актуальность и достоверность персональных данных субъекта.

Субъект персональных данных имеет право на блокировку или удаление своих персональных данных. Если данные являются неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки, субъект может потребовать их блокировки или удаления. Это право дает субъекту контроль над своими данными и позволяет ему управлять их использованием [7].

Дополнительно, субъект персональных данных имеет право на ограничение обработки своих данных. В случаях, когда точность данных оспаривается или обработка является незаконной, субъект может требовать ограничения обработки своих персональных данных. Это право обеспечивает защиту прав и интересов субъекта в ситуациях, когда обработка данных вызывает сомнения или вопросы.

Субъект персональных данных имеет право на переносимость данных. Это означает, что субъект может требовать получить свои персональные данные, предоставленные одним оператором, и передать их другому оператору. Такое право позволяет субъекту легко перемещаться между различными сервисами и организациями, сохраняя контроль над своими данными.

Наконец, субъект персональных данных имеет право на обжалование неправомерной обработки своих данных. Если субъект считает, что его персональные данные обрабатываются неправомерно или нарушают его права, он имеет право обратиться

в уполномоченный орган по защите персональных данных или в суд для защиты своих прав и интересов.

Все эти права предоставляют субъектам персональных данных возможность контролировать свои личные данные, защищать свои права и свободы, требовать соблюдения законодательства о персональных данных со стороны операторов.

Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в цифровой эпохе

В цифровой эпохе правовое регулирование защиты персональных данных стало острой проблемой. С появлением цифровых платформ, принадлежащих крупным интернет-компаниям, объем персональных данных значительно увеличился. Эти платформы действуют в различных сферах, таких как социальные сети, игры, экономические и цифровые платформы.

Цифровые платформы разрабатывают собственные стандарты регулирования, которые прослеживаются в пользовательских соглашениях, политиках конфиденциальности и дополнительных соглашениях. Эти документы представляют собой внутрикорпоративные решения и не обсуждаются с пользователями. Пользователи могут только присоединиться и согласиться с установленными правилами.

Однако такое саморегулирование сферы защиты данных имеет некоторые проблемы. Во-первых, нормы соглашений являются гибкими и не указывают на конкретные нормы, что оставляет место для различных толкований. Во-вторых, основным условием предоставления данных является согласие пользователей, но эти соглашения часто формулируются неясно или с использованием юридического жаргона, что затрудняет понимание пользователем сути и последствий предоставления данных. В-третьих, существует отсылка к законодательству, однако такие нормы содержат отсылку к собственным правилам платформы, что может привести к несоответствию с международными и национальными требованиями [1].

Внутрикорпоративное саморегулирование не всегда учитывает все международные требования. Некоторые компании следуют нормам общего регламента по защите данных (GDPR), однако не все платформы придерживаются таких стандартов или необходимых требований [6].

Пользовательские соглашения и политики конфиденциальности могут различаться в зависимости от платформы. Некоторые компании более точно прописывают предмет соглашения и цели обработки данных, в то время как другие документы могут быть менее конкретными.

В связи с этим возникают проблемы с защитой персональных данных пользователей. Некоторые пользователи могут не осознавать, какие данные собираются и как они будут использоваться. Возникает вопрос о контроле и управлении своими данными, особенно при трансграничной передаче данных.

Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в цифровой эпохе связаны с неоднозначностью и недостаточной прозрачностью саморегулирования платформ, различием в стандартах и несоответствием международным требованиям. Это подчеркивает необходимость улучшения законодательства и эффективного контроля над защитой персональных данных в цифровой среде. В связи со сложностью определения юрисдикционных границ цифровой среды использование персональных данных в цифровой среде носит трансграничный характер. Национальное законодательство различных стран также различается в подходах к обеспечению защиты данных своих граждан, в этом случае совместная работа по определению некоторых основополагающих положений, которые обеспечили бы соблюдение прав субъектов персональных данных, могла бы стать основой для создания единого международного стандарта защиты персональных данных в цифровой среде. С учетом изложенного видится необходимым разработка и создание международных стандартов, определяющих требования к защите персональных данных в цифровой среде.

Литература

1. Гонтарь Л. О. Защита персональных данных в условиях развития интернет-компаний: международно-правовое регулирование vs саморегулирование // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 37. № 1–2. С. 134.
2. Дмитриева Е. Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3.
3. Мираев А. Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридическая наука. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoy-federatsii-i-evropeyskom-soyuze> (дата обращения: 23.05.2023).
4. Сексте Я. А., Маркевич А. С. — Проблемы становления и развития института защиты персональных данных в РФ: историко-правовой аспект // Вопросы безопасности. — 2020. — № 4. — С. 28 - 35. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.4.33798 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33798
5. Соколова М. Защита персональных данных: международные принципы и стандарты. 2015 // DOI:10.13140/RG.2.1.1895.8565
6. Солдатова В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica. 2020. №2 (159). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-usloviyah-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 23.05.2023).
7. Сычева М. И. Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в сети Интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 10–3 (73). — С. 175—178.

Protection of Personal Data in the context of digitalization: evolution and current state

Gatiyatullina E.M.

University of Management "TISBI"

This article presents a study on the current state of legal regulation regarding the protection of personal data in the context of the digital era. Based on an analysis of the concept of personal data and their significance in the modern digital world, the article examines the history of personal data legislation in Russia.

The author delves into the important regulatory acts governing the protection of personal data in Russia, highlighting the fundamental principles embedded in the legislation. Specifically, an analysis of the rights of data subjects and their main guarantees is conducted.

Significant attention is given to the challenges associated with the legal regulation of personal data protection in the digital era. The article identifies issues of ambiguity and insufficient transparency in platform self-regulation, disparities in standards, and non-compliance with international requirements. The author concludes that there is a need for improved legislation and effective control over the protection of personal data in the digital environment.

This article is of interest to legal professionals, information technology experts, and anyone concerned with the issues of personal data protection in the digital era. The research findings can be utilized to develop new approaches to legal regulation and safeguarding personal data in the modern digital society.

Keywords: personal data protection, digital era, legal regulation, personal data, regulatory acts, principles, data subject rights, issues, challenges, self-regulation, standards, international requirements.

References

1. Gontar L.O. Protection of Personal Data in the Development of Internet Companies: International Legal Regulation vs Self-Regulation // Intellectual Property Proceedings. 2021. Vol. 37. No. 1-2. P. 134.
2. Dmitrieva E.G. Problems of Personal Data Protection in the Digital World and Ways to Solve Them // Law and Business. 2021. No. 3.
3. Miraev A.G. The Concept of Personal Data in the Russian Federation and the European Union // Legal Science. 2019. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoy-federatsii-i-evropeyskom-soyuze> (accessed: May 23, 2023).
4. Sexte Ya.A., Markevich A.S. - Problems of Formation and Development of the Personal Data Protection Institute in the Russian Federation: Historical and Legal Aspect // Security Issues. - 2020. - No. 4. - P. 28-35. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.4.33798 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33798
5. Sokolova M. Protection of Personal Data: International Principles and Standards. 2015 // DOI:10.13140/RG.2.1.1895.8565
6. Soldatova V.I. Protection of Personal Data in the Application of Digital Technologies // Lex Russica. 2020. No. 2 (159). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-usloviyah-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy> (accessed: May 23, 2023).
7. Sycheva M.I. Problems of Legal Regulation of Personal Data Protection on the Internet // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2022. - No. 10-3 (73). - P. 175-178.

Актуальные проблемы защиты деловой репутации организации

Клопова Ольга Константиновна

студент, кафедра европейского и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Klopova_olya@bk.ru

Предлагаемая статья посвящена актуальным вопросам защиты деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации, анализу существующих на сегодняшний день способов защиты. В статье исследуется правовая природа права юридического лица на деловую репутацию, его защита, содержание и момент возникновения. Рассматриваются общественные отношения, складывающиеся в процессе защиты деловой репутации юридического лица, исследуются национальные нормативные правовые акты, регулирующие защиту деловой репутации, судебная практика по данному вопросу. Более того, в статье рассматриваются проблемы защиты деловой репутации юридических лиц, как фактора устранения недобросовестной конкуренции. Автор приходит к выводам о необходимости определения понятия деловой репутации юридического лица, факторов, способствующих утрате доверия к его деловой репутации, выработки на законодательном уровне критериев оценки нанесенных убытков. Также автор формулирует рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: возмещение вреда, деловая репутация, защита гражданских прав, неимущественные блага, юридическое лицо.

Исследуемая в настоящей статье деловая репутация, как правовая и экономическая ценность, а также проблематика ее защиты, вызывают совершенно обоснованный научный интерес. Тому есть масса причин, среди которых особо можно выделить две:

- деловая репутация для коммерческой организации выступает в качестве основы и важного условия построения взаимоотношений с клиентами и бизнес-партнерами; это важнейшая составляющая конкурентоспособности практически любой коммерческой организации;

- в плане обеспечения правовых гарантий защиты деловой репутации организации законодательное регулирование, как и соответствующая судебная практика, остаются крайне проблемными сферами, что обуславливает уязвимость репутации как правовой ценности.

Изложенным аргументируется актуальность избранной темы и обосновывается важность ее пристального изучения, причем как в законодательном аспекте, так в правоприменительном и научном аспектах.

Правовой основой, содержащей минимально необходимые гарантии защиты деловой репутации, выступают, прежде всего, нормы Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ), в частности, п. 1 ст. 150, причисляющий деловую репутацию к категории нематериальных благ, а также ст. 152, в особенности ее п. 11, где устанавливаются общие правила защиты деловой репутации, в том числе, и юридических лиц.

Однако ни указанные выше, ни другие нормы законодательства, посвященные регулированию правоотношений по поводу деловой репутации, не содержат определения данного понятия, что представляется существенным пробелом законодательства и фактором, осложняющим практику защиты данного гражданско-правового блага. Поэтому первоочередное внимание целесообразно обратить именно на проблему определения сущности деловой репутации.

В современной правовой литературе она обычно понимается как некоторая оценка лица со стороны неопределенного круга субъектов, отражающая мнение о таких его характеристиках, как надежность, порядочность, компетентность и пр. Причем репутация, как правило, формируется в процессе участия соответствующего лица в гражданско-правовых отношениях, а не возникает в момент создания юридического лица [4, с. 67]. Более лаконично

деловую репутацию юридического лица можно трактовать как сложившееся мнение третьих лиц о его профессиональных (деловых) характеристиках [8, с. 49].

Вместе с тем остается не вполне ясным вопрос о том, в течение какого периода может (должна) формироваться деловая репутация. Но учитывая, что законодательно этот вопрос не урегулирован, то никто не препятствует тому, чтобы признавать наличие у юридического лица репутации в любой момент его существования.

Н.Г. Фроловский, рассматривая данную проблематику, подчеркивает фрагментарный характер регламентации правоотношений, касающихся защиты деловой репутации, указывая при этом неурегулированность содержания и признаков деловой репутации [8, с. 48]. И хотя в целом указанная позиция представляется вполне обоснованной, нельзя согласиться с тем, что в ГК РФ полностью отсутствуют нормы, закрепляющие признаки деловой репутации. Так, при детальном рассмотрении отдельных норм ГК РФ, в частности, п. 2 ст. 1027 и п. 1 ст. 1042 [2], становится вполне очевидным законодательное закрепление таких признаков деловой репутации юридического лица, как отчуждаемость и оцениваемость. Также не приходится сомневаться и в том, что репутация носит субъективный характер, несмотря на возможность ее экономической оценки.

Гораздо больше внимания законодатель уделил способам (средствам) защиты, предусмотрев в ст. 152 ГК РФ следующие возможности защиты:

- опровержение порочащей информации;
- отзыв либо замена документа, выступающего источником порочащей информации;
- удаление порочащей информации;
- изъятие содержащих порочащую информацию носителей, с последующим их уничтожением;
- признании порочащей информации не соответствующей действительности решением суда;
- возмещения убытков.

Представленный спектр средств защиты деловой репутации обеспечивается как гражданам, так и организациям, что в целом отражает универсальный характер деловой репутации как нематериального блага, и представляется вполне обоснованным.

Что же касается выбора конкретных инструментов правовой защиты, то решение данного вопроса законодатель оставил на усмотрение самих носителей деловой репутации, поскольку не предусмотрен каких-либо жестких ограничений. В этой связи надо отметить, что на неограниченный характер возможностей защиты деловой репутации указывает, в частности, А.А. Лапшин [7, с. 186].

Нельзя не обратить внимание на предельную краткость норм, предусматривающих конкретные способы защиты, а также на отсутствие конкретизации многих аспектов, касающихся их применения, а именно формы, сроков, прочих требований. Более того, и способ опровержения сведений, порочащих деловую репутацию, урегулирован не вполне конкретно, поскольку п. 1 ст. 152 ГК РФ, предусматривая использование для целей опровержения того же

способа, посредством которого была распространена порочащая информация, все же допускает применение «других аналогичных способов», оставляя этот вопрос на усмотрение суда. В этих условиях аудитория, на которую распространяется опровергающая информация, может оказаться существенно меньше, чем аудитория, до которой была доведена порочащая репутацию информация, в связи с чем сам факт опровержения не даст ожидаемого результата.

На практике не исключены и многие другие ситуации, в которых опровержение порочащей деловую репутацию информации может оказаться неэффективным. Так, И.В. Бухарова в качестве такого примера приводит случаи публикации опровергающего текста с повторной публикацией порочащего репутацию текста, в связи с чем указанным автором высказывается сомнение в том, что подобного рода подход способен как-то восстановить деловую репутацию [5, с. 77].

Важно обратить внимание на существенную особенность возможностей защиты деловой репутации организаций: такая защита исключает компенсацию морального вреда (п. 11 ст. 152 ГК РФ), поскольку выраженный в физических или нравственных страданиях моральный вред может быть причинен исключительно человеку (ст. 151 ГК РФ), но никак не юридическому лицу.

Несмотря на достаточно широкий круг средств правовой защиты, деловая репутация, как правовая ценность, остается крайне слабо защищенной. Регулирование рассматриваемой сферы в целом остается фрагментарным и бессистемным, в том числе, в части конкретизации соответствующей терминологии. Несмотря на признание в ГК РФ деловой репутации значимым гражданско-правовым благом, законодатель даже не предпринял усилий по раскрытию ее сущности. В итоге приходится судам, в особенности Верховному Суду РФ, принимать меры по устранению правовой неопределенности по многим вопросам, касающимся защиты деловой репутации, и это конечно же не означает, что необходимость совершенствования законодательства, обеспечивающего гарантии защиты деловой репутации, отпала.

В литературе также указывается на восполнение законодательных пробелов в исследуемой сфере доктринальными исследованиями [8, с. 48], с чем вряд ли можно согласиться. Доктринальные исследования, безусловно, не следует недооценивать, их проведение важно в целом для развития правовой системы. Однако, решению конкретных вопросов практического плана, возникающих в конкретных делах о защите репутации, доктринальные исследования не способствуют, по мнению автора.

В 2022 г. Верховному Суду РФ пришлось уточнить, например, какие именно аспекты подлежат доказыванию при рассмотрении споров о защите деловой репутации, поскольку в рамках одного из дел суд нижестоящей инстанции счел возможным презюмировать причинение вреда деловой репутации, руководствуясь лишь информацией о негативном

характере размещенного в сети «Интернет» комментария по поводу деятельности истца. Верховный Суд в этой связи в принятом по делу Определении обратил внимание на обязательность доказывания двух аспектов:

- наличия сформированной репутации в определенной области деловых отношений;
- факта наступления последствий негативного характера в результате распространения порочащих сведений, факт утраты доверия к репутации или её снижение [3].

Такой подход в судебной практике позволяет более точно и объективно оценить репутацию как защищаемую в судебном порядке гражданско-правовую ценность, а также установить обоснованность требований истца (стороны, понесшей репутационный ущерб). Однако в литературе есть мнение о том, что подобный подход судебных органов к рассмотрению дел о защите деловой репутации значительно усложняет защиту. В частности, подобная позиция отражена в статье Т. Двенадцатовой, которая указывает на двойное бремя доказывания (наличие репутации и причинение вреда), что, по ее мнению, сильно усложняет задачу по взысканию убытков в результате умаления репутации [6, с. 14]. Конечно, двойное бремя доказывания делает чрезвычайно сложной задачу по защите деловой репутации юридического лица. Но вместе с этим, создаются и определенные механизмы, позволяющие предупредить ограничение свободы слова и произвольное привлечение к ответственности граждан за выражение собственного мнения по тем или иным вопросам.

Более того, практика взыскания компенсаций за причинение вреда, которое организация не смогла доказать, в отсутствие единых методов оценки, чревата произвольным применением закона и необоснованным привлечением к ответственности. И это обстоятельство дает возможность поддержать Верховный Суд РФ в его позиции, изложенной выше.

В сложившихся условиях становится очевидной необходимость внесения изменения в нормы действующего законодательства, которые бы исключили произвольное привлечение к ответственности по надуманным основаниям, и в то же время, которые бы способствовали формированию единообразной судебной практики, а сами перспективы судебной защиты деловой репутации юридически лиц делали бы понятными. Для этого целесообразно предпринять следующие меры:

- во-первых, уточнить на законодательном уровне содержание понятия «деловая репутация» применительно к юридическим лицам или, по крайней мере, исчерпывающий перечень признаков деловой репутации, что должно способствовать более объективному подходу к рассмотрению дел о защите репутации;
- во-вторых, законодательно определить перечень критериев, на основе которых суд должен устанавливать наличие и характер сложившейся репутации;

- в-третьих, предусмотреть перечень критериев, который должны учитываться при оценке репутационного ущерба.

Совершенствование действующего законодательства в указанных направлениях, безусловно, требует углубленного анализа проблематики защиты деловой репутации, с учетом имеющейся доктринальной базы и судебной практики, а потому сформулировать обоснованные предложения по внесению изменений в конкретные статьи ГК РФ в рамках этой работы крайне сложно, однако вполне возможно определить ориентиры для этого.

Соответственно, в качестве элементов, составляющих деловую репутацию, и критериев, на базе которых может (должен) решаться вопрос о ее сформированности и характере, целесообразно выделить:

- продолжительность существования организации;
- отсутствие задолженностей по уплате налоговых и прочих обязательных платежей;
- отсутствие неналоговых задолженностей;
- добросовестность как контрагента;
- добросовестность как работодателя;
- отсутствие фактов привлечения к юридической ответственности, прежде всего, к административной.

Конечно же приведенный перечень может быть дополнен; кроме того, каждый из пунктов может быть еще больше конкретизирован, благодаря чему оценка деловой репутации в судебной практике должна стать всесторонней и системной. И думается, что совершенствование гражданского законодательства в рамках изложенных идей позволит устранить многие проблемы практического плана, связанные с защитой деловой репутации юридических лиц, с которыми сталкиваются как сами юридические лица, так и судебные органы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Определение Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 78-КГ22-44-К3, URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2182952 (дата обращения: 31.05.2023).
4. Борха С.С. Защита деловой репутации юридических лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 7 (238). – С. 61-69.
5. Бухарова И.В. К вопросу о защите деловой репутации юридического лица в арбитражном суде // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 76-78.
6. Двенадцатова Т. Защита деловой репутации набирает обороты // ЭЖ-Юрист. 2017. № 12. С. 14.

7. Лапшин А. А. Способы защиты деловой репутации юридических лиц и их особенности // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 184-187.

8. Фроловский Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 48-51.

Actual problems of protecting the business reputation of legal entities
Klopotova O.K.

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

The proposed article is devoted to the actual problems of the protection of reputation of juridical persons in the Russian Federation, an analysis of the methods of protection that exist today. The article examines the legal nature of a legal entity's right to business reputation, its protection, content and time of occurrence. The article examines the social relations that are formed in the process of protecting the business reputation of a legal entity, examines national legal acts regulating the protection of business reputation, judicial practice on this issue. Moreover, in the article considers the problems of protection of business reputation of legal entities, as a factor to eliminate unfair competition. The author comes to the conclusions about the necessity of defining the business reputation of legal persons, factors contributing to the loss of confidence in its business reputation to develop criteria at the legislative level to assess the losses caused. The author also formulates recommendations for improving legislation.

Keywords: compensation for damage, business reputation, protection of civil rights, non-property benefits, legal entity.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part I) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 14, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32 Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part II) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5 Art. 410.
3. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of November 8, 2022. No. 78-KG22-44-KZ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2182952 (date of appeal: 31/05/2023).
4. Borja S.S. Protection of business reputation of legal entities // Property Relations in the Russian Federation. 2021. No 7 (238). pp. 61-69.
5. Bukharova I.V. On the issue of protecting the business reputation of a legal entity in an arbitration court // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020. No. 6 (121). pp. 76-78.
6. Dvenadtsatova T. Protection of business reputation is gaining momentum // Electronic Journal-Lawyer. 2017. No 12. P. 14.
7. Lapshin A.A. Ways of protection of business reputation of legal entities and their feature // Social-economic phenomena and processes. 2017. Vol 12. no 5. pp. 184-187.
8. Frolovskiy N.G. The protection of business reputation of legal person // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2012. No. 4. pp. 48-51.

О некоторых категориях лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве

Очиров Александр Владиленивич

аспирант Российского университета кооперации (РУК),
alexandrpravo123@mail.ru

В данной статье анализируются правовые проблемы привлечения к субсидиарной ответственности отдельных категорий лиц, в частности, аффилированных. Методологическая основа включает в себя применение таких методов как метод анализа, синтеза, логико-юридический и формально-юридический. Во время исследования была определена нормативно-правовая основа, регулирующая институт субсидиарной ответственности, изучена судебная практика арбитражных судов. В конце исследования автор делает вывод, что признание лица контролирующим должника может быть установлено на основании разных причин и обстоятельств, которые не обязательно связаны с его участием в органах управления должника.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); субсидиарная ответственность; контролирующее должника лица; аффилированные лица.

Процедура банкротства является правовым механизмом, нацеленным на достижение справедливости экономических отношений. В этом ключе важно отметить, что субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в банкротстве прежде всего направлена на защиту прав и законных интересов кредиторов.

Развитие института субсидиарной ответственности необходимо для повышения эффективности процедур банкротства, а также для защиты имущественных прав кредиторов, чьи требования могут так и не быть удовлетворены в ходе рассмотрения судом дела о банкротстве.

Между тем, без анализа субъектного состава невозможно само комплексное изучение института субсидиарной ответственности.

Гражданский кодекс РФ предусматривает правило разграничение ответственности участников юридического лица по его обязательствам, устанавливая размер обязательства такого лица только в пределах сумм своих долей, акций и паев[1].

Но как правило неплатежеспособность должника возникает не в результате объективных факторов, не зависящих от руководителей должника, например, таких как изменение процентных ставок по кредитам, изменение законодательства, а именно в результате тех или иных действий руководителей или иных лиц, оказывающих влияние на них.

Именно поэтому из вышеуказанного правила существует исключение. В соответствии с законодательством о банкротстве контролирующие должника лица могут нести дополнительную ответственность в случае банкротства юридического лица из-за их действий, а также в случае недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов.

Сама по себе субсидиарная ответственность при банкротстве юридического лица носит уникальный характер, является дополнительным и исключительным способом удовлетворения требований кредиторов, при недостаточности конкурсной массы должника[4].

По мнению А.В. Егорова и К.А. Усачевой, наличие субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц из-за недостатков правового регулирования данного института может привести к разрушению конструкции юридического лица[2].

Т.А. Спирина напротив отмечает, что «указанный правовой институт должен применяться не для разрушения ограниченной ответственности, а для недопустимости безграничной безответственности» [7].

К контролирующим должника лицам закон о банкротстве относит организации и граждан, которые имеют или имели реальную возможность определять действия организации банкрота [8].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает такая категория лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, как аффилированные. Именно в рамках рассмотрения дел о банкротстве, аффилированное лицо, как конечный выгодоприобретатель, может быть привлечено к субсидиарной ответственности.

Обращаем внимание на то, что аффилированное лицо не всегда имеет реальный контроль над должником. Например, директор может быть номинальным, т.е. юридически он является аффилированным и связанным с должником лицом, но фактически не имеет влияния на его деятельность (не принимает стратегически важные решения, не выбирает контрагентов и т.д.). Привлечение к субсидиарной ответственности номинального руководителя не будет иметь конечного результата в виде получение денежных средств и погашение требований кредиторов.

Особенностью аффилированных лиц в делах о банкротстве является тот факт, что к таким лицам могут относиться не только лица, формально относящиеся к аффилированным, в соответствии с законодательством о конкуренции, но и лица, связанные с должником неформальными связями, при отсутствии прямых юридических отношений, которые позволяют влиять на действия должника, то есть фактически аффилированные.

Именно поэтому данная категория лиц привлекает наибольшее внимание для целей настоящего исследования.

Установление аффилированности по своей сути уникально и зависит от конкретных обстоятельств дела. При разрешении вопроса о привлечении аффилированного лица к субсидиарной ответственности необходимо доказать, имеет ли такое лицо фактическую возможность давать должнику обязательные для исполнения указания либо иным образом определять его поведение, т.е. осуществлять контроль над его деятельностью.

Кроме того, у такого лица должна быть возможность давать должнику такие указания.

Доказывание вышеуказанного контроля может быть произведено в виде установления между лицами связи, позволяющей такому лицу давать указания должнику, а также наличия таких взаимоотношений, за которыми скрывается контроль над деятельностью должника.

Осуществление фактического контроля может происходить в связи с родственными отношениями с руководителями должника или в связи с опосредованным участием в капитале и принятии управленческих решений.

Так, в рамках дела № А65-31268/2017 к субсидиарной ответственности привлекалась Горбачева Владислава Васильевича и Горбачева Елена Анатольевна. В отношении Горбачевой Е.А. конкурсный управляющий указал, что она являлась супругой ди-

ректора Горбачева В.В., главным бухгалтером общества и выгодоприобретателем в результате отчуждения должником объекта недвижимости. Суд первой инстанции согласился с доводами конкурсного управляющего и пришел к выводу, что Горбачева Е.А. является контролирующим должника лицом и получила выгоду в виде объектов недвижимости, при наличии на тот момент неисполненных обязательств перед кредиторами, при отсутствии иного имущества за счет которого могла быть продолжена хозяйственная деятельность должника и удовлетворены требования кредиторов, о чем Горбачева Е.А., как супруга руководителя должника, главный бухгалтер и участник должника, не могла не знать. Арбитражный суд апелляционной инстанции согласился с данным выводом [6].

В другом же деле, бухгалтеру удалось избежать субсидиарной ответственности. Пытаясь привлечь к ответственности Орбодоеву А.И., конкурсный управляющий обосновывал статус контроля над должником на основании занимаемой лицом должности главного бухгалтера. Между тем, суд первой инстанции сделал вывод о том, что кредитором не представлено доказательств, о том, что главный бухгалтер должника извлекала преимущества из занимаемого ею положения. Кроме того, не было доказано, что у данного лица имелась возможность определять и контролировать действия общества, принимать решения, которые влияли на его экономическую деятельность. Суд кассационной инстанции также отметил отсутствие контроля со стороны главного бухгалтера и оставил определение суда первой и постановление суда апелляционной инстанции без изменения [5].

В деле № А04-9073/2017 к субсидиарной ответственности солидарно было привлечено ООО «Система Управления», которое приняло на себя обязательство оказывать должнику услуги по финансовому контролю хозяйственной деятельности. Также в соответствии с условиями договора ООО «Система Управления» осуществляло полный контроль над расходованием денежных средств должника. На основании чего, судом сделан вывод о том, что ООО «Система управления» является контролирующим должника лицом, подлежащим привлечению к субсидиарной ответственности, поскольку в соответствии с условиями заключенных договоров осуществляло полное управление деятельностью общества [3].

Таким образом, признание лица контролирующим должника может быть установлено на основании разных причин и обстоятельств, которые не обязательно связаны с его участием в органах управления должника.

Даже формально независимые с должником лица, у которых прослеживается синхронность действий или наличие общей цели, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности. На наш взгляд, такое положение позитивно влияет на правоприменительную практику, не позволяя лицам, из-за виновных действий которых должник стал обладать признаками неплатежеспособности, избежать ответственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1996, № 5, ст. 410.
2. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1.
3. Определение Арбитражного суда Амурской области от 10.10.2019 по делу № А04-9073/2017 // СПС КонсультантПлюс.
4. Поздеева Е.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // Скиф. 2019. №12-2 (40). С. 404-408.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.02.2023 N Ф08-980/2023 по делу N А32-18627/2019// СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.02.2020 по делу № А65-31268/2017// СПС КонсультантПлюс.
7. Спирина Т. А. «Снятие корпоративной вуали» через механизм привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №. 1 (23). С. 211-217.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

On some categories of persons brought to subsidiary liability in bankruptcy cases

Ochirov A.V.

Russian University of Cooperation (RUC)

This article analyzes the legal problems of bringing certain categories of persons to subsidiary liability, in particular, affiliated ones. The methodological basis includes the use of such methods as the synthesis analysis method, logical-legal and formal-legal methods. During the study, the legal framework governing the institution of subsidiary liability was determined, the judicial practice of arbitration courts and the economic board of the Armed Forces of the Russian Federation was studied. At the end of the study, the author concludes that recognition of a person as controlling the debtor can be established on the basis of various reasons and circumstances that are not necessarily related to his participation in the debtor's management bodies.

Keywords: insolvency (bankruptcy); subsidiary liability; persons controlling the debtor; affiliates.

References.

1. Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 5, Art. 410.
2. Egorov A.V., Usacheva K.A. The doctrine of "removal of the corporate cover" as a tool for the distribution of risks between the participants of the corporation and other subjects of turnover // Bulletin of Civil Law. 2014. No. 3.
3. Determination of the Arbitration Court of the Amur Region dated October 10, 2019 in case No. A04-9073/2017 // ATP ConsultantPlus.
4. Pozdeeva E.A. Subsidiary liability of controlling persons // Skif. 2019. No. 12-2 (40). pp. 404-408.
5. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated February 27, 2023 N F08-980 / 2023 in case N A32-18627 / 2019 // SPS ConsultantPlus.
6. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated February 18, 2020 in case No. A65-31268 / 2017 // ATP ConsultantPlus.
7. Spirina T. A. "Removing the corporate veil" through the mechanism of bringing to subsidiary liability in the framework of a bankruptcy case // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2014. no. 1 (23). pp. 211-217.
8. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

Применения искусственного интеллекта при возложении трудовых обязанностей на работника

Смолина Юлия Васильевна

преподаватель кафедры трудового права Уральского Государственного Юридического Университета им. В.Ф. Яковлева, julias.uzts@mail.ru

Автор в данной статье пытается рассмотреть потенциальные сферы применения искусственного интеллекта, а также рассматривает возможности автоматизации многих производственных процессов посредством применения искусственного интеллекта, что ожидаемого должно привести к повышению качества выпускаемой продукции и скорости производства. Данные вопросы становятся особенно актуальными в период роста потребностей импортозамещающей политики государства. В статье проводится сравнительный анализ научного и указанного в действующем законодательстве определений понятия «искусственный интеллект». В статье изучен опыт применения искусственного интеллекта европейскими странами, в связи с чем, проведен сравнительный анализ действующего законодательства относительно применения искусственного интеллекта в Российской Федерации и зарубежных странах. Автором в статье рассматриваются причины «боязни принятия» современным обществом искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, регулирование трудовых отношений, деликтоспособность, цифровизация, робототехника, безработица.

Уровень развития технологических процессов, применяемых современным обществом на всех стадиях производства, неминуемо привел к потребности применения искусственного интеллекта. Однако в настоящее время остается больше вопросов, нежели ответов относительно правового статуса, законных возможностей применения искусственного интеллекта, а также этических ограничений, связанных с применением искусственного интеллекта. Современное общество оказалось не подготовлено к стремительному внедрению искусственного интеллекта в сферу производства по нескольким причинам: во-первых, это возраст работников производственной сферы, который, согласно, статистическим данным, составляет в среднем 45-65 лет (в нашей стране был огромный промежуток времени, когда рабочие специальности не были востребованы и, тем самым образовалась огромная пропасть между возрастом работников на производстве, — сейчас это либо молодые работники, недавно окончившие учебные заведения и еще не набравшиеся достаточного производственного опыта, либо это люди предпенсионного возраста, которым сложно принять существование такого понятия как искусственный интеллект)[1]; во-вторых, современное общество не готово к принятию применения искусственного интеллекта в сфере труда из-за нестабильной экономической и социальной ситуации в стране, большинство боится возникновения безработицы в связи с внедрением искусственного интеллекта в производственные процессы; в-третьих, действующее законодательство Российской Федерации также оказалось неподготовлено к внедрению искусственного интеллекта в сферу труда, так как до настоящего времени не разработаны ни меры ответственности за сбой процессов (вопросы деликтоспособности), применяемых искусственным интеллектом, ни порядок внедрения искусственного интеллекта, ни ограничения по процентному соотношению заменяемых процессов, а самое главное — до настоящего времени не обозначены перечни процессов, где не может быть применен искусственный интеллект.

На протяжении последних нескольких лет события, происходящие во всем мире, показали назревшую потребность замены человека с его уязвимостью к болезням, что особенно стало показательным во время пандемии, на «умные машины» и роботы, которые не подвержены обычным человеческим болезням. Именно период пандемии и стал новым толчком, побудившим общество ускорить внедрение искусственного интеллекта в сферу производства, а также в сферу трудовых отношений. Даже те работодатели, которые в свое время нега-

тивно относились к внедрению искусственного интеллекта, были вынуждены это сделать по объективным причинам. Многие работодатели увидели уязвимость «человеческого» фактора в трудовых отношениях, что неминуемо сказалось на производительности труда, тем самым приняв решение минимизировать риски производства, связанные с «человеческим» фактором. С внедрением искусственного интеллекта в сферу трудовых отношений возможно решение многих проблем, связанных с исключением «человеческого» фактора, тем самым возможна минимизация привлечения работодателя к ответственности нарушений, связанных с нарушением трудовых прав работников.

В настоящее время, на мой взгляд, целесообразно было бы внедрить искусственный интеллект на предприятия с большой численностью, который бы отвечал за проверку сроков прохождения периодических медицинских осмотров работников, проводил бы анализ сроков обучения сотрудников или повышения квалификации, проводил бы анализ прихода-ухода работника с предприятия для подсчета времени отсутствия работника на рабочем месте, составлял бы график отпусков в соответствии с заданными категориями работников, имеющими право на отпуск в удобное для них время. Но самым основным применением искусственного интеллекта на сегодняшний день мог бы стать анализ ситуации на предприятии в сфере охраны труда - искусственный интеллект мог бы провести анализ закупаемых средств индивидуальной защиты с карточками выдачи данных средств, тем самым анализируя получение всеми работниками средств индивидуальной защиты. Искусственный интеллект мог бы проанализировать на предприятии, в соответствии с данными СОУТ, соотношение количества должностей с определенными классами опасности условий труда с закупаемыми продуктами, положенными к выдаче, с их получением работниками. Искусственный интеллект также мог бы провести анализ индивидуальных карт реабилитации инвалидов, являющихся сотрудниками данного предприятия, и напомнить работодателю о соблюдении необходимых условиях труда, а также о дополнительных гарантиях, положенных данной категории работников. Возможно создание личного кабинета работника на предприятии, где искусственный интеллект будет давать задание работникам, возлагая на них новые трудовые обязанности. Применение искусственного интеллекта помогло бы и при решении таких задач как замена отсутствующего персонала при сменном графике работы, искусственный интеллект мог бы проанализировать график работы сотрудников и подобрать возможные варианты замены при соблюдении норм междусменного отдыха.

В настоящее время в трудовом праве возникла проблема определение места искусственного интеллекта среди субъектов трудового права, а также проблема регулирования ответственности и вопросы наступления деликтоспособности в случае сбоя работы искусственного интеллекта. В Швеции с 2015 года на многих предприятиях внедряется введение микрочипов - имплантов под названием

RCIF, которые вживляются в большой и указательные пальцы и действуют подобно чипам на банковских картах. С помощью данных чипов сотрудники предприятия могут получить доступ к своему офису, приложив палец к карточному считывателю[2]. А если предположить, что данные чипы можно внедрить в производственную сферу в качестве возможности включения – выключения станка на производстве, то тем самым работодателю в будущем становится возможным избежать некоторых проблем, связанных с ответственностью в случае производственной травмы работника. При подключении через чип только «своего» станка работник не сможет подойти к чужому станку, включив который и получив производственную травму работодатель четко сможет доказать, что именно на данном станке данный работник в соответствии с должностной инструкцией должен был исполнять свои трудовые обязанности, при этом со всеми инструкциями по работе на данном станке работник был ознакомлен. А если пойти дальше, и предположить, что данный вживленный чип не позволит включить станок при непрохождении обучения, инструктажа и периодического медицинского осмотра, так же как и без применения средств индивидуальной защиты, то это позволит работодателю избежать ответственности за многие нарушения, связанными с подобными вещами.

Прежде чем внедрять и вживлять подобные разработки, связанные с применением искусственного интеллекта, необходимо изучить возможные правовые и этические ограничения применения искусственного интеллекта в нашей стране. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017г. № 203 указано, что наряду с задачами обеспечения всеобщего доступа к информационным и коммуникационным технологиям, актуальной является проблема интенсификации внедрения подобных технологий. Технологии, созданные на основе передовых знаний, в том числе искусственный интеллект, становятся доступными[3]. Однако легальное определение «искусственного интеллекта» появилось лишь в 2019 году в подпункте «а» статьи 5 Национальной Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019г. № 40, в которой искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Проблема поиска научного термина «искусственный интеллект» возникла еще в 60-е годы XX века, она связана с тем, что искусственный интеллект

связан с междисциплинарным характером исследований. Толковые словари по-разному дают определение искусственному интеллекту, но все данные «научные» определения связаны между собой тем, что данным термином обозначается область исследований, ориентированных на разработку компьютерных программ, способных выполнять функции, обычно ассоциируемые с интеллектуальными действиями человека: анализ, обучение, планирование, решение, творчество.

Одной из проблем на современном этапе развития и внедрения искусственного интеллекта стоит этическая проблема применения искусственного интеллекта и отсутствие у данного технического изобретения обычных человеческих чувств, нравственных качеств, вместо которых заложен сухой расчет. Данная проблема искусственного интеллекта может возникнуть еще на начальной стадии трудовых отношений. В случае замены кадрового работника искусственным интеллектом, подбор персонала может идти по строго прописанной схеме, которая подберет кандидата на должность по определенным параметрам, не учитывая характер работника и его личностные качества. К примеру, на какой-либо завод в производственные цеха может прийти работник с нетрадиционной сексуальной ориентацией или трансгендер. В данном случае в коллективе могут возникнуть проблемы межличностного характера, что неминуемо отразится на производительности труда.

Основным вопросом «участия» искусственного интеллекта в трудовых правоотношениях является проблема определения статуса данного вида субъекта, наличие у искусственного интеллекта деликтоспособности, так как в случае технического сбоя искусственного интеллекта неминуемо встанет вопрос о распределении ответственности между работодателем, работником и непосредственным руководителем (ответственным за обслуживание) «искусственного интеллекта». Но в данном случае исчезает главный признак трудовых отношений – личное участие, соответственно личный характер прав и обязанностей работника. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в соответствии с нормами действующего законодательства нормы трудового права на искусственный интеллект не распространяются. Безусловно, у многих работодателей встанет вопрос – каким образом возможно применение искусственного интеллекта в трудовых отношения, если вопросы с деликтоспособностью, так же как и со статусом подобных роботов до настоящего времени не урегулированы действующим законодательством. Как я полагаю, прежде чем вносить подобные изменения в действующее законодательство, стоит изучить опыт западных стран в данном вопросе. В 2016 году Европарламент предложил признать робота, обладающего искусственным интеллектом, субъектом права и ввести для него конструкцию электронного лица. Статус электронного лица в подобных случаях будет применяться при взаимодействии робота с третьими лицами в том случае, если данные роботы действуют «самостоятельно». Согласно отчету Парламента ЕС «умные»

роботы, наделенные искусственным интеллектом, и наделенные статусом электронной личности, должны уметь самостоятельно обучаться и адаптироваться к изменяющейся обстановке, обмениваться данными с окружающей средой. Введение в законодательство института электронного лица позволит наделить электронных лиц правосубъектностью, а также позволит возложить на роботов ответственность за причиненный вред[4].

Прежде чем повсеместно внедрять искусственный интеллект, стоит провести исследования на государственном уровне относительно безработицы и социально-экономических последствий применения искусственного интеллекта в сферу труда, тем самым сократив миллионы рабочих мест по всей стране. Не будет ли стоять внедрение искусственного интеллекта стабильной социальной ситуации в стране. Трудовые отношения не только неразрывно связаны с самой личностью, но и с возможностью обеспечения работником членов своей семьи. В случае замены работников роботами, обладающими искусственным интеллектом, безработица может вырасти до небывалых пределов, в связи с чем, неминуемо увеличится и рост преступности в стране, так как человек будет находиться в стадии поиска удовлетворения своих естественных потребностей в питании и проживании. Поэтому необходимо, чтобы у государства была четкая позиция формирования правовой, экономической и социальных стратегий для решения проблем, связанной с «технологической безработицей». Следовательно, в настоящее время необходимо создать перечень профессий и должностей, которые не могут быть заменены искусственным интеллектом, определить четкие правила (порядок) взаимодействия роботов, обладающих искусственным интеллектом, и людей, в том числе и при возникновении внештатных ситуаций, а в некоторых предприятиях, возможно, установить квоты на места, занимаемые людьми. Все данные действия обусловлены тем, что пунктом 19 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017г. № 203 указаны основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, среди которых обеспечение защиты права на труд.

Литература

1. Занятость и безработица в Российской Федерации в 2020 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/34.htm (дата обращения: 07.05.2023).
2. Агирре Ф. Э. Киборги-энтузиасты уже появляются среди нас (Электронный ресурс) URL: www.Metronews.ru (дата обращения: 07.05.2023г.)
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Электронный ресурс: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/000120170510002.pdf> (дата обращения 14.05.2023г)

4. De Stefano V. «Negotiating the algorithm»: automation, artificial intelligence and labour protection. Employment Working Paper. № 246. Geneva: ILO. 2018. P. 21- 24. // Labour Law Research Network [Электронный ресурс]. URL:<http://www.labourlawresearch.net/sites/default/files/papers/Negotiating%20the%20algorithm%20De%20Stefano%20.pdf> (дата обращения: 10/05/2023).

The use of artificial intelligence when assigning labor duties to an employee

Smolina Yu.V.

Ural State Law University. V.F. Yakovleva

The author in this article tries to consider the potential areas of application of artificial intelligence, and also considers the possibility of automating many production processes through the use of artificial intelligence, which is expected to lead to an increase in the quality of products and the speed of production. These issues become especially relevant in the period of growing needs of the import substitution policy of the state. The article provides a comparative analysis of the scientific and the definitions of the concept of "artificial intelligence" specified in the current legislation. The article studied the experience of using artificial intelligence in European countries, in connection with which, a comparative analysis of the current legislation on the use of artificial intelligence in the Russian Federation and foreign countries was carried out. The author of the article discusses the reasons for the "fear of acceptance" of artificial intelligence by modern society.

Keywords: artificial intelligence, regulation of labor relations, delinquency, digitalization, robotics, unemployment.

References

1. Employment and unemployment in the Russian Federation in 2020 // Official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/34.htm (accessed 07.05.2023).
2. Aguirre F. E. Cyborg enthusiasts are already appearing among us (Electronic resource) URL: www.Metronews.ru (date of access: 05/07/2023)
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 - 2030" // Electronic resource: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (accessed 14.05.2023)
4. De Stefano V. "Negotiating the algorithm": automation, artificial intelligence and labor protection. Employment Working Paper. No. 246. Geneva: ILO. 2018. P. 21-24. // Labor Law Research Network [Electronic resource]. URL: <http://www.labourlawresearch.net/sites/default/files/papers/Negotiating%20the%20algorithm%20De%20Stefano%20.pdf> (accessed 10/05/2023).

Особенности реализации риск-ориентированного подхода при осуществлении регионального государственного жилищного контроля (надзора)

Чернышев Андрей Константинович

студент Института частного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s0118685@msal.edu.ru

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей реализации риск-ориентированного подхода при осуществлении регионального государственного жилищного контроля (надзора). Цель статьи заключается в проведении анализа определенных категорий и критериев риска в отношении регионального государственного жилищного контроля (надзора) на примере 20 субъектов Российской Федерации. В работе оценивается соблюдение контролирующими органами норм о государственном жилищном контроле. Подробно анализируются категории риска, а также порядок отнесения объектов контроля к определенной категории риска при осуществлении регионального государственного жилищного контроля (надзора). Важность наличия правильно сформулированных критериев риска объясняется тем, что на их основе осуществляется перераспределение контрольных (надзорных) мероприятий в сторону наиболее высокорисковых объектов контроля, что позволяет достигнуть снижения административной нагрузки на контролируемых лиц. В работе учитывается специфика регионального контроля в различных регионах России. Автором проведен анализ соответствия принятых регионами критериев требованиям нормативных правовых актов, а также выявлены ошибки, связанные с определением критериев риска. Был сделан вывод, что на практике принимаемые субъектами Российской Федерации положения о жилищном надзоре, как правило, дублируют нормы Постановления Правительства Российской Федерации № 1670.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, категории риска, жилищный контроль, риск-ориентированный подход, система государственного управления, критерии риска

Введение. В соответствии со статьей 22 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №248-ФЗ) государственный контроль (надзор), муниципальный контроль осуществляются на основе управления рисками причинения вреда (ущерба), определяющего выбор профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий, их содержание (в том числе объем проверяемых обязательных требований), интенсивность и результаты [1].

Предметом жилищного надзора является соблюдение юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами обязательных требований, установленных жилищным законодательством, законодательством об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности в отношении жилищного фонда, за исключением муниципального жилищного фонда. Согласно части 3 статьи 20 Жилищного Кодекса Российской Федерации региональный жилищный контроль (надзор) осуществляется в соответствии с положением, утверждаемым высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, и общими требованиями к организации и осуществлению государственного жилищного надзора, установленными Правительством Российской Федерации от 30.09.2021 №1670 «Об утверждении общих требований к организации и осуществлению регионального государственного жилищного контроля (надзора)» (далее – Постановление № 1670) [3].

Одним из основных инструментов управления рисками в контрольной (надзорной) деятельности являются критерии отнесения объекта контроля к категории риска [4]. Важность наличия правильно сформулированных критериев риска объясняется тем, что на их основе осуществляется рационализация ресурсов контрольных надзорных органов за счет перераспределения контрольных (надзорных) мероприятий в сторону наиболее высокорисковых объектов контроля, что позволяет достигнуть эффективности контрольной (надзорной) деятельности и снижения административной нагрузки на контролируемых лиц [6]. Подчеркнем, что внедрение системы управления рисками является одним из ключевых направлений совершенствования контрольной (надзорной) деятельности, закрепленных в Федеральном законе № 248-ФЗ, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Основной целью работы является анализ определенных категорий и критериев риска в отношении регионального государственного жилищного контроля (надзора) на примере 20 субъектов Российской Федерации.

Материал и методы исследования. По состоянию на март 2023 г. проведен анализ 20 актуальных положений о видах регионального государственного жилищного контроля (надзора) (далее – Положения) следующих субъектов Российской Федерации: Мурманской области, Калининградской области, Ленинградской области, Новгородской области, г. Санкт-Петербурга, Вологодской области, г. Москвы, Калужской области, г. Севастополя, Ростовской области, Ставропольского края, Республики Татарстан, Нижегородской области, Кировской области, Республики Башкортостан, Челябинской области, Омской области, Республики Саха (Якутия), Камчатского края и Приморского края. Для проведения анализа были выбраны разнородные по своему социально-экономическому и географическому положению субъекты Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение. По итогам анализа 20 положений о региональном государственном жилищном контроле (надзоре) субъектов Российской Федерации было выявлено наличие всех шести категорий риска, возможность установления которых предусмотрена ч. 1 ст. 23 Федерального закона №248-ФЗ, а именно: чрезвычайно высокий риск, значительный риск, высокий риск, средний риск, умеренный риск, низкий риск. Проведенный анализ показал, что во всех Положениях соблюдено требование ч. 2 ст. 23 Федерального закона №248-ФЗ о наличии в обязательном порядке категории низкого риска. Также каждый регион определил необходимость выделения высокой категории риска. При этом наличие категории среднего риска выявлено у 19 субъектов (95%), категории умеренного риска у 16 субъектов (80%).

Лишь в одном случае (0,2%) выявлена необходимость выделения двух категорий риска: чрезвычайно высокого и значительного. Так, условием отнесения к категории чрезвычайно высокого риска в Мурманской области определены случаи взрывов бытового газа в многоквартирных домах, в которых юридическим лицом/индивидуальным предпринимателем осуществляется деятельность по техническому обслуживанию, ремонту и техническому диагностированию внутридомового и внутриквартирного газового оборудования в течение двенадцати месяцев, предшествовавших месяцу, в котором принимается решение о формировании плана проверок.

У остальных регионов наличие данного условия для определения категории риска отсутствует. К примеру, в Республике Татарстан выделена категория значительного риска, но при этом отсутствует категория среднего риска. В то же время для категории значительного риска определены критерии в виде административных нарушений, которые в

остальных регионах используются для высокой категории риска. Подавляющее большинство регионов – 17 выделили 4 категории риска (в основном высокий, средний, умеренный и низкий) и лишь 3 региона (Ленинградская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край) остановились на целесообразности определения лишь 3 категорий риска: высокий, средний и низкий.

Необходимо отметить, что данная структура категорирования рисков сложилась в результате следования нормам Постановления №1670, в п. 12 которого определено, что орган государственного жилищного надзора при осуществлении государственного жилищного надзора относит объекты государственного жилищного надзора к одной из следующих категорий риска причинения вреда (ущерба): высокий, средний, умеренный и низкий.

Постановлением №1670 также определены критерии отнесения объектов регионального государственного жилищного контроля (надзора) к категориям риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законам ценностям. По тяжести и масштабу потенциальных негативных последствий несоблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями обязательных требований, установленных жилищным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности в отношении жилищного фонда, за исключением муниципального жилищного фонда, деятельность контролируемых лиц, подлежащая региональному государственному жилищному контролю (надзору), разделены на группы тяжести «А» или «Б» [3].

При этом группе тяжести «А» относится деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по управлению многоквартирными домами, оказанию услуг и (или) выполнению работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах в отношении многоквартирных домов, оборудованных лифтами и (или) централизованной системой газоснабжения, в том числе многоквартирных домов, в которых для производства услуг по горячему водоснабжению и (или) теплоснабжению используется газ. В иных случаях деятельность контролируемых лиц относится к группе тяжести «Б».

Проведенный анализ положений о виде контроля показал, что большинство субъектов Российской Федерации следует установленным нормам Постановления № 1670 при определении критериев риска, но в то же время есть и ряд специфических моментов, которые необходимо отметить. Если анализировать сам состав критериев риска, то следует отметить, что во всех 20 Положениях присутствуют критерии, основанные на привлечении в предыдущие периоды контролируемых лиц к административной ответственности.

Помимо этого, в Положениях в качестве критериев риска выделены объекты, которые находятся в управлении контролируемого лица: в частности, 13 субъектов выделили в своих Положениях многоквартирные дома, оборудованные лифтами и (или)

централизованной системой газоснабжения (в том числе многоквартирные дома, в которых для производства услуг по горячему водоснабжению и (или) теплоснабжению используется газ). Два региона выделили многоквартирные дома, оборудованные внутридомовым и внутриквартирным газовым оборудованием.

Три региона (а именно: Ленинградская область, Ставропольский край и Республика Саха (Якутия)) ввели в формулу расчета показатель площади объекта, находящегося в управлении контролируемого лица, и срок управления этими объектами за 2 предыдущих года. Также в качестве критерия риска (низкого) два субъекта Российской Федерации (Мурманская область, Республика Татарстан) определили отсутствие наличия критериев, позволяющих назначить более высокую категорию риска.

При анализе видов административных правонарушений, используемых для определения критериев риска, можно выделить следующие тенденции:

1) Категория высокого риска. Условием отнесения к данной категории субъекты Российской Федерации выделили наличие со стороны контролируемых лиц вступившего в законную силу в течение последних двух или трех лет на дату принятия решения об отнесении деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя к категории риска постановления о назначении административного наказания юридическому лицу, его должностным лицам или индивидуальному предпринимателю за совершение ряда административных правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2].

Большинство регионов (от 13 до 15) в целях отнесения к высокой категории риска выделили следующие административные правонарушения:

- нарушение правил пользования жилыми помещениями, самовольные переустройство и (или) перепланировка помещения в многоквартирном доме;
- нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений;
- нарушение нормативов обеспечения населения коммунальными услугами;
- нарушение требований законодательства о передаче технической документации на многоквартирный дом и иных связанных с управлением таким многоквартирным домом документов;
- нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами;
- уклонение от исполнения требований к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг и ряд других.

2) Категория среднего риска. У большинства субъектов Российской Федерации к данной категории были отнесен тот же потенциальный круг контролируемых лиц, осуществляющих управление определенными наиболее опасными объектами, но у которых в течение последних 2 или 3 лет при проведении планового или внепланового контрольного

(надзорного) мероприятия не были выявлены нарушения обязательных требований.

3) Категория умеренного риска. Из контролируемых лиц по сравнению с более рисковыми категориями у большинства регионов исключены те, у кого в управлении находятся определенные наиболее потенциально опасные объекты. Вторым условием является наличие со стороны контролируемых лиц вступившего в законную силу в течение последних двух или трех лет на дату принятия решения об отнесении деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя к категории риска постановления о назначении административного наказания юридическому лицу, его должностным лицам или индивидуальному предпринимателю за совершение ряда административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ. При этом перечень видов административных правонарушений аналогичен тому, который применяется для установления высокой категории риска.

4) Категория низкого риска. В целях отнесения контролируемых лиц к данной категории риска большинство регионов определили два условия, а именно: управление объектами, не отнесенными к наиболее потенциально опасным и отсутствие нарушений обязательных требований за последние 2 или 3 года.

В соответствии с ч. 4 ст. 23 Федерального закона №248-ФЗ критерии риска должны учитывать тяжесть причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям и вероятность наступления негативных событий, которые могут повлечь причинение вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а также учитывать добросовестность контролируемых лиц [1]. В частях 5,6,7,8 ст. 23 Федерального закона №248-ФЗ описаны условия выполнения вышеуказанных требований, а Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.08.2016 № 806 утверждены Правила отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности (далее – Правила). Данные Правила устанавливают требования к критериям отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности.

На основании положений Федерального закона №248-ФЗ и Правил автором были составлены параметры соответствия требованиям к критериям риска (Таблица 1).

Далее рассмотрим ошибки, связанные с определением критериев риска. Одна из распространенных ошибок выявлена в определении самих критериев риска, а именно – привязка к объектам, находящимся в управлении контролируемого лица, что в свою очередь никак не отражает риск причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям [8]. Так, субъекты Российской Федерации выделили потенциально более опасные, по их мнению, объекты (например, многоквартирные дома, оборудованные

лифтами и (или) централизованной системой газоснабжения), но это нельзя определить как учет таких параметров как наличие степени тяжести и учет масштаба распространения в соответствии с требованиями Федерального закона №248-ФЗ и Правил.

Таблица 1

Параметры соответствия требованиям к критериям риска

№	Наименование параметра	Характеристика параметра
1	Наличие степени тяжести	Соответствующая классификация тяжести последствий произошедших случаев причинения вреда
2	Учет масштаба распространения	Количественное измерение охраняемых законом ценностей, находящихся под потенциальным негативным воздействием различной степени тяжести
3	Учет сложности преодоления последствий	Наличие компенсационных мер, возможности возмещения ущерба или ликвидации негативных последствий
4	Учет возможной частоты возникновения	Вероятность наступления данного случая причинения вреда на основании данных о фактическом причинении вреда (ущерба) по различным видам объектов контроля с выделением видов объектов контроля, характеризующихся схожей или различной частотой случаев фактического причинения вреда (ущерба)
5	Учет вероятности несоблюдения обязательных требований	Информация о результатах ранее проведенных проверок юридического лица или индивидуального предпринимателя и назначенных административных наказаний за нарушение обязательных требований.
6	Оценка добросовестности контролируемых лиц	На основании следующих сведений: 1) реализация контролируемым лицом мероприятий по снижению риска причинения вреда (ущерба) и предотвращению вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям; 2) наличие внедренных сертифицированных систем внутреннего контроля в соответствующей сфере деятельности; 3) предоставление контролируемым лицом доступа контрольному (надзорному) органу к своим информационным ресурсам; 4) независимая оценка соблюдения обязательных требований; 5) добровольная сертификация, подтверждающая повышенный необходимый уровень безопасности охраняемых законом ценностей; 6) заключение контролируемым лицом со страховой организацией договора добровольного страхования рисков причинения вреда (ущерба), объектом которого являются имущественные интересы контролируемого лица, связанные с его обязанностью возместить вред (ущерб) охраняемым законом ценностям, причиненный вследствие нарушения контролируемым лицом обязательных требований.

Источник: составлено автором.

Другой распространенной ошибкой является неверно составленная методика расчета. Регионы определяют формулы, на основе которых невозможно верно определить риск, то есть при разработке формул не были учтены установленные Федерального закона №248-ФЗ и Правилами требования [7]. Такая проблема выявлена, в частности, у Ленинградской области, в которой показатель риска

(баллов) определяется по формуле, в которой основные показатели не определяют уровень риска, а основаны на «палочной» системе, учитывающей наличие совершенных административных правонарушений.

Другая группа некорректно составленных критериев риска связана с недостаточной полнотой сведений, согласно которым может быть принято решение об отнесении объекта к той или иной категории риска. Например, в качестве критерия риска (низкого) два региона определили отсутствие наличия критериев, а именно – выявленных нарушений обязательных требований, позволяющих назначить более высокую категорию риска. В то же время контролируемые лица, не попавшие в перечень «проверяемых» в плановом периоде, могут управлять объектами, имеющие высокую потенциальную опасность для охраняемых законом ценностей.

Заключение. Проведенный в настоящем исследовании анализ 20 положений о региональном жилищном контроле на соответствие разработанных регионами критериев риска Требованиям, показал, что ни одно из них в полной мере не соответствует им. Более того, у всех регионов большинство параметров соответствия Требованиям на нашли отражения в положениях субъектов о виде контроля. Так, ни у одного из регионов не выявлены следующие параметры:

1. наличие степени тяжести;
2. учет масштаба распространения;
3. наличие сложности преодоления таких событий;
4. учет возможной частоты возникновения;
5. оценка добросовестности контролируемых лиц.

Все регионы для определения критериев риска учли лишь один из параметров, а именно – вероятность наступления негативных событий, основанный на результатах ранее проведенных проверок юридического лица или индивидуального предпринимателя и назначенных административных наказаниях.

Также анализ показал, что на практике положения о жилищном надзоре, принимаемые субъектами Российской Федерации, как правило, дублируют Постановление № 1670. Таким образом, можно сделать вывод, что все субъекты Российской Федерации, попавшие в периметр анализа Положений о региональном жилищном контроле, оформляют критерии ошибочно, что не соответствует требованиям положений Федерального закона №248-ФЗ и Правил. Возможно, это связано с тем, что существующих положений Федерального закона №248-ФЗ и Правил недостаточно для корректной разработки критериев риска, а также с тем, что отсутствуют необходимые источники информации, позволяющие заложить в методику оценки количественную характеристику используемых параметров для расчета.

Литература

1. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Рос-

сийской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 24.04.2023).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 23.04.2023).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2021 №1670 «Об утверждении общих требований к организации и осуществлению регионального государственного жилищного контроля (надзора)» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397773/ (дата обращения: 24.04.2023).

4. Агагомедова С.А. Категорирование подконтрольных лиц как условие выборочности государственного контроля и надзора // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №3 (42). С. 167-175.

5. Агагомедова С. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. №4. С. 460-470.

6. Макарейко Н.В. Риск-ориентированный подход при осуществлении контроля и надзора // Юридическая техника. 2019. №13. С. 225-229.

7. Маслов К.В., Матненко А.С. Риски и угрозы как системообразующие категории государственного контроля (надзора) // Правоприменение. 2021. №2. С. 132-144.

8. Масалаб А.Ф. Проблемы развития государственного контроля и надзора в контексте реформы законодательства // Правоприменение. 2020. №4. С. 94-101.

Features of the implementation of a risk-based approach in the implementation of regional public housing control **Chernyshev A.K.**

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The present research is devoted to the study of the features of the implementation of a risk-based approach in the implementation of regional public housing control (supervision). The purpose of the article is to analyze certain categories and criteria of risk in relation to regional public housing control (supervision) on the example of 20 subjects of the Russian Federation. The work assesses compliance by regulatory authorities with the norms on public housing control. Risk categories are analyzed in detail, as well as the procedure for assigning objects of control to a certain risk category in the implementation of regional state housing control (supervision). The importance of having correctly formulated risk criteria is explained by the fact that on their basis, control (supervisory) measures are redistributed towards the most high-risk control objects, which makes it possible to achieve a reduction in the administrative burden on controlled persons. The paper takes into account the specifics of regional control in various regions of Russia. The author analyzes the compliance of the criteria adopted by the regions with the requirements of regulatory legal acts and identifies errors related to the definition of risk criteria. It was concluded that in practice, the regulations on housing supervision adopted by the subjects of the Russian Federation, as a rule, duplicate the norms of the Decree of the Government of the Russian Federation №1670.

Keywords: control and supervisory activities, risk categories, housing control, risk-oriented approach, public administration system, risk criteria

References

1. Federal Law "On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation" dated July 31, 2020 No. 248-FZ [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (date of access: 04/24/2023).
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 14, 2023) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 04/23/2023).
3. Decree of the Government of the Russian Federation of September 30, 2021 No. 1670 "On approval of general requirements for the organization and implementation of regional state housing control (supervision)" [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397773/ (date of access: 04/24/2023).
4. Agagomedova S.A. Categorization of controlled persons as a condition for the selectivity of state control and supervision. Vestnik VGU. Series: Law. 2020. No. 3 (42). pp. 167-175.
5. Agagomedova S. A. Risk-based approach in the implementation of control and supervision activities: theoretical justification and problems of application // Siberian Legal Review. 2021. №4. pp. 460-470.
6. Makareiko N.V. Risk-oriented approach in the implementation of control and supervision // Legal Technique. 2019. No. 13. pp. 225-229.
7. Maslov K.V., Matnenko A.S. Risks and threats as system-forming categories of state control (supervision) // Law enforcement. 2021. №2. pp. 132-144.
8. Masalab A.F. Problems of development of state control and supervision in the context of legislative reform // Law enforcement. 2020. №4. pp. 94-101.

Эволюция концепции злоупотребления правом и ее применение в сфере интеллектуальной собственности

Борисов Александр Дмитриевич

аспирант Московского финансово-промышленного университета «СИНЕРГИЯ», borisov_a_d@gmail.com

В работе анализируется историческое развитие понимания концепции злоупотребления правом в доктрине российского и зарубежного гражданского права, выявляются особенности и проблемы судебной практики по вопросам злоупотребления правом на результаты интеллектуальной деятельности. Констатируется тесная взаимосвязь между злоупотреблением правом в данной сфере и нарушением норм о защите конкуренции, выявляются основные критерии отказа в правовой защите действий, представляющих собой злоупотребление правом на товарный знак.

Ключевые слова: злоупотребление правом, шикана, субъективное гражданское право, право интеллектуальной собственности, результаты интеллектуальной деятельности, товарный знак, патенты, конкуренция, доминирующее положение

Проблема злоупотребления правом впервые прослеживается уже в римском частном праве. В нем было сформулирована концепция *exceptio doli* - особое средство противодействия случаям злоупотреблений. По правовой природе оно представляло собой процессуальное возражение, которое претор включал в эдикт, чтобы убедиться, что тот, кто использует свое право, не нарушает «добрые нравы» или принцип справедливости.

Дальнейшее развитие концепции произошло в Средние века. В это время был разработан институт *aemulatio*, охватывающий осуществление права его обладателем с целью причинения вреда другим лицам. В качестве критерия принималось отсутствие экономического интереса у правообладателя [1, с. 5].

Современная концепция злоупотребления правом развивает положения сформулированной еще в XIX веке теории «запрета шиканы». Во французском правопорядке используется термин «*abus de droit*» (дословно – злоупотребление правом). Отправной точкой в развитии этой концепции стало решение Апелляционного суда города Сельмер от 2 мая 1855 года. Предметом спора была дымовая труба, которая в силу решения суда подлежала демонтажу. Было констатировано, что цель ее возведения владельцем земельного участка заключалась исключительно в намерении причинить вред соседу путем ограничения доступа на его территорию солнечного света [2, с. 41]. С одной стороны, было установлено отсутствие интереса собственника в строительстве такой громоздкой конструкции, а с другой стороны - причинение вреда другому лицу. Это и есть классический вариант шиканы – использование своего права исключительно с намерением причинить вред другому лицу.

Как видно, речь идет об осуществлении собственных прав с целью причинения вреда другим, что было признано субъективным злоупотреблением правом. Через некоторое время стали учитываться и такие обстоятельства, как неосторожность, отсутствие оправданного мотива либо же противоречие экономической или социальной цели права при осуществлении права его обладателем. В совокупности эти элементы составили объективный критерий злоупотребления правом [3, с.6]. Во французском законодательстве (статья 1382 Кодекса Наполеона) злоупотребление правом влечет за собой ответственность в форме возмещения убытков [4].

Отметим, что ключевое место в разработке и углублении концепции злоупотребления правом занимает именно французская правовая доктрина – притом не только частного, но и публичного права. Так, благодаря трудам одного из наиболее авторитетных сторонников этой концепции Л. Жоссерана,

проблемам, связанным с правовыми последствиями любого факта злоупотребления правом, было уделено пристальное внимание; соображения этого ученого оказали серьезное влияние на современную доктрину, а также на практику судов [5, с. 51]. Основной принцип здесь состоит в том, что каждый, кто злоупотребляет своими законными правами, должен нести ответственность за последствия такого злоупотребления.

Конструкция злоупотребления правом не чужда и немецкому праву. Истоки здесь можно проследить в формулировке §226 Германского гражданского уложения 1896 года в части запрета на осуществление права, единственной целью которого является причинение вреда другим [6]. Здесь, как и во французской концепции, смысловое наполнение категории «злоупотребление правом» происходило через судебную практику. Например, можно привести решение суда Рейха в 1909 г., где было признано неправомерным поведение собственника земельного участка, который из-за ссоры с сыном препятствовал его проходу на участок, где была похоронена его мать [7, с. 13].

Также прогрессивным достижением в развитии европейской теории злоупотребления правом стала ст. 2 Гражданского кодекса Швейцарии 1907 г. Первый параграф данной статьи гласит, что осуществление прав и исполнение обязанностей должно быть добросовестным (тем самым устанавливается общий принцип гражданского права - принцип добросовестности). Второй параграф данной статьи содержит запрет на злоупотребление правами путем прямого указания на отказ в правовой защите права, которым лицо злоупотребляет [8].

Вышеупомянутые нормы, несомненно, стали историческим прорывом в подходе к вопросу о злоупотреблении правом. Общим моментом с более ранним регулированием здесь был запрет на такое осуществление субъективного права, единственной целью которого является причинение вреда другим лицам (запрет шиканы). Однако различалась широта подхода: он был расширен до запрета действий, противоречащих добросовестности, обычаям коммерческого оборота или целям, в которых обычно осуществляется использование субъективного гражданского права.

В ходе дальнейшего развития концепции злоупотребления правом были сформулированы «внутренний» и «внешний» подходы [9, с. 22-24]. Первый подход усматривает злоупотребление в действиях, осуществляемых в пределах субъективного права, но со злым умыслом или по незаконным мотивам обладателя права. Как следствие, несмотря на то, что действие соответствует содержанию субъективного права, оно является незаконным. Второй подход распространяет понимание злоупотребления не только в содержание, но и в способ осуществления субъективного права. Таким образом, согласно «внутренней» теории, злоупотреблением правом будет признаваться действие, превышающее своего рода предел, за которым заканчивается право и начинаются противоправные действия.

Однако злоупотребление правом в его сегодняшнем понимании – это куда более широкая категория. В частности, практика показала, что удовлетворение эгоистических интересов обладателя субъективного гражданского права является более выгодным занятием, нежели простое причинение вреда. Поэтому не всегда действия лица, злоупотребляющего правом, содержат все признаки шиканы. Существуют и различные формы злоупотреблений, которые не могут быть признаны шиканой, если имеется хотя бы одна цель, которая не имеет непосредственной направленности на причинение вреда другим лицам (то есть, например, цель удовлетворить какие-то эгоистические потребности). В частности, в виде подобной второй формы могут выступать осуществление права в обход закона с противоправной целью, а также использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке, прямо поименованные в ст. 10 ГК РФ [10].

Отдельное внимание стоит уделить злоупотреблению правом в сфере отношений по поводу прав на результаты интеллектуальной деятельности как объекты интеллектуальной собственности. Уже из самой природы прав на данные нематериальные объекты, из их структуры (наличие как имущественного, так и личного неимущественного компонента) можно заметить, что правообладатель является своего рода «монополистом», т.е. находится в экономической ситуации, которая характеризуется высоким риском для злоупотреблений. Осуществляя свои исключительные права на произведение, товарный знак или другой объект интеллектуальной собственности, правообладатель противопоставляет его всем третьим лицам. В литературе отмечается, что для права интеллектуальной собственности (в особенности в цифровую эпоху, когда актуализируются дискуссии о соотношении между свободой распространения информации и авторскими правами) границы правомерного осуществления исключительных прав оказываются довольно размытыми, нуждающимися в уточнении.

Следует отметить, что на практике злоупотребления в сфере прав на интеллектуальную собственность имеют тесную связь с нарушениями законодательства о защите добросовестной конкуренции. Во многом это связано с тенденциями растущей коммерциализации оборота интеллектуальной собственности. Как справедливо указывал М.В. Шугуров, формирование баланса между нормами конкурентного права и права интеллектуальной собственности должно стать общей для всех современных государств тенденцией, так как именно в данной взаимосвязи кроются многие проблемы, требующие скорейшего решения [11, с. 93].

В качестве примера рассмотрим судебную практику относительно злоупотребления правом на товарный знак. В литературе указывается, что это одна из наиболее острых проблем, тормозящих развитие конкуренции на российском рынке товаров и услуг [12, с. 43]. Долгое время в российском правовом поле существовали ситуации, когда определенные юридические лица («компании-аккумуляторы»

товарных знаков) регистрировали множество распространённых наименований товарных знаков, которые потенциально характеризовались высоким спросом на самых различных рынках товаров и услуг. Далее, если такой компании удавалось зарегистрировать подобный «выигрышный» товарный знак, она начинала выявлять на соответствующих рынках участников, которые использовали в своей деятельности зарегистрированные такими «компаниями-аккумуляторами» товарные знаки или схожие с ними обозначения. Обнаружив подходящую «жертву», компания начинала осуществлять действия, направленные на понуждение к заключению с ней возмездного лицензионного договора или договора по отчуждению исключительного права на соответствующий товарный знак, причем на крайне невыгодных с финансовой точки зрения условиях.

Изначально суды, рассматривавшие подобные дела, руководствовались формальным подходом [13, 14]. Они исходили из того, что лицу, на чье имя зарегистрирован данный товарный знак, не может быть отказано в защите его прав до признания предоставления правовой охраны в соответствии со статьей 1512 ГК РФ недействительным или прекращения права на охрану товарного знака согласно правилу, закрепленному в статье 1514 ГК РФ. Таким образом суды не находили оснований для отказа в исках, найдя общее сходство между данными товарными знаками и используемыми обозначениями. При этом, положения статьи 10 ГК РФ и статьи 10bis Парижской Конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. [15] (далее Парижская Конвенция), согласно которым злоупотребление правом является основанием для отказа в иске, судами практически игнорировались.

События приняли иной оборот, когда несколько «компаний-аккумуляторов» (в том числе, ЗАО «МИР» [16] и ООО «Новые технологии» [17]) начали обращаться в суд с исками в адрес крупных российских компаний с требованиями о выплате денежной компенсации. В качестве аргументации компании-правообладатели ссылались на незаконное использование зарегистрированных за ними обозначений «Птичка», «Ноктюрн», «Праздничное» и иных товарных знаков. Но, рассмотрев данные дела по существу, суды приняли решение отказать в удовлетворении исковых требований, сославшись, в том числе, на норму статьи 10 ГК РФ.

Действия данных компаний-правообладателей, направленные на защиту нарушенных исключительных прав на товарные знаки, были признаны недобросовестными, так как с учетом их фактического неиспользования по назначению, они создавали на практике искусственные препятствия к использованию схожих до степени смещения и тождественных товарных знаков. В данном случае суды учли цели регистрации товарного знака и наличие непосредственной связи между ними и реальным намерением их использовать по назначению. Так как в данных случаях главной целью регистрации было намерение получить возможность запрещать использование конкретных обозначений иным лицам, суд отказать истцам в защите соответствующих прав.

Однако истцы, не согласившись с вынесенными решениями, подали кассационные жалобы в Суд по интеллектуальным правам [18]. В результате рассмотрения данных жалоб суд поставил вопрос: какие же доказательства необходимо предоставить для того, чтобы суд мог точно установить цель регистрации товарных знаков?

Разъяснил данный вопрос Верховный суд РФ [19, 20]. При этом, решения судов первой и апелляционной инстанций были оставлены в силе. Верховным Судом, в частности, было указано следующее. В соответствии со статьей 10bis Парижской Конвенции в случае, если суд установит факт злоупотребления правом со стороны правообладателя товарного знака как акта недобросовестной конкуренции, суд вправе отказать последнему в защите его прав на товарный знак. Также в положениях ГК РФ устанавливается, что право на товарный знак обусловлено использованием этого товарного знака в экономической деятельности правообладателя. Если же лицо регистрирует товарный знак и использует его лишь как средство для создания препятствий иным лицам к использованию сходных или тождественных с ним обозначений, то попытка получить соответствующую судебную защиту является злоупотреблением правом со стороны истца, а само нарушение права, на которое указывает истец, следует расценивать как имитацию нарушения.

Верховному суду также удалось установить и доказать факт, что ЗАО «МИР» и ООО «Новые технологии» никогда не были ни производителями, ни участниками оборота соответствующей продукции, для которой были явно предназначены зарегистрированные на них товарные знаки. А, следовательно, и сам факт их нецелевого использования становится очевидным.

Исходя из вышеизложенных фактов, коллегия Верховного суда определила указанные действия данных компаний в качестве злоупотребления правом, а также сочла правомерным отказ судов первой и апелляционной инстанции в защите нарушенных прав истца [19, 20].

Таким образом, рассмотренный в статье кейс оказал существенное влияние на дальнейшее формирование судебной практики по спорам, связанным с защитой прав подобных недобросовестных компаний-правообладателей на товарные знаки. В более поздних делах [21] суды пришли к выводу, что злоупотребление правом на защиту исключительного права на товарный знак является самостоятельным основанием для отказа в иске. Как следствие, пределы осуществления прав в этой сфере были успешно уточнены за счет позитивного влияния практики Верховного Суда РФ.

Литература

1. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Юрайт, 2019.
2. Лябах А.О. История развития злоупотребления правом в Германии, Франции и Швейцарии // Образование и право. 2018. №5.

3. Кушнер О. В. Злоупотребление как предел осуществления права // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 2(5).

4. Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) 1804 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/ (дата обращения: 10.06.2023)

5. Шайо А. Злоупотребление основными правами, или парадоксы преднамеренности // СКО. 2008. №2 (63).

6. Гражданское уложение 18 августа 1896 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio63/ (дата обращения: 10.06.2023)

7. Szpunar A. Naduz'ycie prawa podmiotowego, Kraków 1947.

8. Гражданский кодекс Швейцарии от 10 декабря 1907 г. / Перевод К.М. Варшава.- Петроград: Паровозная типография, 1915.

9. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ. Дисс. канд. юрид. наук. Киров, 2014.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

11. Шугуров М.В. Международно-правовые аспекты предотвращения недобросовестной конкуренции // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2013. №8.

12. Лисиченко Н.Р. Анализ судебной практики по вопросу отказа в судебной защите при злоупотреблении правом (п. 2 ст. 10 ГК РФ) // Аллея науки. 2018. №5 (21).

13. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 04.06.2009 по делу N A40-16159/09-93-173 // СПС «КонсультантПлюс»

14. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 01.07.2009 по делу N A40-76720/08-67-675, A40-76724/08-67-676 // СПС «КонсультантПлюс» Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс»

15. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2015 по делу N A08-8801/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.08.2014 по делу N A08-8802/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.12.2014 N C01-1239/2014 по делу N A08-8802/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

18. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.06.2015 N C01-452/2015 по делу N A08-8801/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.07.2015

по делу N 310-ЭС15-2555, A08-8802/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.01.2016 по делу N 310-ЭС15-12683, A08-8801/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 2 июля 2020 г. по делу № A40-326340/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

The evolution of the concept of abuse of right and its application in the field of intellectual property

Borisov A.D.

Moscow Financial and Industrial University "SYNERGY"

The paper analyzes the historical development of understanding the concept of abuse of the right in the doctrine of Russian and foreign civil law, identifies the features and problems of judicial practice on the abuse of the right to the results of intellectual activity. The close relationship between the abuse of law in this area and the violation of competition protection norms is stated, the main criteria for refusing legal protection of actions that constitute abuse of the right to a trademark are identified.

Keywords: abuse of law, chicane, subjective civil law, intellectual property law, results of intellectual activity, trademark, patents, competition, dominance

References

1. Porotikova O. A. The problem of abuse of subjective civil law. Moscow: Yurayt, 2019.
2. Lyabakh A.O. The history of the development of abuse of law in Germany, France and Switzerland // Education and Law. 2018. No. 5.
3. Kushner O. V. Abuse as a limit to the exercise of law // Priority directions for the development of science and education. 2015. No. 2(5).
4. Civil Code (Napoleon Code) 1804 [Electronic resource]. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/ (date of access: 06/10/2023)
5. Shaio A. Abuse of fundamental rights, or paradoxes of intentionality // SKO. 2008. No. 2 (63).
6. Civil Code August 18, 1896 (with subsequent changes) [Electronic resource]. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio63/ (date of access: 06/10/2023)
7. Szpunar A. Naduz'ycie prawa podmiotowego, Kraków 1947.
8. The Swiss Civil Code of December 10, 1907 / Translated by K.M. Warsaw. - Petrograd: Locomotive Printing House, 1915.
9. Barmina O.N. Abuse of law as a general legal category: theoretical and legal analysis. Diss. cand. legal Sciences. Kirov, 2014.
10. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 05, 1994, N 32, Art. 3301.
11. Shugurov M.V. International legal aspects of preventing unfair competition // Intellectual property. Industrial property. 2013. No. 8.
12. Lisichenko N.R. Analysis of judicial practice on the issue of denial of judicial protection in case of abuse of right (clause 2, article 10 of the Civil Code of the Russian Federation) // Alley of Science. 2018. No. 5 (21).
13. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 06/04/2009 in case N A40-16159 / 09-93-173 // SPS "ConsultantPlus"
14. Decision of the Moscow Arbitration Court dated July 1, 2009 in case No. A40-76720 / 08-67-675, A40-76724 / 08-67-676 // ATP "ConsultantPlus" Convention for the Protection of Industrial Property (Concluded in Paris on March 20 .1883) (as amended on 02.10.1979) // SPS "ConsultantPlus"
15. Decision of the Nineteenth Arbitration Court of Appeal dated March 2, 2015 in case No. A08-8801/2013 // ConsultantPlus ATP.
16. Resolution of the Nineteenth Arbitration Court of Appeal dated August 22, 2014 in case N A08-8802 / 2013 // Consultant Plus ATP.
17. Ruling of the Intellectual Property Rights Court dated December 23, 2014 N C01-1239/2014 in case N A08-8802/2013 // ConsultantPlus SPS
18. Ruling of the Court for Intellectual Property Rights dated June 24, 2015 N C01-452/2015 in case N A08-8801/2013 // Consultant Plus SPS.
19. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 23, 2015 in case N 310-ES15-2555, A08-8802 / 2013 // SPS "ConsultantPlus"
20. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 20, 2016 in the case N 310-ES15-12683, A08-8801 / 2013 // ATP "ConsultantPlus".
21. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated July 2, 2020 in case No. A40-326340/2019 // SPS ConsultantPlus

Особенности квалификации поведения в праве: поведения в состоянии крайней необходимости и недобросовестного поведения

Седова Жанна Игоревна,

кандидат юридических наук, Российский государственный университет правосудия, Zhanna.sedova@EL5-energo.ru

Следует разобраться в особенностях оценки судом поведения для того, чтобы недобросовестное поведение не было замаскировано под поведение в состоянии крайней необходимости. Юридический термин «состояние крайней необходимости» в праве является оценочным, в связи с чем суд устанавливает наличие или отсутствие такого состояния у субъекта правового поведения, оценивая: (1) чрезвычайность фактических обстоятельств, вызвавших такое поведение, наличие и действительный характер возникшей опасности, то есть добросовестность сформированного лицом представления о чрезвычайности обстоятельств; (2) возможности решения проблемы другими доступными в этот момент способами; (3) соразмерность причиненного ущерба предотвращенным последствиям. При этом фактические обстоятельства чрезвычайной ситуации могут быть настолько комплексными, что для признания предпринятых лицом действий крайне необходимыми суд должен смочь ответить на три дополнительных вопроса: (1) может ли состояние крайней необходимости быть длящимся; (2) для целей правильного применения гражданско-правовой ответственности у кого из двух субъектов права, носителя направленного на причинение вреда поведения или бенефициара такого поведения, устанавливается наличие состояния крайней необходимости, или же это состояние должно наличествовать у обоих; (3) как, основываясь на нравственных началах гражданского права, оценить степень нравственности (уровень морального переживания) субъекта, у которого возникло, по его внутреннему убеждению, состояние крайней необходимости при принятии решения о действиях, направленных на причинение вреда?

Ключевые слова: недобросовестное поведение, состояние крайней необходимости, заблуждение, правовое поведение, нравственные начала гражданского законодательства, ответственность за причинение вреда.

Понятие «состояние крайней необходимости» является межотраслевым и используется в гражданском (ст. 1067 ГК РФ), административном (ст. 2.7 КоАП РФ) и уголовном (ст. 39 УК РФ) праве для смягчения или исключения ответственности за причинение вреда вследствие действий, совершенных в состоянии крайней необходимости. Очевидно, что действия в состоянии крайней необходимости продиктованы чрезвычайностью ситуации или набором драматических фактических обстоятельств, оказывающих влияние на жизнь и здоровье как самого лица, действующего в состоянии крайней необходимости, так и третьих лиц. Такие непредвиденные ситуации часто возникают в сфере медицины и биотехники, спасательных работ при устранении аварий и последствий иных чрезвычайных ситуаций, в работе правоохранительных органов. Несмотря на то, что состояние крайней необходимости (как морально-нравственное состояние) присуще только индивиду, такое его правовое поведение влечет юридические последствия для третьих лиц, в том числе для работодателя (юридического лица). Таким образом, поведение работника в состоянии крайней необходимости рассматривается как поведение самого работодателя, что означает следующее: **юридическое лицо также может выступать актором (субъектом, осуществляющим действия) в состоянии крайней необходимости в лице работников или членов органов управления компании.**

Выводя автономное определение понятия «поведение в состоянии крайней необходимости», а также учитывая то, что действия в данном состоянии могут быть квалифицированы по-разному для привлечения к одному из видов ответственности (гражданской, административной или уголовной) за причинение вреда, то важно отметить, что **цель поведения** является общей характеристикой поведения в состоянии крайней необходимости согласно нормам статьи 1067 Гражданского кодекса РФ, статьи 2.7 Кодекса об административных правонарушениях РФ и статьи 39 Уголовного кодекса РФ. Таким образом, для того, чтобы суд смог квалифицировать поведение лица как поведение в состоянии крайней необходимости, оно должно иметь своей целью устранение опасности, угрожающей самому причинителю вреда (его личности и законным правам) или другим лицам (ст. 1067 ГК РФ), а также устранение опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам общества или государства (ст. 2.7 КоАП РФ). При этом причинитель вреда должен успеть самостоятельно оценить:

- могла ли эта опасность быть устранена иными средствами при сложившихся обстоятельствах (ст. 1067 ГК РФ);

- пределы крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), то есть является ли причиняемый вред менее значительным, чем предотвращаемый (ст. 2.7 КоАП РФ).

Возможность разной квалификации правовых последствий, вызванных причинением вреда в состоянии крайней необходимости, имеет актуальное значение для предпринимательской сферы и иной экономической деятельности, так как иногда трудно отграничить обоснованный предпринимательский риск (нормальный хозяйственный риск) от намеренного причинения убытков компании.

В частности, в пункте 18.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» приведен пример обстоятельств, исключающих преступность деяния в предпринимательстве: «Не влечет уголовной ответственности временное осуществление предпринимательской деятельности без лицензии (лицензия не продлена в установленные сроки), если прекращение указанной деятельности может привести к дезорганизации работы объектов жизнеобеспечения (прекращение водоснабжения, водоочистки, теплоснабжения жилья и социальных объектов населенного пункта, угроза техногенной аварии и т.д.)». Данный пример помогает отличить экономическое преступление от не подпадающего под ответственность причинения вреда при осуществлении экономической деятельности.

Важными моментами, включенными Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 в пункт 18.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48, являются следующие:

1) При оценке судом пределов крайней необходимости необходимо сравнивать объем причиненного вреда с предотвращенным. При этом под «предотвращенным вредом» суд понимает тот, «который мог быть причинен при дальнейшем развитии возникшей опасности», а для положительной квалификации действий крайне необходимыми объемом причиненного вреда может быть не только меньше предотвращенного, но и равен предотвращенному. Однако определенные трудности у суда может вызывать справедливая оценка предотвращенного вреда как гипотетического, который зависит от разных предполагаемых сценариев развития опасности. Такая оценка должна быть основана на балансе интересов сторон. Единственным нормативным актом, дающим с 12 июля 2021 года определение превышению пределов крайней необходимости, является Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», в статье 1 которого указано, что «превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, не соответствующего харак-

теру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред, равный предотвращенному или более значительный, чем предотвращенный». Спасенная жизнь человека всегда оценивается судом выше, чем любой материальный ущерб.

2) Суд должен оценить невозможность устранения возникшей опасности без причинения ущерба интересам личности, общества или государства.

3) Суд проверяет отсутствие явного превышения допустимых пределов. При этом важным моментом является то, что если превышение пределов является неявным, то и превышением пределов не считается. Общественная полезность цели поведения в состоянии крайней необходимости нивелируется чрезмерностью ущерба.

4) Суд должен установить наличие и действительный характер возникшей опасности. Именно этот критерий оценки представляет самые большие трудности для суда, так как наличие и действительный характер опасности зависит от личностного восприятия причинителем вреда опасности в момент им выбора линии поведения и возникновения у него убежденности в своём состоянии крайней необходимости. Индивид часто допускает ошибки (заблуждается) при оценке фактических обстоятельств, действуя в состоянии эмоционального возбуждения или аффекта, полагаясь на собственные представления о нравственности. Следует учитывать, что в рамках поведения в состоянии крайней необходимости человек реализует своё естественное право на нравственное достоинство.

В российском законодательстве **крайняя необходимость является** не только конвергенцией обстоятельств для достижения определенного состояния в поведении субъекта права, но и **случаем исключительности реализации прав, например, при реализации властной компетенции государственным органом.**

В частности, Федеральный закон от 30.04.2021 № 107-ФЗ «О внесении изменения в статью 1360 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» предоставил Правительству РФ право **в случае крайней необходимости** разрешать использование изобретения без согласия патентообладателя в случае необходимости охраны жизни и здоровья граждан за соразмерную компенсацию и при условии последующего (в кратчайший срок) уведомления патентообладателя о таком разрешении. До внесения этого изменения в Гражданский кодекс РФ Правительство РФ имело право разрешать использование изобретения без согласия патентообладателя в интересах обороны и безопасности государства. Таким образом, данная поправка закона уточнила исключительное право использования государством объектов патентных прав без согласия патентообладателя только в случае крайней необходимости. Пределы такой крайней необходимости предлагается определять потребностью в охране жизни и здоровья граждан.

Другой пример случая крайней необходимости в гражданском праве – это оформление сервитута.

Сервитут, по мнению Е. Спириной, является исключительной мерой, применяемой только в случаях крайней необходимости [3], когда не существует другого кратчайшего варианта прохода к объекту собственности или объекту общего пользования.

При этом «случай крайней необходимости» следует отличать от «состояния крайней необходимости». Случай характеризуется исключительностью, но не обладает морально-нравственной характеристикой в отличие от состояния субъекта.

Причинение вреда правоохранительными органами, пожарными и иными спасательными организациями, чья деятельность сопряжена с риском и своим прямым назначением имеет спасение жизни и здоровья людей, рассматривается как правомерное причинение вреда, если не доказано иное. Здесь можно говорить о презумпции правомерности причинения вреда. В частности, У. Зеленая отмечает, что «предъявлять претензии пожарным бессмысленно, их действия регламентированы состоянием крайней необходимости (ст. 22 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»)). Даже если пострадавшая сторона полагает, что действия пожарных были необоснованными, доказать это будет невозможно. Крайняя необходимость в данном случае подразумевает, что опасность при пожаре не могла быть устранена иными средствами» [2, с. 45-52]. Не случайно в 2021 году Федеральный закон от 01.07.2021 № 256-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» кроме понятий «оправданный риск» и «крайняя необходимость» вводит также термин «условия оправданного риска и (или) крайней необходимости», наличие которых презюмируется при проведении аварийно-спасательных работ. Таким образом, при проведении аварийно-спасательных работ и ликвидации чрезвычайных ситуаций не нужно доказывать состояние крайней необходимости, а единственное, что будет изучаться судом – это не было ли допущено превышение пределов крайней необходимости.

Фактические обстоятельства чрезвычайной ситуации, вызвавшей крайне необходимые действия, могут быть комплексными, сложносоставными и требующими ответа на следующие вопросы: (1) может ли состояние крайней необходимости длиться в течение нескольких лет или оно существует временно, только в момент выбора линии поведения в таком состоянии; (2) для целей применения норм гражданского права о крайней необходимости у кого из двух субъектов права, носителя поведения или бенефициара поведения, устанавливается наличие состояния крайней необходимости, или же это состояние должно наличествовать у обоих, а также насколько одинаково оба субъекта должны оценивать степень опасности и потенциальный вред от её предотвращения; (3) как, основываясь на нравственных началах гражданского права, оценить степень нравственности (уровень морального переживания) субъекта, у которого возникло, по его

внутреннему убеждению, состояние крайней необходимости?

Состояние крайней необходимости, как морально-нравственная характеристика состояния человека в трудных жизненных обстоятельствах, может быть длящимся (так же, как может быть длящимся причинение вреда) и при этом может быть не связано с причинением вреда. Суд в принципе не интересуется состоянием человека до момента причинения вреда (до момента нарушения им законных прав и интересов третьих лиц). Причинитель вреда сам должен заявлять в суде о том, что он находился в состоянии крайней необходимости в момент причинения вреда, и смочь доказать это состояние как юридический факт. По сути, причинение вреда – это квинтэссенция состояния крайней необходимости, повлиявшего на выбор линии поведения.

Учитывая, что крайне необходимое поведение согласно статье 1067 Гражданского кодекса РФ может иметь своей целью устранение угрожающей другим лицам опасности, то для целей освобождения причинителя вреда от его возмещения (полностью или частично) и возложения обязанности возмещения вреда на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, суду необходимо устанавливать наличие состояния крайней необходимости у обоих субъектов права, причинителя вреда и бенефициара поведения, спасённого от опасности. Суд может возложить обязанность возмещения вреда на обоих по принципу долевой ответственности, как указано в пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». Для целей применения долевой ответственности к обоим субъектам не имеет значение насколько одинаково они оценивали степень опасности и потенциальный вред от её предотвращения, так как долевая ответственность означает, что каждый из ответчиков несет ответственность в равных долях, если законом или договором не определены конкретные доли, то есть «каждый из ответчиков несет ответственность в одинаковом с другими ответчиками размере» [1].

Учёт особенностей состояния крайней необходимости субъекта для целей его привлечения к гражданско-правовой ответственности относится к юридическим механизмам, которые непосредственно связаны с нравственными началами гражданского права. Достаточно трудно, основываясь только на нормах права, оценить степень моральных переживаний субъекта, у которого, по его внутреннему убеждению, возникло состояние крайней необходимости при принятии решения о действиях, направленных на причинение ущерба для общественно полезной цели – устранения опасности для личности и её законных прав, так как иногда морально-нравственные характеристики такого поведения тождественны подвигу (т.е. психология принятия решения в состоянии крайней необходимости такая же, как при совершении подвига). Причинение материального ущерба в таком состоянии характеризует его

возникновение как результат правомерных действий.

Например, суд признал правомерным поведением в состоянии крайней необходимости действия сотрудников управляющей компании по вскрытию входной двери квартиры в отсутствие её собственника в целях устранения аварии, в результате которой был произведен залив горячей водой расположенной ниже квартиры с жильцами (см. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2018 по делу № 33-11046/2018).

Существенным для квалификации совокупности обстоятельств, как ситуации крайней необходимости, является **заблуждение** субъекта права – причинителя вреда, добросовестно сформировавшего представление о возникшей опасности, которую он устранял. **Добросовестность представления об опасности**, сформированного причинителем вреда, должно учитываться судом при установлении наличия и действительного характера возникшей опасности, так как включение в гражданское законодательство принципа добросовестности, как общей императивной обязанности добросовестного поведения, является одним из способов укрепления нравственных начал гражданского права [4].

Если в ситуации со сделкой, совершенной под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ), можно применить двустороннюю реституцию и вернуть стороны недействительного договора в первоначальное положение (ст. 167 ГК РФ), то в ситуации с причинением вреда субъектом в состоянии крайней необходимости последний является преимущественно пострадавшей стороной, так как его благородству помыслов и действий по предотвращению опасности для третьих лиц противостоит требование о компенсации причинённого вреда. Учитывая, что причинение вреда практически всегда является противоправным, то «вред, причинённый в состоянии крайней необходимости, ... должен быть возмещен лицом, причинившим вред» (ст. 1067 ГК РФ, п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1).

Необходимо отметить, что согласно статье 240 «Право работодателя на отказ от взыскания ущерба с работника» Трудового кодекса РФ «работодатель имеет право с учетом конкретных обстоятельств, при которых был причинен ущерб, полностью или частично отказаться от его взыскания с виновного работника», - но отказ работодателя от взыскания ущерба с такого работника, как генеральный директор, должен быть одобрен советом директоров общества. Для целей надлежащего корпоративного оформления сделки, подписанной генеральным директором с превышением полномочий, но в состоянии крайней необходимости, можно рекомендовать акционерному обществу проведение подразделениям внутреннего аудита расследования данной ситуации, в рамках которого внутренний аудит может проанализировать крайнюю необходимость действий генерального директора с учётом всех фактических обстоятельств, повлиявших на принятие им решения, и рекомендовать работодателю реализо-

вать право на освобождение от ответственности генерального директора, действующего в состоянии крайней необходимости. Выводы внутреннего аудита рассматриваются комитетом по аудиту и корпоративному управлению при совете директоров компании.

В случае нереализации работодателем права на отказ от взыскания ущерба с работника в порядке статьи 240 Трудового кодекса РФ, суд согласно статье 1067 Гражданского кодекса РФ вправе, учитывая обстоятельства, при которых был причинен вред, возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред. Несомненно, что набор фактических обстоятельств имеет важное значение для квалификации состояния крайней необходимости.

Согласно пункту 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, поэтому любое проявление недобросовестного поведения влечет негативные правовые последствия, в том числе изменяет правовую квалификацию содержания правоотношений.

При сравнении характеристик недобросовестного поведения и поведения в состоянии крайней необходимости следует уяснить следующее:

1. Недобросовестное поведение в праве – это поведение субъекта права, которое обладает признаком реальности (оно не может носить гипотетический характер), имеет прямую причинно-следственную связь с негативными экономико-правовыми последствиями, возникшими у других субъектов права, имеет индивидуализацию (оно связано с конкретным носителем поведения) и по итогу сопоставления со всеми видами отрицания недобросовестного поведения явно свидетельствует о недобросовестности (очевидном отклонении действий от добросовестного поведения), что привело к необходимости применения судом правовых средств отрицания недобросовестного поведения. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021, указано: «**Поведение** одной из сторон **может быть признано недобросовестным** не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, **если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения**. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, **явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении**, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ)». Характеристики недобросовестного поведения являются: волевой выбор недобросовестного поведения; его непредсказуемость для контрагента; антисоциальность цели поведения; направленность на несбалансированность интересов участников отношений, причинение вреда, нарушение прав и свобод других

лиц; несоответствие намерений совершаемым действиям; использование прав не в соответствии с целью правового регулирования.

2. Оценка особенностей состояния крайней необходимости субъекта правоотношения осуществляется судом обязательно через призму нравственных устоев для целей возмещения причинённого вреда, а также с учётом всего комплекса фактических обстоятельств, повлиявших на выбор поведения. Состояние крайней необходимости, как характеристика правомерного причинения вреда и добросовестного поведения, относится к юридическим категориям, утверждающим нравственные начала гражданского права.

Литература

1. Гражданское право: В 2 т.: Учебник. Том 1. / Под ред. Б.М. Гонгало. М: – Статут, 2016.
2. Зелена У. Споры по пожарам с жильцами // Жилищное право. 2021. № 8. С. 45 – 52.
3. Спирина Е. Сервитут: основы, нюансы и практика // Расчет. 2019. № 7. С. 42 – 44.
4. Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции (верховенство ГК, добросовестность) // Закон. 2019. № 6. С. 145 – 156.

Peculiarities of qualification of behavior in law: behavior in a state of extreme necessity and bad faith conduct

Sedova Zh.I.

Russian State University of Justice

It is necessary to understand the specifics of the court's assessment of conduct to ensure that conduct in bad faith is not disguised as conduct in a state of extreme necessity. The legal term "state of extreme necessity" in law is an evaluative one, in connection with which the court establishes the presence or absence of such a state of the subject of legal conduct, assessing: (1) the urgency of the actual circumstances caused by such conduct, the presence and actual nature of the arose danger, i.e. person's representation on the emergency circumstances made in a good faith; (2) the ability to solve the problem by other possible and available means at that moment; (3) the proportionality of the damage caused to the prevented consequences. The factual circumstances of an emergency situation may be so complex that the court must be able to answer three additional questions in order to find the actions taken by a person to be extremely necessary: (1) whether the state of extreme necessity can be continuing (long-term); (2) for the purpose of the correct application of civil liability, which of the two subjects of law, the bearer of the conduct intended to cause harm or the beneficiary of such conduct, is determined to have the state of extreme necessity, or whether this state must be present in both; (3) how, based on the moral principles of civil law, to evaluate the degree of morality (level of moral experience) of the subject who has, in his inner conviction, a state of extreme necessity in deciding to act to inflict harm?

Keywords: bad faith conduct, state of extreme necessity, misrepresentation, legal conduct, moral principles of civil law, liability for causing harm.

References

1. Civil Law: In 2 vols. Volume 1. / Edited by B.M. Gongalo. M: – Statute, 2016.
2. Zelena U. Disputes over fires with tenants // Housing Law. 2021. № 8. P. 45 – 52.
3. Spirina E. Servitude: basics, nuances and practice // Raschet. 2019. № 7. P. 42 – 44.
4. Fogelson J.B. Russian civil law from the point of view of sociological jurisprudence (supremacy of the Civil Code, good faith) // Law. 2019. № 6. P. 145 – 156.

Сравнительный обзор законодательной и нормативно-правовой структуры вакф в Узбекистане

Турсунов Искандар Мухаммадиевич

факультет исламских финансов и экономики, INCEIF University, itursunov2020@gmail.com

Вакф уже несколько сотен лет играет важную роль в справедливом регулировании социально-экономических отношений в исламском мире. Вакф обеспечивает справедливое распределение богатства между людьми и создание активов и услуг с добавленной стоимостью. До советской колонизации вакф играл важную роль в социальной и экономической жизни стран Центральной Азии, особенно в Узбекистане (Туркестане), но во время колонизации вакф полностью исчез. В данной статье рассматривается современное состояние вакуфа в современном Узбекистане, существующая правовая база, а также недостатки в законодательстве, которые являются препятствием для его развития. Кроме того, в статье обсуждается текущая практика вакуфного фонда Узбекистана и его проблемы.

Ключевые слова: Узбекистан, вакф, вакфный фонд, правовая база, законодательство.

1. INTRODUCTION

The Republic of Uzbekistan is the country with the largest population (35.8 million) in Central Asia. More than 96% of the population are Muslims. The Republic has great potential for the introduction and development of Islamic finance. According to the survey of United Nations development program demand for Islamic finance in Uzbekistan. About 60% of businesses and 68% of individuals do not resort to bank lending, the major reason is because of religious beliefs. If Islamic financial institutions start operating in Uzbekistan, 61% of businesses and 75 % of individuals are ready to become their clients. Additionally, regarding the waqf, 36 percent of businesses and 46.81 percent individuals are in opinion that there should be legal framework for Waqf land and properties, while 35 percent businesses and 46 percent individuals would like to see transparency in Waqf activities. 36 percent of businesses and 34 percent individuals were aware of the Waqf concept, consequently, 49 percent businesses and 62 percent individuals are not satisfied with the nature of the Waqf activities in the country (Jakhongir, 2020, ADB, 2018). This practical paper discusses the current state of waqf in modern Uzbekistan, waqf management, existing legislation on waqf, gaps in legislation, and opportunities for establishing waqf ownership and its development. The first part of the article provides brief information on Waqf and its establishment conditions, as well as the history of Waqf in Uzbekistan. The second section provides a brief literature review of waqf research studies. The next part provides information on the existing waqf legislation and practice in Uzbekistan. The 3-5 parts examine the existing shortcomings, problems in Waqf legislation, and current practices with research findings. The sixth section provides information on waqf legislation in other countries. In the final parts, there are a proposed cash waqf model and regulatory framework for waqf administration, recommendations, and a conclusion on the work that needs to be done on the development of waqf in Uzbekistan.

2. LITERATURE REVIEW

2.1. Waqf Institutions

Islamic societies across the globe had flourished in every aspect of their social and economic spectrum and its roots can be traced back to the waqf institutions that were established in these societies at that time. According to Daud (2015), Baqutayan, et, el (2018), Budiman (2014), and Ambrose, Aslam, Hanafi (2015),

earlier the usage of waqf institutions were extended to the larger spectrum of the Muslim society.

In the context of the contemporary practice of waqf among various Muslim majority countries, the activities of waqf institutions are mostly confined to funding religious centric and charity related activities. Researchers like Hasan and Siraj (2016), Alltqan (2018), and Shirazi, Obaidullah, & Haneef (2015) conducted their study on waqf in the context of Bangladesh, Indonesia, and Pakistan respectively, and asserted that immovable waqf properties in these countries are highly under-utilized and left idle. In order to overcome such adversities cash waqf has started gaining popularity among various countries where waqf institutions exist. According to Alltqan (2018), Indonesian Waqf Institution (BWI) started accumulating movable assets in the form of cash waqf not only from the rich Muslim segment but also from the middle-class segment.

The right and transparent governance and organization structure of Waqf largely contributes to the success of Waqf institutions in countries. Obviously, good governance and effective functioning of organization structure could influence the sustainability of Waqf benefits for the public (Mutiar Dwi Sari, Ab Aziz Yusof, Ahmad Shaifful Anuar, 2016). Therefore, most of the Waqf administration institutions' vision, missions and objectives match the scope and framework of Sustainable Development Goals or SDGs introduced by the United Nations (Mohammad Abdullah, 2018). This is not surprising since the success of SDGs is very much dependent on the contribution of the philanthropic sector i.e., Waqf and endowment, besides active involvement of private and public sectors (Mohammad Abdullah, 2018). The Waqf played an important role in the socio-economic life of the three khanates (Bukhara, Khiva and Kokand) in Turkestan. At the end of the 19th century and the beginning of the 20th century, after the Russian Empire took possession of the khanates in the Turkestan region, at first it took over the fertile state lands belonging to the khanates, and then the waqf and private land areas. With this, waqfs and the concept of waqf gradually disappeared. In Uzbekistan, studies and scientific works on the history of Waqf have been carried out, new studies and researches are ongoing. But in modern Uzbekistan, there is not enough research on the procedures for introducing Waqf property and creating its legal basis.

2.2. Waqf

Words of waqf originally come from an Arabic word **waqfa** which means to hold, to stop or to refuse the property. On the Shariah perspective, it is said to keep the original of an asset and spend the profit to donate for sake of Allah Ta'ala. By making a waqf, the profit from something is made eternal for the users of the waqf. The thing itself is retained, and the benefit from it is permanent.

There are different categorizations and taxonomies of Waqf. In relation to the different types of beneficiaries, there are four types of Waqf:

- The charitable Waqf (al-Waqf al-Khayri),
- The family Waqf (al-Waqf al-Ahli),

The joint Waqf (al-Waqf al-Mushtarak)

Self-dedicated Waqf (al-Waqf 'Ala al-Nafs).

Waqf can be categorized whether it serves a private few or the public as:

Public Waqf

Private Waqf

Waqf can be categorized according to the underlying waqf asset. This can be categorised as:

Property Waqf

Corporate Waqf

Cash Waqf

Hence, waqf is also classified as an ongoing charity that benefits Muslims even after death. It was narrated from Abu Hurairah that the Messenger of Allah said: "When a person dies, all his good deeds end, except for three: constant alms (sadaqa jariya), useful knowledge and a righteous son who prays for him" (Sunan An - Nasai, hadith No. 3681).

Waqf consists of four basic continents that are waqif (the person who donates the waqf), mauquf (the waqf item), mauquf alaihi (the person who receives the benefit of the waqf) and sighah (the declaration of the waqf). Waqf property can be divided into two types which is movable property such as cash waqf and immovable waqf property such as land and building (Çizakça, 2000; Yayasan Waqaf Malaysia, 2015; Kahf, 2015, Sanep and Nur, 2011).

2.3. Waqf conditions

There are several conditions for a waqf to be valid. They are as follows:

The person making the endowment must be a person capable of disposal, that is, he must be an adult, intelligent person (in his right mind).

The waqf should be something that will continue to benefit while the original is preserved. It is not correct to give waqf to something that is finished with use, for example, food.

The endowment must be specific. It is not correct to endow something that is not assigned (undefined). That is, for example, if he says: "I endowed one of my houses", abstraction arises because he does not say which house exactly.

The waqf should be for good deeds. Because the purpose of it is to create qurab (closeness) to Allah ta'ala. Building mosques, bridges, drinking water, scientific books, spending on the poor and relatives. It is not right to give waqf to things that are not good. Such as endowment for shrines, blasphemous books, lighting lamps and candles on graves, or for their servants (sheikhs) who do these things. Because these things will be aiding masiyat, polytheism and disbelief.

Waqf is a binding agreement from the word itself, it is not permissible to break it. Because the Messenger of Allah s.w.t, may Allah s.w.t bless him and grant him peace, said: "Its origin cannot be sold, gifted, or inherited" (narrated by Bukhari (2764) and Muslim (1632) from Ibn Umar, may Allah s.w.t be pleased with him).

3. CURRENT LEGAL FRAMEWORK REGULATING WAQF ADMINISTRATION IN UZBEKISTAN

3.1. Current legal framework of waqf in Uzbekistan

In Uzbekistan, after independence, until 2018, there was no legal basis for the Waqf. First legal document appeared in 2018, according to the Decree (No.PF-5416) of the President of the Republic of Uzbekistan in 16th of April 16, 2018 "On measures to fundamentally improve the activities of the religious and educational sphere", the charitable public fund "Waqf" was established under the Office of the Muslims of Uzbekistan.

Based on this decree that year in 28th of august was adopted #708-F degree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, which says 189 shrines in the Republic transferred to the "Waqf" charity fund based on a free use contract.

Main functions of Waqf charitable fund:

Support citizens' initiatives aimed at increasing their religious, spiritual, and intellectual potential, preservation of national and religious values.

Construction, repair, reconstruction, improvement, strengthening of material and technical base of mosques and buildings of religious educational institutions.

Preservation, repair, improvement, use, regulation of activity and further development of infrastructure of shrines of historical and architectural value.

Financing the activities of religious educational institutions, research centres, material and social support of their professors, teachers, researchers, specialists, and students.

Material and social support of workers of mosques and shrines, including imam-khatibs, imam-naibs, mutawallis and muezzins.

Assistance in publishing and delivering to the population religious and educational works of the great ancestors, contemporary scientists, and writers, who made a huge contribution to the development of Islamic science and culture.

Further increase of the authority of shrines and places of worship of our country in the Muslim world, organization of pilgrimages to these places of local and foreign citizens, creation of necessary conditions for pilgrims and assistance in carrying out official events related to the pilgrimage.

Material and moral support to socially vulnerable layers of the population, including persons with disabilities.

The main sources of charity fund are money collected in donation boxes placed at religious sites, mosques, historic religious visitor places and others.

Donations to the Waqf Fund can also be made through mobile applications and the bank billing system. There are separate bank accounts for Zakat, Sadaqah, Waqf etc.

The use of funds includes operating expenses of mosques, maintenance and repair of mosques and historical religious sites, financial assistance to low-income families, and others. The following table provides information on the spent donation funds (as for October 2022);

	PURPOSE OF USE	(in mln. Uzbek sums)
1.	Support initiatives aimed at increasing the religious, spiritual, and intellectual potential of citizens, preservation of national and religious values.	1 824
2.	Construction, repair, reconstruction, decoration, strengthening of the material and technical base of mosques and religious educational institutions.	5 830
3.	Preservation, repair, decoration of historical and architectural shrines, further development of their infrastructure.	53 702
4.	Financing the activities of religious educational institutions, research centres, providing material and social support to their professors, researchers, specialists, and students.	15 771
5.	Financial and social support for the employees of mosques and shrines, especially imams, deputy imams, mutawallis, muezzins.	91 166
6.	Helping to publish religious and educational works written by great ancestors, mature scientists and scholars who made a great contribution to the development of Islamic science and culture.	2 765
7.	Creation of necessary conditions for local and foreign citizens (tourists).	1 654
8.	Support people in need.	76 235
	Total	248 949

3.2. Current waqf practices in Uzbekistan

As we discussed above there is so far not any legal framework or juridical documentation to create waqf and procedure to governance of waqf, Waqf fund public charitable fund. All existing properties and collected funds by Waqf fund are using for charitable purposes.

Real estate - natural (legal) persons transfer their property to the Waqf Charitable Public Fund through a notary office based on a property gift contract. Through this contract, the Waqf Charitable Public Fund will have the right to own the property and dispose of it in accordance with the applicable civil legislation (Article 511 of the Civil Code) and local documents developed based on it.

Cash - Citizens' funds are transferred to special bank accounts of the Waqf Charitable Fund through the "VAQF-billing" system integrated into mobile applications and other payment systems, as well as banking services.

3.3 Issues and challenges of Waqf practice in Uzbekistan

Lack of law

Creation, acceptance, and management of waqf properties are carried out based on current civil legislation. In the current legislation, the concept of waqf does not exist and it is not. There are no legal guarantees of waqf properties. The lack of the regulatory framework as one of the greatest obstacles for expanding Waqf in Uzbekistan. Most legal problems exist because waqf is a religious concept that requires recognition and enforcement of the law. The religious concept of waqf based on old theories without serious reading, thus producing a legal framework which is also based on the interpretation of very long religious texts (Mohd Puad, Jamlus Rafdi, & Shahar, 2014).

Low level of knowledge and awareness

The issue and challenges of a low level of knowledge and awareness among Muslims about Waqf and its benefits and importance in society.

The World Bank Group et al. (2019) has confirmed that there is a limited scope of research in the field of waqf, staff training, and public awareness of the excellent waqf potential for the benefit of the community. In Uzbekistan by stating that responsible agencies were not paying much attention to this area. Other factors included competition, lack of specialists, lack of educational institutions, etc (Jakhongir Imamnazarov,2020).

Lack of funds

To develop assets and waqf assets, financial aspects play an essential opening. The lack of funds has led to many planned development projects. One of the main reasons is the absence of waqf property legislation and insufficient legal guarantees. The lack of economic support and tax benefits for Waqf properties reduces the interest of local and foreign individuals and legal entities in creating Waqf properties. The lack of development of the Sharia-compliant Islamic finance market in Uzbekistan reduces the possibility of using Waqf properties for effective business projects. As a result, the efficiency of waqf funds decreases.

4. WAQF REGULATIONS IN DIFFERENT COUNTRIES

In most of the countries the Awaqaf are governed at the federal level except for Malaysia and Nigeria, where they are administered at the state level. Following discussion is about laws and regulations that govern awaqf in those countries. As mentioned, except in Malaysia, these laws cover the entire country. Also, the regulations cover mainly the technicalities of waqf administration i.e. they cover issues regarding the assets of the waqf, matters related to trustees (Muttawalis) etc.

WAQF ADMINISTRATION IN MALAYSIA

In Malaysia all the religious matters including waqf fall under the preview of individual states' Sultan or the Yang di-Pertuan Agong's authority. The State Islamic Religious Councils (SIRCs) or "Majilis Ugama" are the institutions have been created in all states, by the respective legislative assemblies and for the federal territories by the parliament. Their main responsibility is to assist and advise the Ruler on matters relating to Islam and Malay custom in state.

Just before the Malaysian independence the British had started a process of 'centralization' in Malaysian waqf system which continued even after independence, A series of laws at state level were passed in fifties (Perak in 1951 and 1965; Selangor in 1952; Terengganu in 1955; Malacca in 1959; and Johor in 1978) that essentially centralized the waqf system at state level. The main clause in these laws made State Islamic Religious Councils (SIRCs) sole trustee of all waqf properties. (Cizakca 2000). According to Mahmood (2006) *"The term sole trustee of awqaaf asset' implies that SIRCs of each state have been legally appointed by their respective legislations to supervise all awqaaf assets and be responsible for their management and development. No other parties or*

bodies are entitled to hold trusteeship power." SIRCs were empowered to appoint individuals or a committee to act on its behalf to preform duties of trusteeship.

On August 8, 2004, Department of Wakaf, Zakat and Haji was created. The formation of department was not intended to replace SIRCs, the institution that govern Waqf, Zakat and Hajj affairs at state level. The stated objectives for the creation of the departments were to co-ordinate, facilitate and enhance the existing SITCs. (Mahmood 2006b)

WAQF ADMINISTRATION IN TURKEY

Waqf as an institution in Turkey has a long history, it flourished specially during ottoman empire. Both immovable and cash waqf contributed immensely to benefit of the society. After the collapse of Ottoman empire, the waqf laws went through some reforms.

According to Dursun(2019) *"Republican reforms abolished the Islamic waqfs and replaced them with "foundations", an institution adapted from the Swiss Civil Code as it was regarded practically more eligible to reshape the former system."* These reforms were part of the Turkish Republic's new civil code which was introduced in 1926.

But things changed in 1967, as Cizakca (2016) put it *"... as the country slowly democratized and an effective opposition emerged in the parliament, a reaction set in. Led by a powerful business tycoon, the late Vehbi Koç and a group of opposition MPs and academics, a new waqf law was promulgated in 1967. This law is considered to be the rebirth of the Turkish waqf system. Not only the property rights of waqfs were once again guaranteed, but also waqf-company links were strengthened. Now, a waqf could establish its own companies or a company could establish its own waqf."*

The Law No. 903 which was passed in 1967 did have an impact on Turkish waqf system, and the number of endowments increased considerably. From 1923 to 1967, in the span of 44 years, there were only 73 new waqfs that were established whereas from 1967 to 1985, in the period of 18 years, 1,877 new waqfs were established. From 1986 to 1996 more than one hundred waqfs were established annually with the trend rising until it reached 439 new waqfs in 1996. By the end of 2013, the total number of new waqfs reached 4,774 (Cizakca 2020). In 2008 a new waqf law was promogulated, whose main feature was the introduction of 'Council of waqf'. The council was made up of 15 members had broad powers including the appointment of trustees. These appointments are now subject of council approval. Appointed trustees can now be removed on the recommendation of the council with a verdict from local court. (Cizakca 2020).

WAQF ADMINISTRATION IN INDONESIA

In Indonesia waqf regulations are covered under Law No. 41 of 2004 and Government Regulation No. 42 of 2006. This law had mandated to setup a waqf board to promote and develop waqf land in Indonesia. In 2007 President of Indonesia signed a decree on the formation of Indonesian waqf board (BWI). (Hasanah 2014). According to Sunandar (2020) *"The Law No. 41/2004 concerning waqf, it explains about waqf: the general provisions, basic of waqf, registration and announcement of waqf property, registration, and*

announcement of waqf property, change in status of waqf property, management, and development of waqf property, Indonesian Waqf Agency, settlement disputes, guidance and supervision, criminal provisions and administrative sanctions, transitional provisions, and closing provisions. This waqf law invalidates all previous legal provisions of the law.”

Simply put, Law No. 41 of 2004 regulates and oversees functioning of was in Indonesia, which is done at the national level.

WAQF ADMINISTRATION IN SINGAPORE

In Singapore, Waqfs are governed under ‘Administration of Muslim Law Act’ (AMLA) which was enacted in 1966. Its sections 58-66 and 73-75 cover regulations on waqf. Under AMLA, waqf is defined as “the permanent dedication by a Muslim of any movable or immovable property for any purpose recognized by the Muslim law as pious, religious or charitable”. Under AMLA, Majlis Ugama Islam Singapura (MUIS) is designated to “administer all Muslim endowments and funds vested in it under any written law or trust”. This provision of the act makes MUIS the only waqf authority in Singapore. It was given the authority to issue policy and to make decisions on waqf matters. It also has the power to appoint and replace mutawallis/trustees. It can also takeover abandoned waqf properties from the previous trustees or mutawallis. (Listiana and Alhabshi 2020).

Before the enactment of AMLA, the matters of waqf were administrated under “Muhammaedan and Hindu Endowments Ordinance” which was enacted on September 8, 1905. Subsequently on July 1, 1968 the Waqaf management authority was delegated to MUIS (Majlis Ugama Islamic Singapore). In order to perform its managerial duties on waqf matters, MUIS created a subsidiary called Wakaf Real Estate (Warees) Pte. Ltd., which is assigned the role of handling tenancy issues, maintenance, distribution payment to beneficiaries, etc. (Listiana and Alhabshi 2020). Prior to AMLA, not all waqf assets were registered with or monitored by MUIS. Based on the AMLA (Article 64), every Waqf in Singapore, whether made before or after July 1, 1968, had to be registered with the Assembly office. This registration is supposed to be dome by Mutawwali of the Waqf. Any Muttawali who failed to register the Waqf or gave incorrect information or did not allow inspection of waqf properties could be charged with a criminal offense with fines not exceeding \$5000 or imprisonment not exceeding 12 months or both. (Risa et al. 2019). Due to enactment of AMLA all Waqf assets are now registered with and supervised by MUIS. So, AMLA resulted in central administration of Waqfs in Singapore.

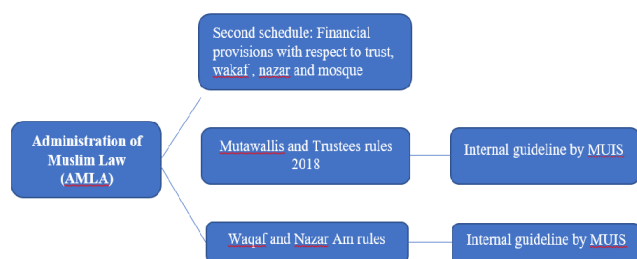

Figure 1. Regulatory framework Related to Waqf sector in Singapore

Sources: Singapore Government (2009).

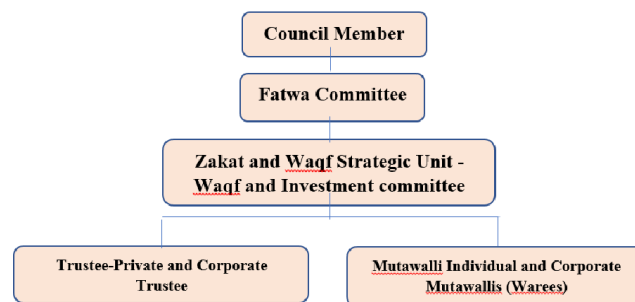

Figure 2. Waqf Administration structure of Singapore
Sources: Shamsiah Abdul Karim (2010).

WAQF ADMINISTRATION IN KUWAIT

Waqf history in Kuwait dates to 1695, but substantially development started in 1920's and 30's. 'Directorate of Awqaf' was established in 1921 and was given the responsibility of overseeing and developing waqfs in Kuwait. Subsequently, a 'Board of Awqaf' was constituted that included members of the public in the administration of waqf. (Ahmed et. al. 2014). On April 5th, 1951, a royal ordinance (Marsum Amiri) was issued for waqf administration. The ordinance stipulated that awaqaf administration must be subject to ruling that are compliant to four Sunni madhabs and in those matters that are not covered by the Marsum Amiri, should be based on the Maliki School of jurisprudence. Later in year 1962, the Directorate of Awqaf was transformed into a full-fledged ministry and was named 'The Ministry of Awqaf' and in 1965 this ministry was given additional responsibilities of Islamic affairs, hence its name was changed to 'Ministry of Awqaf and Islamic Affairs'. Also, the waqf administration was now done by two subdivisions namely, division for waqf administrative affairs and division of waqf resources management. (Ahmed et. al. 2014). In November 1993, by virtue of a royal decree (no. 257) an institution named 'Kuwait Awqaf Public Foundation (KAPF)' was established. It was legislated all the waqf affairs to be transferred from the Ministry of Waqf and Islamic Affairs to the KAPF with reasonable autonomous administration. (Major responsibilities of KAPF included managing waqfs funds and assets. It is also supposed to co-ordinate with the government and non-government bodies in establishing new waqf projects. In short KAPF is a centralized federal body that overseas waqf administration in Kuwait. (Kamarubahrin and Ayedh 2018).

WAQF ADMINISTRATION IN ZANZIBAR

Since 1905 the administration of waqf institutions in Zanzibar have been through different phases. In that year the British established the 'Commission of Waqf and Trust Property' and laid down policies to ensure their control over waqf properties. Since that time till 1963 they made the laws that gave them (the British), full control over he waqf commission, including the nomination of the commissioners, for the Sultan to rubber-stamp the appointment. (Suleiman and Hamad 2016). After the independence in 1964, the new government issued many presidential decrees. Despite government efforts, this period witnessed mismanagement of waqf assets. Government, also,

nationalized some waqf plantations and distributed them to people as three-acre plots. The Revolutionary Council Decree no. 5 of 1980 re-established Waqf and Trust Property Commission in Zanzibar. This decree was also aimed at dealing with issues of Islamic affairs, which were also centralized by the government, in addition to waqf related matters. (Suleiman and Hamad 2016). In 2007, Act No 2 was enacted which put the Waqf properties in Zanzibar under the supervision of the government-controlled and supervised institution called "Waqf and Trust Commission" (WTC).

WAQF ADMINISTRATION IN NIGERIA

According to Fa-Yusuf et al. (2021) Waqf institutions in Nigeria are still underdeveloped. This has been the case since the fall of the Sokoto caliphate in 1903 (Sunni Muslim caliphate who ruled the West Africa between 1802-1903) where Islam and the Waqf administration flourished. However, some states in the country have tried to revive the Waqf institution such as Zamfara State.

In Nigeria, the institution of Waqf is governed by trustees as compared to it being governed by the law which is in the case with other countries such as Malaysia (Chabbal, 2020). There is no existing Federal law that directly overlooks the management as well as administration of Waqf in Nigeria. The only provision made for Waqf in the Federal constitution is in highlighting that all issues pertaining to Waqf are to be handled under the Shariah law (Oseni, 2012).

One challenge, for Waqf administration in Nigeria is the following the Maliki madahab which allows for properties endowed as Waqf to be revoked by the endower at any time of their choosing (Abubakar, 2014). Other challenges faced by the institution of Waqf are a lack of adequate Waqf legislation, the existence of unregistered Waqf properties and lack of proper public awareness of the concept of Waqf (Ahmad, 2019).

WAQF ADMINISTRATION IN PAKISTAN

In Pakistan, prior to 1947 the regulation of public Awqaf was covered under 'Wakf Act 1923'. After the creation of Pakistan in 1947, the 'Punjab Muslim Auqaf Act 1951' was passed. The Act created a Board which had limited supervisory powers over awqaf. The main functions of the Board were registration of awqaf, conducting inquiries about the administration of awqaf, and appointment of mutawallis. (Abbasi 2019).

No substantial change in the regulation of awqaf took place until 1959-60, when the West Pakistan Waqf Properties Ordinance and the West Pakistan Waqf Properties Rules of 1960 were issued, with the aim to regulate the religious endowments under the state apparatus. The Ordinances enabled an Awqaf Administrator to take over the control of a waqf property. Later in 1976 the Government of Pakistan federalized all Provincial Awqaf Departments through the Awqaf Federal Control Act 1976. But this policy of centralization was short-lived, and the power was given back to the provinces in 1979 by the Awqaf Federal Repeal Ordinance 1979. (Abbasi 2019).

In 1979 four Waqf Ordinances were promulgated for the four provinces of Punjab, Sind, North West Frontier Province, and Baluchistan. The main function of the

Provincial Awqaf Departments was to take over the administration and control of the waqf properties in order to ensure better management of the properties, to improve the standard of religious services, to ensure that incomes are used for the original purposes and to enhance religious education. (Abbasi 2019).

WAQF ADMINISTRATION IN BANGLADESH

In Bangladesh after independence in 1971 the governance of Waqf was placed under "the Ministry of Education", and then in 1972 it was brought under "the Ministry of Land Reforms and Land Administration". Currently, Awqafs are governed under the Ministry of Religious Affairs. As the principal trustee for all registered Waqf estates in Bangladesh, the Ministry determines the policies to govern Waqf estates and gives directions to the proper administration of Waqf properties. (Islam 2018)

In 1988, under the Ministry of Religious Affairs a separate institution 'Office of the Administrator of Waqf (OAW)' popularly known as 'Waqf Bangladesh' was established. The rules and regulation for Waqf administration provide for a Waqf Committee, which consists of Administrator, Deputy and Assistant Administrators. Currently, there is one Administrator, two Deputy Administrators and six Assistant Administrators. The OAW, with its head office in the capital city of Dhaka, looks after all registered Waqf estates in all eight divisions of Bangladesh, while the day-to-day operation is conducted by the respective Mutawalli committee through its 38 regional offices around the country. The Mutawalli is appointed orally or under a deed by which a Waqf is created. The Waqf himself may become the Mutawalli or he may lay down, in the Waqf instrument, the manner as to the succession of Mutawalli. (Islam 2018).

The Waqf administration, in Bangladesh, is highly centralized as the divisional and regional offices have no power to make decisions. According to section 47 of "the Waqf Ordinance of 1962", all Waqf properties whether existing or created after the commencement of the Ordinance, are to be registered with the OAW by the Waqif, Mutawalli, or the Waqf committee. (Islam 2018).

5. PROPOSED REGULATORY FRAMEWORK FOR WAQF ADMINISTRATION IN UZBEKISTAN

Right now, currently there is no regulatory framework in place for Waqf Administration in Uzbekistan. It is proposed that Uzbekistan should use Draft framework published by Islamic Research and Training Institute (IRTI) of the Islamic Development bank in association with Kuwait Awqaf Public Foundation (KAPF) which was released in March 2012.

The framework law is a model waqf law that is to be adopted by countries in accordance with their respective legal systems and constitutions. In essence, the model law provides a harmonisation of rulings on various aspects of waqf that are available among the Islamic schools or jurisprudence as enunciated by adherent classical and modern Muslim jurists.

Following are main features of the proposed regulatory framework:

5.1 OVERVIEW OF THE PROPOSED WAQF FRAMEWORK LAW

The legislation specifies the definition of waqf and its different forms, as well as the creation and circumstances of waqf, along with its applicable norms, efficacy, and validity.

Preamble to the Proposed Waqf Framework Law

The preamble is the section of a law that explains the purpose and goal of enacting legislation.

The framework law effectively repeals any laws that conflict with it.

The preamble specifies a minister (the main regulator of waqf) who will be in charge of waqf affairs under the framework. In any country, this is the minister in charge of waqf matters.

The preamble also states that the status of waqf managers and stakeholders must be adapted to their missions and must meet the framework's requirements within a year of implementation.

In this regard, the framework law provides a mechanism for its implementation to take effect six months after its publication date.

Other Substantive and Procedural Provisions of the Law

This section of the law explains the definition, nature, and types of Waqf. Waqf is defined as "sequestering property and determining how it is used" in article 1 of the first chapter of the law. To sequester means to remove, separate, or seize something from its owner's possession under legal process and dedicate the same or its usufruct to the public or the state. The framework law primarily provides for the three types of waqf:

Charitable waqf, which is waqf run as a charity institution. The charitable waqf is further divided into waqf designated for charity and public services and waqf designated for persons with special characteristics.

Private waqf, which is a waqf designated for specific persons at the initial stage and then as a charity institution, except for cases of temporary waqf mentioned in this law, which can be designated for persons both at the beginning and at the end.

Hybrid waqf, which is a waqf designated both as a charity institution and for specific persons.

Procedure for establishing a Waqf under the Model Law

Under Islamic law, a waqf can be established when a person declares their intention to establish a waqf by donating a specific property for that purpose in front of a local judge or qadi. Following this declaration, the judge must ensure that the property donated is owned by the person who donates the property and then record (or register) the value of the donated property. To some extent, the Framework Law on Waqf replicates this traditional practice.

Chapter IV details the procedure for establishing a waqf and confirming it in accordance with the law. This chapter's articles 16 to 21 detail the requirements and steps involved in the procedure. Article 16 makes it a legal requirement for anyone who wishes to dedicate property for waqf to write a "waqf act" for that purpose and have it authenticated by the competent authorities. The waqf act is a type of trust deed and, in essence,

serves the same purpose. The competent authority is responsible for transmitting a copy of the authenticated act to the institutions named in the implementing regulation provided in article III of the preamble.

Conditions and Consequences of Creating a Legal Waqf

Chapter II of the framework law stipulates that a waqf may be initiated by one or more natural persons, legal persons, or both together. This provision simply states that a single individual or group of individuals (natural and legal) can establish a waqf. Initiating a waqf is possible for both human beings and entities with separate legal entity. These individuals would opt to reserve a property as usufruct, and the earnings from the property would be designated for charitable purposes by a term. Similarly, corporations and other entities with their own legal body can initiate waqf. The framework specifies that a waqf takes effect upon the dedicator's verbal or written intention. And law specifies the requirements for the Validity and Applicability of Waqf.

Governance and Provisions Regarding Specific Aspects of Waqf under the Framework Law

Regarding the management of waqf property, the law assigns specific tasks to two categories of individuals and organizations. Article 24 stipulates that in the initial tier, which is the level of the waqf as an organization, there must be a custodian designated as a manager whose appointment must meet all of the standards specified in the rule. The manager may be one or more natural or legal persons who meet the regulatory requirements.

At the state level, which is the second tier of the waqf management system, article 30 stipulates that waqfs shall be supervised by a government institution that provides them with management facilities specific to waqf institutions, solves problems they face, offers them support, and ensures that they fulfil their mission properly. In accordance with the principles of the framework law and the regulation, the regulation shall establish the relationship between this institution and waqfs in order to preserve the latter's independence.

Waqfs signify the persistent accumulation of capital for the public good. Even non-perpetual waqfs, such as extinct family waqfs, serve the public interest. Although waqf are viewed as an economic vehicle for social finance, their earnings are exempt from taxation under the law because they serve recognized public purposes. In accordance with the law, certain types of waqfs institutions, like all charity organizations, are granted tax incentives. Consequently, according to article 62 (Chapter IX), all assets and funds designated as charitable waqfs, as well as quotas reserved for charity work in hybrid waqfs, are exempt from all taxes and fees regarding publication in official gazette, as well as all legal fees at all levels within any jurisdiction (Abdel Mohsin, Aishath Muneeza, 2020).

5.2 GENERAL WAQF MANAGEMENT REGULATORY

Waqf regulations might vary greatly between nations and jurisdictions, however the waqf core principles (legal foundation, waqf supervision, good waqf

governance, risk management, shariah governance) provide a general foundation for waqf management. In the event that legal action is taken, local laws will control the resolution of any disputes.

The regulator's primary responsibility is to oversee waqf management, which includes making sure that Shariah requirements are met and that finances are handled openly and effectively. Building a solid support system is therefore necessary. Some examples include enhancing the role of the Sharia Supervisory Board, standardizing the waqf accounting and financial reporting system, evaluating the performance of waqf management, setting up a system to track operational efficiency, the economic and social effects on beneficiaries (Mauquf alaih), and working with financial institutions and Islamic microfinance.

A supervisory body's organizational design enables efficient oversight of the corporate headquarters and its operational units. The supervisory procedure places a strong emphasis on the proactive approach to reduce fraudulent behaviors.

Waqf management can be done in one of two ways: centralized or decentralized. Some nations, including Kuwait, Qatar, and several other MENA nations, have implemented the centralized model, while others have implemented the decentralized model, or both models simultaneously, as in Indonesia's case. The institutional and regulatory framework for waqf management and supervision is presented here.

In accordance with the local laws, each nation also has its own set of waqf regulations and supervision requirements. Typically, these laws follow each nation's official foreign policy. The waqf regulations may consider situations when existing waqf laws are silent regarding specific areas of waqf control and supervision such as temporary waqf and cash waqf (WCP, Indonesia, 2018).

5.3 IMPORTANCE CASH WAQF IN UZBEKISTAN

In Uzbekistan, the cash waqf model has some practical experience, and further development and improvement of this model will be easier and faster to implement than other waqf properties. It is also a model that does not require much legal basis. Therefore, effective use of the cash waqf model will be appropriate until the legal basis for waqf is created.

Cash waqf has always been the first choice to finance any waqf project, including productive waqf, since waqf project naturally will be built by collecting waqf, including cash waqf as the most flexible type of waqf to finance various needs (Ismail Abdel Mohsin, 2013).

Due to ongoing land reforms and new developments in urban planning, the management of vacant land remains a somewhat complicated process. In time, these processes will find their solution. Together with increasing property prices, donating land or properties is not financially viable for most of the Muslim community members. This has led Waqf Fund Management to introduce cash Waqf as an option for Waqf creation in Uzbekistan.

Cash waqf is an important program for social benefit and poverty alleviation. To meet the criteria of a waqf

having perpetual value and to truly create a sustainably everlasting program, cash waqf must be productive. (Tutuko et al., 2017). Cash from Wakaf contributions and liquidated assets are pooled together to form a corpus (principal amount) and invested in shariah-compliant instruments. The net income from the investments is then channeled towards nominated beneficiaries and other shariah-compliant purposes. For example, widely implementing education-cash waqf model, cooperative and corporate cash waqf models in Uzbekistan will be very effective. The organizational structure of Cooperative and Corporate cash waqf models are depicted in the diagram respectively below.

a) Cooperative Cash-Waqf Model (Figure 3) has been practiced in Uzbekistan. It is a decentralized waqf system established by the private sector in 1992 with the objective of providing for the basic needs of every district. Every district manages its own cash-waqf funds (Abdel Mohsin, 2009). During the studies, it was not possible to clarify the available information on this practice, but, given the acceleration of religious reforms in the early 90s, it can be understood that this practice was used in some areas.

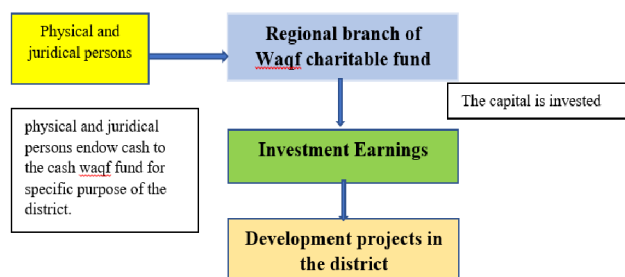

Figure 3. Cooperative Cash-Waqf Model. Sources: Abdel Mohsin (2009)- updated and adapted to the Uzbekistan waqf system by author.

b) Corporate Cash waqf model (Figure 4) is more practiced in three countries with three different names: in Malaysia, known as Waqf An-Nur Corporation Bhd (1998), in Turkey, known as Sabanci Vakfi (1974), and in India, known as Hamdard Foundation (1906). The founders/donors under this model are not only individuals but also corporations, institutions, and organizations (Abdel Mohsin, 2014).

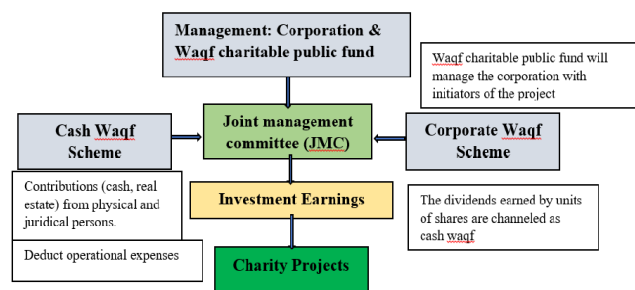

Figure 4. Corporate Waqf Model. Sources: Abdel Mohsin (2014)- updated and adapted to the Uzbekistan waqf system by author.

6. RECOMMENDATION

Uzbekistan needs to establish a proper legal environment to enable development of Islamic social

finance in the country, especially regarding to Waqf regulation. Therefore, following suggestions shall be launched to develop Waqf in Uzbekistan: The most essential element for the growth of waqf in Uzbekistan is a legal framework, which currently does not exist. To formally recognise Waqf property in the legal system, it is necessary to implement a separate legislative act to be enacted.

Implement international best practises and adhere to the most recent global regulatory requirements. Adopting prudential rules and guidelines established by international standard-setting groups such as AAOIFI, IFSB, and IIFM is one approach. The AAOIFI requirements must be assessed and adopted considering the local legal and regulatory context.

Conducting on-the-job training in the field of Waqf Management by inviting industry professionals and sending applicants overseas for an internship to understand other nations' practises.

Furthermore, the following recommendations can be given to develop Uzbekistan's Waqf Foundation based on the waqf practises of the above-mentioned countries:

- To develop legislation on Waqfs, it is necessary to create a Working Group (WG) consisting of local and foreign representatives.

First, it is important to determine the specific tasks and goals of the Working Group.

Some primary duties of WG:

The study of advanced foreign (Malaysian, Singapore, Kuwait) experience in the practice of waqfs and legislation and implementation of research results on waqf legislation.

An inventory of existing legal documents that may be directly related to waqf legislation is conducted.

Integration of the Waqf concept and other related terms into current legislation.

- Develop rules and procedures for the formation of independent or autonomous waqf institutions. These independent waqf institutions shall be permitted to engage in financial activities such as financing, investing, and mobilising waqf assets (both movable and immovable) while ensuring the transparency of all waqf-related activities.

- To educate the people about the benefits they could gain in this life and the next through donating they assets to the Waqf. The coverage of the population segment should not be limited to persons with high incomes; rather, middle-income demographic segments should also be considered.

- Offer a reduction in the individual's income tax liability, in the form of allowances, to those individuals who actively and generously contribute to the waqf, in accordance with the amount they are able to give.

- As part of their commitment to social responsibility, businesses should increase their level of participation in waqf by increasing the amount of money they provide to the organization's endowment (CSR).

- To support small and medium-sized businesses and attract the poor to entrepreneurship, it is necessary to develop the implementation of the Cash Waqf Model.

7. CONCLUSION

Forming a new framework for the waqf law system in Uzbekistan is an Islamic management innovation that could bring tremendous benefits to the waqf institution in Uzbekistan. The novelty of this study lies in the proposed framework for properly regulating and managing waqf property that follows Islamic law and the Uzbekistan legal system in their application. Therefore, implementing the new waqf law could improve the development of waqf properties in Uzbekistan. Finally, and more importantly, the new framework can be a vehicle for encouraging more philanthropic and charitable activities within Muslim society and encouraging the private sector and investors to develop waqf properties.

A critical review of legal and regulatory Waqf framework in Uzbekistan
Tursunov I.M.
INCEIF University

Waqf has been playing an important role in the fair regulation of socio-economic relations in the Islamic world for several hundred years. Waqf ensures the equitable distribution of wealth among people and the creation of value-added assets and services. Till Soviet colonization Waqf has played an important role in the social and economic life of Central Asian countries, especially in Uzbekistan (Turkistan) but during the colonization waqf totally disappeared. This practical paper discusses the current state of waqf in modern Uzbekistan, the existing legal framework, and the shortcomings in the legislation that are an obstacle to the development of the waqf. Additionally, paper will discuss the current practices of Uzbekistan Waqf Fund and challenges.

Keywords: Uzbekistan, Waqf, Waqf Fund, legal framework, legislation

References

1. Ahmad, Mahadi; Rashid, Syed Khalid; Uzaima, Ibrahim; and Oseni, Umar, (2014), "The Legal and Regulatory Framework for Zakah and Waqf Administration in Kuwait: Lessons for Nigerian Zakah and Waqf Institutions", International Journal of Business, Economics and Law, Vol. 7, Issue 4, August 2015.
2. Magda Ismail, Aishath Muneeza (2020). The Institution of Waqf: An Innovative financial tool for socio-economic development. Pearson Malaysia Sdn.Bhd.
3. Cizakca, Murat (2016), "From Destruction to Restoration? – Islamic Waqfs in Malaysia and Turkey", paper presented at the Waqf Workshop sponsored by George Town University, Doha, Qatar, Dec 4th, 2016.
4. Magda Ismail A. Mohsin (2009). Cash Waqf: A New Financial Product, Pearson Malaysia Sdn. Bhd.
5. Magda Abdel Mohsin, "Modern Application of Cash Waqf" paper presented at INCEIF-Kuala Lumpur/Malaysia as an internal seminar on January 22, 2008, p. 15. See also Selangor Islamic Council's Annual Report at: http://www.mais.gov.my/majlis/index.php?option=com_booklibrary&task=showCategory&catid=48&Itemid=75. Accessed in October 2007 and re-visited in May 2011.
6. Cizakca, Murat (2020) "History of Awaqaf in the Ottoman Empire and the Turkish Republic", Islamic Economics and Finance Pedia, Available at: <http://www.iefpedia.com/english/wp-content/uploads/2020/07/Waqfs-in-the-Ottoman-Empire-and-the-Turkish-Republic.pdf>
7. Dursun, Sanem Aksoy (2019), "The Question of Waqf in Turkey from its Ottoman Past to the Present", ILIRIA International Review – Vol 9, No 2 (2019), pp. 181 – 207
8. Magda Ismail A. Mohsin (2014). Corporate Waqf from principle of practice: a new innovation for Islamic Finance, Pearson Malaysia Sdn. Bhd.
9. Hasanah, uswantun (2014), "The Role of Indonesian Waqf Board in Promoting and Developing Waqf in Indonesia", Indonesian Management and Accounting Research, Vol. 13, No. 2, July 2014, pp. 1-27
10. Kamarubahrin, Aimi Fadzirul and Ayedh, Abdullah Mohammed Ahmed (2018), "Critical Review on Waqf Experiences: Lessons from Muslim and Non-Muslim Countries", IQTISHADIA Vol. 11 (2) 2018
11. Suleiman, M. and Hamad, A. (2016), "Management of Waqf Properties in Zanzibar: Current Situation and the Way Forward", European Journal of Business and Management, Vol.8, No.33, 2016
12. Sunandar, Heri, Suhayib, Alpino Susanto, Said Maskur (2020), "The Political Dynamic of Waqf Law in Indonesia", Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology 17(7) (2020).
13. Mohammad Abdullah. 2018. Waqf, Sustainable Development Goals (SDGs) and Maqasid alShariah. International Journal of Social Economics. Vol.45, No.1 (pp.158-172)
14. Mutiara Dwi Sari, Ad. Aziz Yusof and Ahmad Shaifull Anuar Ahmad Shukor. 2016. Pembangunan Wakaf Pendidikan di University College Bestari Terengganu. Malaysian Journal of Social Sciences and Humanities (MJSSH). Vol.1, No.4 (pp. 1-17).
15. Çizakça, M. (2000). A History of Philanthropic Foundations: The Islamic World from the Seventh Century to the Present. Istanbul: Bogazici University Press.

16. Kahf, M. (2015, February 3). Waqf: A Quick Overview. Retrieved from kahf.net: http://monzer.kahf.com/papers/english/WAQF_A_QUICK_OVERVIEW.pdf
17. Jakhongir Imamnazarov, (2020) Analytical paper "Landscaping analysis of Islamic finance instruments in Uzbekistan".
18. ADB. (2018) Financial Inclusion, Regulation, and Literacy in Uzbekistan <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/441226/adbi-wp858.pdf>
19. Shamsiah Bte Abdul Karim (2010), Contemporary Shari'a Compliance Structuring for the Development and Management of Waqf Assets in Singapore. Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies, 3-2 (March 2010), pp. 143–164.
20. Abbasi, Z., (2019), "Waqf in Pakistan: Rebirth of a Traditional Institution", Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3327092> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3327092>
21. Abubakar, A. M. (2014). Towards an effective investment in waqf properties in Nigeria. In proceeding of the International Conference on Masjid, Zakat & Waqf (IMAF 2014). Kuala Lumpur, Malaysia.
22. Ahmad, M. (2019). An empirical study of the challenges facing Zakat and Waqf institutions in Northern Nigeria. ISRA International Journal of Islamic Finance, 11(2), 338-356
23. Chabbal, A. Y. (2020). WAQF and entrepreneurship: an ignored mechanism for modern economic development in Nigeria. Journal of African Sustainable Development, 20(2), 2218-8777.
24. Fa-Yusufa, H., Busarib, S. and Shuaibu, B. (2021), "Waqf Effectiveness in Nigeria: Problems and Solutions", Journal of Islamic Finance Vol. 10 No. 2 (2021) 79-89
25. Islam, M. (2018), "*Historical Development of Waqf Governance in Bangladesh: Challenges and Prospects*", Intellectual Discourse, Special Issue (2018) 1129–1165
26. <https://www.iwaqf.net/types-of-waqf-example-question/#:~:text=This%20can%20be%20categorised%20as,Corporate%20Waqf>
27. <https://www.bwi.go.id/wp-content/uploads/2019/10/102018-Core-Pinciples-for-Effective-Waqf-Operation-and-Supervision.pdf>.
28. <https://lex.uz/docs/3686277> Uzbekistan legal website
29. <https://vaqf.uz/uz/lists/category/29>

Вопросы в конструкции допроса свидетеля по УПК РСФСР 1923 года

Зашляпин Леонид Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, leonid-zash@yandex.ru

Феоненко Надежда Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, nadia.feonenko@gmail.com

В статье рассматривается модель правоотношений в допросе свидетеля в предварительном расследовании. В качестве основного содержания допроса соавторами понимаются вопросы, образующие правомочие (полномочие) следователя, которые корреспондируются с ответами свидетеля, составляющими его юридическую обязанность.

Объектной областью исследования в статье являются правоотношения, возникающие на основании норм Уголовно-процессуального закона РСФСР 1923 г. Основными методами, использованными при подготовке статьи, является системный подход, а так же взаимное нормативное масштабирование (нормативное подобие, которое должно проявляться в системе уголовно-процессуального закона) отдельных норм о вопросах в допросе и самого уголовно-процессуального закона. Нормативная база статьи ограничена положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. В качестве теоретической базы статьи использованы комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1923 г., дающие наиболее близкое к воле законодателя буквальное толкование, и научные работы авторитетных ученых, так же выполненных в период действия анализируемого закона.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, правоотношение, следователь, свидетель, допрос, вопрос, тактика

Рассмотрение вопросов как элементов допроса свидетеля в качестве объектной области видится достаточно редким явлением. Общепринятым является дискретный анализ процессуального статуса свидетеля, допроса свидетеля как процессуального действия, показаний свидетеля как процессуального результата (доказательства). Такой подход связан с субъективным выделением учеными определенного уровня изучаемого явления. Так, например, Б. А. Ревнов, рассматривая статус свидетеля, упоминает о его обязанности ответить на адресованные ему вопросы [8, с. 162, 165]. Эта позиция весьма рациональна, данный автор, обращаясь к процессуальному статусу, выделяет его ядро — юридическую обязанность свидетеля. Другой автор, — З. А. Балтыкова в качестве научной рекомендации допускает вопрос несовершеннолетним свидетелям «Правда ли, что ты очень любишь играть в футбол?» несмотря на то, что в нем присутствует наводящее и не относимое к предмету доказывания содержание [2, с. 60]. И в этом случае, вряд ли можно усматривать повод для критики потому, что исследователь свое внимание направляет на процедуру допроса малолетнего свидетеля.

Указанное позволяет констатировать различные подходы к регулированию допросов (вопросов в допросах) даже в тех сегментах, в которых это регулирование должно быть единообразным и формулирует проблему отыскания нормативного инварианта допроса свидетеля, который задает общую топологическую составляющую самого распространенного в юрисдикционной практике процессуального действия. Этим инвариантом мы видим вопросы как элемент допроса, которые, в свою очередь, являются проявлением правовой культуры (ее лингвистической, формульно-логической, коммуникативной составляющей). В таком аспекте вопрос — не просто элемент процессуальной процедуры, но социальное и историческое явление, которое в разные времена отечественной юриспруденции приобретает различное содержание. Это влечет наш интерес к правилам использования вопросов в допросах свидетеля по Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1923 г. (далее — УПК). Создавая основу регулирования допросов в советском уголовно-процессуальном праве, данный нормативный акт консервативно может транслировать свои базовые идеи в действующий уголовно-процессуальный закон, предопределяя его эклектичность и связанную с этим высокую степень нестабильности.

Методика представляемого исследования базируется на системном подходе, состоящем в использовании правомочий следователя на вопросы, их связь с юридической обязанностью свидетеля дать ответы на вопросы следователя, совокупность которых образует объект правоотношений — показания

свидетеля, в качестве эталонной конструкции для анализа всего закона. При этом в периоде действия УПК нами выделяются фрагменты начала действия закона [перехода от идей Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. (далее — УСС) к рассматриваемому закону] и окончания его действия (перехода к Уголовно-процессуальному кодексу 1960 г.). Соответственно этому в статье будут приведены в качестве аргументов интерпретации закона, представляющие из себя наиболее близкое к воле законодателя буквальное толкование, из комментариев УПК в сочетании с критерием нормативного подобия разномасштабных юридических конструкций (вопросов в допросе — всего закона).

Процессуальная форма анализируемого закона не содержит правомочия следователя на вопросы. Полномочия следователя в силу этого представлялись исключительно широко. Содержание норм УПК, из которых можно было выделять интересное нас правомочие, сводилось к следующим правилам.

1. Согласно диспозиции нормы ст. 112 УПК, следователь имел возможность самостоятельно определять процессуальное направление расследования. Эта самостоятельность была близка его произвольному усмотрению, которое ограничивалось процессуальной целью — достижением состояния полноты и всесторонности расследования. Процессуальная задача, реализуемая в допросе, должна была соответствовать этой цели, а предметное содержание вопросов так же должно было быть гармоничным этой процессуальной цели.

2. Прежде вопросов следователь предлагал свидетелю рассказать об обстоятельствах, интересующих следователя. Вопросы, являясь средством получения ответов, фактически выступали факультативным инструментом для получения показаний (ст. 165 УПК). Сам рассказ законом не регулировался.

3. Предмет допроса, а соответственно и вопросов в допросе, сводился к тем фактам, которые должен был установить следователь при производстве по уголовному делу, на современном отраслевой языке — предмету доказывания (составу преступления) и фактам, характеризующим личность обвиняемого (ст. 166 УПК). Предполагается, что промежуточные факты не могли образовывать предмет вопросов следователя, а вопросы, выходящие за установленные законом пределы, должны были считаться недопустимыми.

Приведенные положения в своей совокупности позволяют фиксировать лишь частичное регулирование в законе использования следователем вопросов в допросе свидетеля, предполагая реализацию в неурегулированной части процессуальной свободы следователя.

Обязанность свидетеля отвечать на вопросы представлялась следующими правилами.

А. Лицо, вызванное в качестве свидетеля, в явной форме было обязано дать ответы на вопросы, поставленные следователем (ст. 60 УПК). Эта явная форма не толковалась из диспозиции правила об обязанности дать показания, а прямо указывала на

обязанность свидетеля ответить на вопросы. Подобного правила в современном законе нет. Процессуальные иммунитеты предусматривались лишь для защитника, этим расширяя субъектный состав, который мог рассматриваться обязанным отвечать на вопросы следователя.

Б. Объем юридической обязанности свидетеля предполагался соответствующим фактам, подлежащим установлению в уголовном деле (ст. 166 УПК). Однако в разъяснении Верховного Суда РСФСР от 1 июня 1925 г. субъектам правоприменения предлагалось ориентироваться на более узкое понимание. Комментируя отказ свидетеля в одном из уголовных дел отвечать на вопросы о судимости самого свидетеля, высшая судебная инстанция указала, что свидетель может не отвечать на вопросы в тех случаях, когда это касается репутации свидетеля, а не предмета допроса, по которому он вызван [12, с. 105]. В этом можно усмотреть идеологический след УУС, еще присутствовавший в правопонимании того периода.

В. Законодатель непосредственно в законе предусматривал процессуальный механизм привлечения свидетеля к ответственности (составление протокола об отказе дачи показаний и направление его в ближайший суд к месту производства допроса). Отказ от дачи показаний можно было толковать как некоторую совокупность вопросов (например, три вопроса следователя), на которую не был дан ответ свидетелем, что и влекло начало применения санкции за неисполнение обязанности.

Интерпретации соответствующих положений в комментариях УПК представлялись следующими позициями.

Первые интерпретаторы УПК не обращались к выявлению правомочия следователя на вопросы. Так, например, П. И. Люблинский, комментируя положения ст. 112 УПК (нормы о полномочиях следователя), раскрывал лишь содержание идеи советского законодателя о полноте и всесторонности производимого расследования [5, с. 101].

Если полноту, следуя позиции данного автора, понимать как процессуальное исследование всех тех обстоятельств, которые имеют значение для расследуемого дела, то она предполагала правомочие следователя на вопросы свидетелю, касающиеся состава преступления и личности обвиняемого. Вероятно, такой объем права на вопросы ограничивал реального следователя в познании преступного события. Даже современная доктрина предусматривает положение о том, что субъект публичной власти (а следователь таковым является) не может мыслиться ограниченным в некоторой свободе и самостоятельности своей процессуальной деятельности [6, с. 258–259]. В этой случае полнота должна была рассматриваться в качестве принципа построения закона, регулирующего деятельность следователя в части формулирования и использования им вопросов свидетелю.

Всесторонность же, что следует из позиции П. И. Люблинского, должна была влечь такое содержание и форму вопросов, которые присущи как стороне обвинения, так и стороне защиты. Фактором вопросов

в этом случае виделась внутренняя противоположность процессуальной задачи.

Отчасти противореча самому себе, П. И. Люблинский, разъясняя практикам положения ст. 166 УПК, указывал на невозможность для следователя во всех случаях точно установить предмет доказывания (обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела), что должно было допускать, по его мнению, выход вопросов за границу их относимости и предложение свидетелю таких вопросов, содержание которых носит общий характер, то есть не имеющий очевидной связи с предметом доказывания [6, с. 142].

Взгляды теоретиков уголовного процесса на юридическую обязанность свидетеля в начале XX в. представлялись следующими точками зрения.

Представители науки в первую очередь, что отличает современное регулирование от анализируемого, обосновывали рациональность рассказа свидетеля как этапа, предшествующему этапу постановки вопросов. Аргументом за такую позицию было то, что «тот, кто спрашивает, наперед не знает, относительно каких обстоятельств свидетель имеет сведения (курсив наш. — Л. З.)» [1, с. 164]. При этом закон вменял в обязанность свидетелю дачу ответов на вопросы следователя, что соответствующе представлялось в комментариях [5, с. 60]. По этой причине приведенная выше позиция о рассказе свидетеля не могла вменяться в его обязанность, в чем надо поддержать современного законодателя, исключившего этот элемент из следственных допросов. Если следователь в каких-то ситуациях не знает о чем спрашивать, то и свидетель не всегда и не во всех случаях может предполагать ожидаемое от него содержание рассказа. Допрос — форма уголовно-процессуальной активности следователя. Если следователь проявляет пассивность (не задает вопросы), то и свидетель в этом случае может быть пассивным без возложения на него ответственности за отказ от дачи показаний.

Подтверждая сформулированное нами суждение, ученые того времени связывали содержание юридической обязанности свидетеля с ответами на вопросы. Подобный подход мы усматриваем, например, в позиции М. С. Строговича и Д. А. Карницкого, писавших о том, что предложение следователем не относимых вопросов не влечет юридической обязанности свидетеля отвечать на них [12, с. 189]. Отмечалось так же, что в ряде случаев свидетель просто не способен к связному рассказу и это требует от следователя постановку прямых вопросов [3, с. 138].

Из приведенного следует, что конструкция УПК в его начальный период действия не влекла возникновения гармоничных уголовно-процессуальных отношений. Правомочие следователя на вопросы не имело ясной формулировки, обязанность свидетеля давать показания, начинающиеся с рассказа, равно оказывалась не ясной, как и объект правоотношений. При наличии ответственности за отказ от дачи показаний, таковая могла применяться в случае отказа от дачи ответов, но не отказа от свободного рассказа свидетеля.

Завершающий период действия УПК проявил стабильность рассмотренных выше норм. Правила ст. 112 о полномочиях следователя, ст. 60 о юридической обязанности свидетеля дать показания (ответить на вопросы следователя), ст. 165 о содержании допроса свидетеля (вопросах как элементе допроса), ст. 166 УПК о предмете допроса свидетеля (предмете вопросов свидетелю) остались неизменными до конца действия рассматриваемого уголовно-процессуального закона. Это указывает на то, что модель правоотношений формулирования и использования вопросов в следственном допросе свидетеля изначально имела ту форму, которая соответствовала идее и воле советского законодателя.

При этом в теории уголовного процесса рассматриваемые проблемы за десятилетия действия УПК получили соответствующее развитие.

Прежде всего, необходимо отметить то, что в ходе реформы 1928 г. следователи изменили свою ведомственную подчиненность. Из судебной системы, что было рудиментом нормативной идеи УУС, следователи были переведены в структуру прокуратуры. Это имеет не только символический характер. В результате такой реформы следователи получили большее обвинительное качество. Присущая двусторонность процессуальной задачи следователя в использовании вопросов с очевидностью должна была влечь перевес в пользу вопросов, присущих стороне обвинения (односторонность). При этом следователи одновременно рассматривались идеологическими, политическими субъектами. В. А. Стрёмовский в 1958 г., описывая в своей монографии советского следователя, совершенно не касался его процессуальных полномочий, но уделял исключительное внимание политическим и идеологическим качествам следователя [10, с. 105–111].

Такой подход, вероятно, является адекватным нормативным правилам УПК о полномочиях следователя. Определение этих полномочий как процессуальных направлений, не имеющих конкретизации в правомочиях на вопросы в следственных допросах, указывало на гармоничность этого элемента содержания правоотношений, связанных со следственным типом уголовного процесса, усиленного этактистским акцентом на коммунистическую идеологию и политику. Правомочие следователя составить протокол за отказ от дачи показаний и направить его для рассмотрения в ближайший суд, подчеркивало абсолютно доминирующую роль властного участника правоотношений и такую же подчиненность свидетеля следователю (как невластного участника правоотношений). Примечательно, что в анализируемом законе следователь находился под позитивным обязыванием не принуждать обвиняемого к показаниям, а вот относительно свидетеля такой нормы предусмотрено не было. В юридической литературе того времени допускалась соответствующая аналогия и для следственного допроса свидетеля, что было возможным способом толкования анализируемого закона, однако, отсутствие прямой нормы, устанавливающей конкретный объем

полномочий следователя в допросе, не исключало и возможность толкований следователем правоприменительных ситуаций в свою пользу. Неограниченность полномочий следователя относительно форм, содержания, количества вопросов свидетелю, могло влечь расширение объекта правоотношений — содержания возможных показаний и предмета допроса (предмета задаваемых следователем вопросов).

Юридическая обязанность свидетеля, наоборот, рассматривалась советскими учеными как имеющая высокую степень конкретизации. В работах, изученных нами, все ученые процессуалисты подчеркивали не просто обязанность свидетеля дать показания, а обязанность свидетеля ответить на вопросы следователя [7, с. 47; 11, с. 219]. Соответственно юридическим фактом, подтверждающим неисполнение обязанности и влекущим начало действия механизма привлечения свидетеля к ответственности, являлся отказ свидетеля отвечать на вопросы следователя.

Приведенная характеристика юридической обязанности равно образовывала рациональную процессуальную форму для следственного (инквизиционного) типа уголовного процесса. Более того, в литературе отмечалось публичное содержание процессуальной деятельности свидетеля в момент дачи показаний [7, с. 48]. Свидетель был обязан отвечать на вопросы ради стратегических интересов государства, реализуемой этим государством идеологии и политики.

Мы обратили внимание на то, что если в первый период действия закона ученые-процессуалисты, имеющие серьезные правокультурные связи с законодательством Российской Империи, сформировавшие свое правосознание в период действия УУС, исключали из предмета допроса (юридической обязанности свидетеля) вопросы, образующие свидетельский иммунитет, например, по причине родства или свойства [5, с. 61], то в последний период действия закона советские ученые единодушно подчеркивали отсутствие каких-либо иммунитетов (даже в случае врачебной или служебной тайны) у свидетеля [7, с. 51–54; 11, с. 219–220]. Советский человек, вовлекаемый в предварительное расследование в качестве свидетеля, оказывался полностью подвластным. Если на стороне следователя в процедурах формулирования и использования вопросов в допросе была диспозитивность регулирования его деятельности, то свидетель находился под давлением императивности регулирования. Такое положение базировалось на системности и сущности советского законодательства. Конституции РСФСР 1918 г. и 1925 г. нормативно допускали репрессии относительно отдельных групп граждан, революционную законность в правопонимании, а Конституции 1937 г. регулировала, прежде всего, право государства относительно граждан, но не права граждан относительно государства [4, с. 89, 110]. Это позволяло широко понимать предмет допроса свидетеля и, соответственно, предмет вопросов следователя

свидетелю. Фактически большой круг вопросов следователя мог выходить из-под регулирования закона.

Понимание объекта правоотношений, ради которого его участники образовывали соответствующие уголовно-процессуальные связи, сводилось к следующему.

Объектом правоотношений ученые-процессуалисты видели показания свидетеля. При этом, демонстрируя признак нормозависимости, научное сообщество выделяло в показаниях два элемента: свободный рассказ свидетеля и ответы свидетеля на вопросы следователя. Примечательно, что несмотря на выделение указанных двух элементов, в завершающий период действия закона доктрина активно формулировала позиции относительно вопросно-ответной части допроса свидетеля. Так, Р. Д. Рахунов в монографии «Свидетельские показания в советском уголовном процессе» описанию вопросов свидетелю уделял семь страниц, М. С. Строгович — три страницы в учебнике «Курс советского уголовного процесса» [7, с. 73–80; 11, с. 312–314]. Это подчеркивает актуальность нашего исследования. Всякий закон, в том числе построенный на основе следственного типа процесса, может проявлять свои базовые идеи в процедурах формулирования и использования вопросов в допросах, как и сами эти процедуры могут проявлять подобие сущности закона. И то, и другое — взаимно масштабируемые явления.

Показания свидетеля, понимаемые в двухэлементной конструкции, в советской науке последнего периода действия УПК сводились к предмету, ограничиваемому фактами, подлежащими установлению в предварительном расследовании, и описанию личностных качеств обвиняемого (ст. 166 УПК). Такая позиция возникла в начальный период действия УПК и сохранилась в завершающий период [7, с. 29]. Однако, поскольку нормативные правила ст. 166 УПК ограничивали процессуальную свободу следователя, в науке стали появляться идеи, расширяющие предмет допроса свидетеля (предмет вопросов следователя). Так, Р. Д. Рахунов указывал, что предметом допроса свидетеля может являться не только главный факт (то, с чем это связывает ст. 166 УПК), но и множество иных элементов, в том числе предметом свидетельских показаний может быть предъявление свидетелю лица или предмета для опознания, характеристика личности иного свидетеля [7, с. 29–30]. Реализация такого предмета допроса была возможна посредством использования соответствующих вопросов свидетелю, которые, однако, оказывались коллизионными правилам ст. 166 УПК. Фактически наука в этот момент стала опережать идеи законодателя, допуская иной, помимо указанного в ст. 166 УПК, предмет вопросов следователя свидетелю.

В итоге можно сформулировать следующий вывод.

Конструкция института вопросов в допросах свидетеля в предварительном следствии по УПК является знаком построения всего уголовно-процессу-

ального закона по следственному (инквизиционному) типу, а необходимое (в этом случае) включение в текст закона гарантий отсутствовало. Правомочие следователя на вопросы допускало произвольное понимание, а юридическая обязанность свидетеля была максимально конкретизированной.

Литература

1. Андреев М., Бахров Г. Лозинский С. Уголовный процесс РСФСР / под ред. А. Я. Эстрина. — Л., 1927. — 212 с.
2. Балтыкова З. А. Установление психологического контакта с малолетними свидетелями и потерпевшими в целях получения исчерпывающих и достоверных показаний в ходе допроса // Юридическая наука. — 2022. — № 4. — С. 59–62. — EDN ZBTVDI.
3. Громов В. Производство дознаний и предварительных следствий в вопросах и ответах: практическое пособие и комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу / под ред. Н. В. Крыленко. М., 1927. — 205 с.
4. Зашляпин Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности: прелиминарный аспект. — Екатеринбург, 2006. — 568 с.
5. Люблинский П. И., Полянский Н. Н. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: текст и постатейный комментарий. М., 1924. — 376 с.
6. Михайлов А. Е. Принципы права как теоретическая основа дискреционной деятельности публичной власти в России // Принципы права: проблемы теории и практики : в 2-х ч. — М., 2017. — Ч. 1. — С. 257–264. — EDN XNYNML.
7. Рахунов Р. Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. — М., 1955. — 164 с.
8. Ревнов Б. А. Отдельные особенности статуса свидетеля при производстве по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука. — 2016. — № 5. — С. 162–166. — EDN XINXRZ.
9. Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР (январь 1925–май 1926). М., 1927. — 220 с.
10. Стремовский В. А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе / Под ред. М. М. Гродзинского. — М., 1958. — 136 с.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1958. — 703 с.
12. Строгович М. С., Карницкий Д. А. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: текст и постатейный комментарий / под ред. Н. Я. Нехамкина. — М., 1928. — 536 с.

Questions in the design of the interrogation witness under the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923

Zashlyapin L. A., Feonenko N. S.

North-West Branch of the Russian State University of Justice

The article deals with the model of legal relations in the interrogation of a witness in a preliminary investigation. As the main content of the interrogation, the co-authors understand the questions that form the authority (authority) of the investigator, which correspond to the answers of the witness, which constitute his legal obligation.

The object area of research in the article is legal relations arising on the basis of the norms of the Criminal Procedure Law of the RSFSR of 1923. The main methods used in the preparation of the article are a systematic approach, as well as mutual normative scaling (normative similarity, which should manifest itself in the system of the criminal procedural law) of individual norms on issues in interrogation and the criminal procedure law itself. The normative basis of the article is limited by the provisions of the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923. As a theoretical basis of the article, comments to the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923 are used, giving the closest literal interpretation to the will of the legislator, and scientific works of authoritative scientists, also performed during the period of operation of the analyzed law.

Keywords: criminal process, preliminary investigation, legal relationship, investigator, witness, interrogation, question, tactics

References

1. Andreev M., Bakhrov G., Lozinsky S. Criminal process of the RSFSR / ed. A. Ya. Estrina. - L., 1927. - 212 p.
2. Baltykova Z. A. Establishing psychological contact with juvenile witnesses and victims in obtaining functions and identifying evidence during interrogation // Legal Science. - 2022. - No. 4. - S. 59–62. — EDN ZBTVDI.
3. Gromov V. Production of inquiries and preliminary investigations in sales and responses: a practical guide and commentary on the Code of Criminal Procedure / ed. N. V. Krylenko. M., 1927. - 205 p.
4. Zashlyapin L. A. Fundamentals of the theory of justified advocacy: a preliminary aspect. - Yekaterinburg, 2006. - 568 p.
5. Lyublinsky P.I., Polyansky N.N. Code of Criminal Procedure of the RSFSR: text and article-by-article commentary. M., 1924. - 376 p.
6. Mikhailov A. E. Principles of law as a theoretical basis for the discretionary activity of public authorities in Russia // Principles of law: problems of theory and practice: in 2 hours - M., 2017. - Part 1. - P. 257– 264. — EDN XNYNML.
7. Rakhunov R. D. Witness testimony in the Soviet criminal process. - M., 1955. - 164 p.
8. Revnov B. A. Separate features of the status of a witness in the production of a decision to eliminate offenses // Legal Science. - 2016. - No. 5. - S. 162–166. — EDN XINXRZ.
9. Collection of circulars and defenders of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR (January 1925–May 1926). M., 1927. - 220 p.
10. Stremovsky V. A. Preliminary investigation in the Soviet criminal process / Ed. M. M. Grodzinsky. - M., 1958. - 136 p.
11. Strogovich M. S. The course of the Soviet process. - M., 1958. - 703 p.
12. Strogovich M. S., Karnitsky D. A. Code of Criminal Procedure of the RSFSR: text and article-by-article commentary / ed. N. Ya. Nekhamkina. - M., 1928. - 536 p.

Применение искусственного интеллекта (нейронных сетей) в деятельности полиции

Безгачев Федор Владимирович

старший преподаватель кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, fedos82-82@mail.ru

В статье представлены перспективные направления внедрения нейронных сетей в работу полиции в России. Автор рассмотрены основные подходы к определению понятия «искусственный интеллект». Определена сущность работы нейронной сети. В рамках настоящего исследования рассмотрены такие направления применения нейронных сетей в деятельности правоохранителей, как работа с визуальным контентом (сканирование, распознавание, анализ) и прогнозирование (выдвижение версий). В заключении статьи автором выделены ключевые риски и барьеры внедрения нейросетей в работу полиции, в частности: неподготовленность законодательной базы, незнание вторжения в частную жизнь граждан при сборе данных нейросетью, необходимость оцифровки существующих документов, хранящихся в различных ведомственных структурах, формирование единой базы для обучения и работы нейронной сети.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, нейронная сеть, полиция, правоохранительная деятельность, цифровизация

Авторство термина «искусственный интеллект» принадлежит американскому исследователю Дж. Маккарти, который употребил его на конференции в Дартмуте в 1956 г. для обозначения мыслительного процесса, реализуемого компьютерной системой по образцу мышления человека [2, с. 24]. К сегодняшнему дню – спустя 7 десятилетий – человечеству действительно удалось воплотить идею об искусственном интеллекте.

Анализ существующих дефиниций категории «искусственный интеллект» демонстрирует широкое разнообразие подходов и отсутствие единства в понимании термина. К примеру, если исходить из того, что принципиальным отличием искусственного интеллекта от компьютера является мышление, то искусственный интеллект можно определить в качестве совокупности инструментария, применяемого при решении усложненных прикладных задач на основе так называемых когнитивных технологий – технологий, воспроизводящих процесс мышления и построения умозаключений. Многие авторы в качестве приоритетного параметра искусственного интеллекта называют способность к самообучению. О. А. Дворянкин, к примеру, определяет искусственный интеллект как программу, которая по мере накопления данных сама учится их систематизировать, распознавать и анализировать, «с каждым разом совершенствуясь и выполняя поставленную задачу все лучше» [2, с. 24].

С другой стороны, искусственный интеллект можно определить не в качестве результата (программного/программно-аппаратного решения), а в качестве свойства компьютерных систем нового поколения – свойства «выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека» [2, с. 24]. Схожий тезис выражают А. П. Суходолов и А. М. Бычкова, предлагая при этом использовать вместо термина «искусственный интеллект» термин «система искусственного интеллекта» (программная система, имитирующая процесс мышления) [Суходолов, с. 754]. Кроме того, искусственный интеллект может быть определен и с позиции теоретико-прикладных исследований – как «направление информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-непрограммисту ставить и решать <...> интеллектуальные задачи» [10, с. 754].

В современном научном и медийном массиве все чаще можно встретить отождествление термина «искусственный интеллект» с целым рядом смежных категорий – «Большие Данные» (Big Data), «машинное обучение», «глубинное обучение» и «нейронные сети». Безусловно, уравнивать эти термины не совсем корректно; можно сказать, что все

вышеперечисленное выступает различными режимами, формами воплощения искусственного интеллекта. Эти и другие категории оформились в единую сферу, именуемую искусственным интеллектом, и уже более 10 лет они создают совершенно новый контекст развития нашей цивилизации. Новая реальность, указывает А. Г. Карпика, уже проникла во все аспекты повседневной жизни человека, в деятельность социальных групп, компаний, организаций и органов государственной власти [5, с. 131]. Интеллектуальные технологии развиваются сегодня весьма активно; уже сегодня они помогают облегчить профессиональную деятельность различных специалистов, процессы управления частными компаниями и государственными ведомствами.

Одна из наиболее перспективных подотраслей сферы интеллектуальных технологий – разработка и имплементация нейронных сетей. Нейронная сеть представляет собой такую разновидность программы, которая способна обучаться на основе заданного информационного массива и за счет предыдущего опыта. А. Ю. Гордеев определяет нейронные сети следующим образом: самообучающаяся программа, функционирующая на основе нелинейного метода, способная находить сложные зависимости между отдельными свойствами данных [1, с. 125]. Нейронные сети являют собой результат воплощения идеи о наделении компьютеров способностью обучаться и исправлять ошибки, присущей биологическим нервным системам; фактически концепция нейронной сети заключается в построении аналога низкоуровневой структуры мозга.

Сегодня инженеры и исследователи создают мощные нейромикрокомпьютеры и программные нейрокеты для распознавания образов, текстового поиска, поиска изображений, перевода, прогнозирования, обнаружения мошенничества и решения иных задач, которые сложно решить человеку по причинам (1) колоссального объема информации, подлежащей анализу; (2) неполноты, зашумленности и противоречивости этой информации.

Следует сказать, что новые технологии уже достаточно давно используются не только во благо общества, но и в преступных целях. Деятельность множества преступных групп и индивидуальных правонарушителей постепенно переходит в режим «онлайн». Преступления все чаще совершаются посредством технологий искусственного интеллекта. В большинстве случаев виртуальное пространство «практически выводит личность правонарушителя из процесса преступных взаимодействий» [10, с. 758], что, в свою очередь, порождает ощущение безнаказанности и повышает долю нераскрытых преступлений.

В данной связи в научном массиве все чаще можно встретить термин «технотронная преступность». К. Н. Евдокимов, анализируя процессы виртуализации и интеллектуализации преступной деятельности, выработал научную теорию «анекселектотичной технотронной преступности» – «преступности нового поколения, основанной на использовании IT-технологий, пришедшей на смену традиционной компьютерной преступности и вышедшей

из-под контроля <...> в силу своей социальной латентности, технической сложности и многогранности» [4, с. 39].

Вполне логичной реакцией на переход правонарушителей в режим «онлайн» стала имплементация интеллектуального инструментария правоохранителями. А. П. Суходолов и А. М. Бычкова говорят о наличии множества образцов программных решений, основанных на нейросетях и направленных на противодействие офлайн- и онлайн-преступности и ее профилактики [10, с. 758]. В отечественной практике противодействия преступной деятельности применяются, к примеру, такие автоматизированные интеллектуальные инструменты, как система «Блок», обеспечивающая информационное криминалистическое сопровождение расследования преступлений в экономической сфере; «Маньяк», применяемая при расследовании серийных убийств; «Спрут», помогающая установить контактные связи между преступниками; «Сейф», систематизирующая данные о хищениях денежных средств из хранилищ; «Зеркало», оперирующая географическими пространственными данными [1, с. 128].

В рамках настоящего исследования мы рассмотрим два направления применения нейронных сетей в деятельности правоохранителей – работа с визуальным контентом (сканирование, распознавание, анализ) и прогнозирование (выдвижение версий).

Применение нейросетей при распознавании лиц. Распознавание лиц уже достаточно давно применяется в правоохранительной деятельности. Аналитические подразделения разведки, к примеру, используют технологии интеллектуального распознавания лиц для оказания помощи компетентным органам в установлении личности и местонахождения человека.

Без применения нейросетей работа со входящим визуальным контентом представляет собой весьма трудоемкий процесс. Кроме того, обработка графической информации вручную неизбежно приводит к ошибкам вследствие естественной усталости и других психофизических факторов. Машины, в отличие от людей, не устают и оценивают изображения объективно; они способны более точно отличать одного человека от другого на основе прецизионного анализа индивидуальных черт лица.

Технологии распознавания лиц применялись и до появления нейронных сетей: традиционные программные алгоритмы функционировали на основе сличения лиц с набором определенных характеристик – разреза глаз, цвета и расстояния между ними и проч. Нейронные сети, в свою очередь, способны вырабатывать собственные критерии распознавания лиц, неразличимые человеком. Следует также отметить, что нейронные сети обучаются не только на изображениях анфас, но и на изображениях лица человека под разными углами, на фрагментах изображений [5, с. 133].

Помимо анализа лиц, нейронные сети могут работать в областях идентификации оружия и иных объектов, обнаруживать аварии и преступления. На сегодняшний день нейронные сети выполняют

функции «второй пары глаз» и работают в «сотрудничестве» с экспертами.

Конечно, в научной литературе и в реальной практике все чаще высказывается мнение о возможности заменить человека машиной. Нейросетевые технологии стремительно развиваются, что еще больше актуализирует вопрос о замене нейросетевым анализом криминалистической портретной экспертизы, производимой человеком. Тем не менее, на сегодняшний день в зарубежной и отечественной практике имеется масса примеров ошибочного совпадения сравниваемых лиц. Нейросеть, обрабатывающая изображения, может выявлять похожие лица и вводить в заблуждение сотрудников полиции. По этой причине принято разграничивать машинную оперативную идентификацию лиц и «полноценную», выполняемую человеком, экспертную идентификацию, дополняемую дополнительными методами (дактилоскопия, личная беседа и проч.) [3, с. 65].

Тем не менее, не следует игнорировать два ключевых преимущества нейронных сетей: возможность высокоскоростной обработки изображений и способность восстанавливать изображения по фрагментам. Как известно, зачастую изображения, полученные с камер видеонаблюдения, отличаются низким разрешением, сняты в затрудненных для фиксации условиях (через оконное стекло, в автомобиле, при плохом освещении, в условиях обильных осадков). Более того, нейросеть способна анализировать изображения лиц с частично измененными элементами – в ситуациях умышленного изменения внешнего облика человека. В криминалистике весьма часто возникают ситуации, когда необходимо исследовать изображения лиц, внешность которых существенно изменилась в результате травм, хирургических вмешательств, по прошествии времени [3, с. 66]. Неоднократно доказано, что подобное восстановление машина умеет делать довольно качественно. В данной связи можно предположить постепенное нарастание «полномочий» нейросети и получение ей статуса полноценного эксперта.

В качестве показательного примера использования нейронных сетей в работе полиции можно привести «Мобильный биометрический комплекс», применяемый Управлением МВД России по Рязанской области. Комплекс представляет собой интеллектуальную систему распознавания лиц, размещаемую в транспортных полицейских фургонах. Данная технология применяется преимущественно во время массовых мероприятий. Система позволяет идентифицировать правонарушителей в режиме реального времени и отправлять на устройства сотрудников полиции уведомления с фотографией человека и краткой информацией о совершенном им правонарушении [6, с. 84].

Еще одним успешным проектом применения высоких технологий полицией можно назвать сотрудничество МВД Российской Федерации с российской компанией NTechLab в области внедрения специализированного алгоритма сервиса распознавания лиц и силуэтов FindFace. Алгоритм работы данного

программного продукта следующий: создается нейронная сеть, ей предоставляют фотографии, запускается процесс обучения, и далее нейронная сеть приступает непосредственно к выполнению своих функций. Важнейшим преимуществом данной системы является то, что она, в отличие от других аналогичных систем, работает не только с базой фотографий правонарушителей, имеющейся в распоряжении полиции, а самостоятельно обращается к ресурсам Сети и находит профили идентифицируемых лиц в социальных сетях. Как показала практика, продукт компании NTechLab является одним из лучших в мире. Система была успешно апробирована во время множества массовых общественных и спортивных мероприятий и даже применялась во время Чемпионата Мира по футболу в 2018 г. Известно, кроме того, что за 2019 г. данная нейросеть смогла идентифицировать 90 правонарушителей, зафиксированных на улицах и в метрополитене; в 2021 г. данный показатель составил около 900 [7, с. 137].

Нейросеть как инструмент прогнозирования и предупреждения преступности. Как показывает зарубежный опыт, нейросеть может быть применена в целях для ранжирования и идентификации лиц, наиболее вероятных в качестве исполнителей или жертв насилия. В США, к примеру, нейросети вычисляют вероятность совершения преступлений с применением огнестрельного оружия, руководствуясь такими критериями, как предыдущие аресты, принадлежность к преступной группировке и возраст на момент последнего ареста. «Прогностическая полиция», таким образом, позволяет предупреждать преступления и идентифицировать лиц, которые должны попасть в фокус внимания профилактических социальных служб.

В системе уголовного судопроизводства США также используется алгоритм COMPAS компании Northpointe, который определяет вероятность совершения еще одного преступления правонарушителем. Эти и другие прогностические нейронные сети работают на базе аналогичных алгоритмов: нейросеть аккумулирует максимальное количество данных о интересующем полицию лице (локация, часто посещаемые места, активность в Сети, поведенческие паттерны и проч.), на основе чего делается предположение о рецидиве.

Прогностические способности нейронных сетей могут быть использованы в определении принадлежности лица к организованной преступной группировке или же для поиска соучастников преступления. Программный продукт Palantir, к примеру, работает с обширной базой данных, включающей архивные документы и судебные записи, водительские удостоверения, адреса, телефонные номера и сведения из соцсетей. На основе этой информации нейронная сеть определяет систему связей между людьми, что, в свою очередь, помогает полиции идентифицировать преступные сообщества [1, с. 127].

В правоохранительных структурах России, если опираться на данные открытого доступа, подобных

нейросетей в эксплуатации нет. Возможно, барьером для внедрения нейронных сетей с прогностическим функционалом является необходимость оцифровки колоссального объема бумажной информации, а также необходимость компиляции базы из разнородных данных, предоставляемых разными ведомствами. Все вышесказанное приводит нас к выводу о необходимости рассмотрения сложностей и рисков внедрения нейронных сетей в работу полиции.

Барьеры и риски применения нейросетей в деятельность полиции. Как отмечено выше, основной сложностью имплементации нейронных сетей в работу полиции является *потребность в оцифровке данных и создание общестрановой базы данных*. Для того, чтобы иметь основу для обучения и для работы, нейросеть должна обращаться к максимально полной базе данных, которой на данный момент в России не представлено. Предстоит работа по оцифровке и объединению информации, хранящейся в территориальных подразделениях полиции, компьютерах структур следственного комитета, судов, учреждений ФСИН, Министерства здравоохранения и прочих организаций.

Более того, требуется наладить работу всех вышеперечисленных ведомств таким образом, чтобы вся новая информация также оперативно оцифровывалась; речь идет о документах лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, осужденных; лиц, в отношении которых назначены принудительные медицинские меры [8, с. 115]. Информационный массив должен включать в себя с информацией из ведомств, занятых вопросами миграции, транспортных и таможенных органов. Учитывая территориальный размах, большую численность населения и огромное число ведомств и их подразделений в нашей стране, можно предположить что оцифровка всех данных представит собой ключевой барьер в процессе интеллектуализации и автоматизации работы полиции.

Кроме того, следует отметить *риски нарастания противоречий между действующим законодательством и фактическими методами оперативной работы*. Законодательный массив в идеальной ситуации должен предупреждать развитие технологий, используемых полицией. В нашей стране законодательство, напротив, отстаёт от текущей динамики интеллектуализации полицейских ведомств [9, с. 43].

Отметим также *этическую дилемму*, связанную со внедрением нейросетей в работу полиции. Системы видеомониторинга, распознавания и сличения лиц, которые предоставляет полиции нейросеть, явно подразумевают *вторжение в частную жизнь граждан*. Данный вопрос также должен получить законодательное разрешение.

Одним из риск-факторов, который может возникнуть при массовом внедрении нейросетей, является *«автоматическая предвзятость»*, определяемая А. Г. Карпикой как «чрезмерное доверие к алгоритму», приводящее к принятию неверных решений [5, с. 134].

Таким образом, внедрение нейросетей в работу полиции представляется нам необратимой тенденцией. Нейросети могут существенно улучшить качество работы полиции, главным образом, за счет систем распознавания лиц и объектов и прогностических аналитических систем. Тем не менее, существует ряд проблем, которые требуется разрешить до момента массового внедрения нейросетей в профессиональную деятельность правоохранителей.

Литература

1. Гордеев, А. Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) / А. Ю. Гордеев // Научный портал МВД России. – 2021. – №1 (53). – С. 123-125.
2. Дворянкин, О. А. Искусственный интеллект – будущая новейшая информационная технология Интернета / О. А. Дворянкин // EESJ. – 2021. – №10-4 (74). – С. 23-31.
3. Зинин, А. М. Идентификация человека по признакам внешности и методы биометрии / А. М. Зинин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2022. – №2 (90). – С. 58-66.
4. Евдокимов, К. Н. Анекселенктотичная технотронная преступность (частная теория) / К. Н. Евдокимов // Российский судья. – 2018. – № 4. – С. 35-39.
5. Карпика, А. Г. Анализ направлений применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / А. Г. Карпика // ЮП. – 2023. – №1 (104). – С. 130-135.
6. Кетия, Т. А. Применение нейросетей в деятельности органов внутренних дел / Т. А. Кетия // Евразийская адвокатура. – 2022. – №3 (58). – С. 71-76.
7. Комаров, В. В. Исследование технологий распознавания лиц для идентификации участников несанкционированных публичных мероприятий / В. В. Комаров, С. Н. Попова, В. А. Ворожейкин, Д. С. Давидов // Вестник экономической безопасности. – 2022. – №6. – С. 136-141.
8. Кузьмин, И. А. Искусственные нейронные сети: перспективы использования в правоохранительной деятельности / И. А. Кузьмин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – №4 (8). – С. 109-116.
9. Осипенко, А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности / А. Л. Осипенко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – №4 (75). – С. 38-46.
10. Суходолов, А. П. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозирования, предупреждении и эволюции / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – №6. – С. 753-766.

Implementation of artificial intelligence (neural networks) in police activities

Bezgachev F.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article presents promising directions for the implementation of neural networks in the work of the police in Russia. The author considers the main approaches to the definition of the concept of artificial intelligence. The essence of the algorithm of the neural network is determined. Within the framework of this study, such areas of application of neural networks in the activities of law enforcement officers as working with visual content (scanning, recognition, analysis) and forecasting (suggestion of versions) are considered. In conclusion the author highlights the key risks and barriers of implementation of neural networks in the work of the police, in particular: the unpreparedness of the legislative framework, the unethical intrusion into the privacy of citizens during collecting data by a neural network, the need to digitize existing documents stored in various departmental departments, the formation of a single base for training and work of a neural network.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, neural network, police, law enforcement, digitalization

References

1. Gordeev, A. Yu. Prospects for the development and use of artificial intelligence and neural networks to combat crime in Russia (based on foreign experience) / A. Yu. Gordeev // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 1 (53). - S. 123-125.
2. Dvoryankin, O. A. Artificial intelligence - the future of the latest information technology of the Internet / O. A. Dvoryankin // EESJ. - 2021. - No. 10-4 (74). - S. 23-31.
3. Zinin, A. M. Identification of a person by signs of appearance and biometric methods / A. M. Zinin // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. - 2022. - No. 2 (90). - S. 58-66.
4. Evdokimov, K. N. Anexelentotic technotronic crime (private theory) / K. N. Evdokimov // Russian judge. - 2018. - No. 4. - P. 35-39.
5. Karpika, A. G. Analysis of directions for the use of artificial intelligence in law enforcement / A. G. Karpika // YUP. - 2023. - No. 1 (104). - P. 130-135.
6. Ketiya, T. A. The use of neural networks in the activities of internal affairs bodies / T. A. Ketiya // Eurasian Advocacy. - 2022. - No. 3 (58). - S. 71-76.
7. Komarov, V.V., Popova, S.N., Vorozheykin, V.A., and Davidov, D.S. Study of facial recognition technologies for the identification of participants in unauthorized public events // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. - 2022. - No. 6. - S. 136-141.
8. Kuzmin, I. A. Artificial neural networks: prospects for use in law enforcement / I. A. Kuzmin // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. - 2018. - No. 4 (8). - S. 109-116.
9. Osipenko, A. L. Operational-search activity in the information society: adaptation to the conditions of digital reality / A. L. Osipenko // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 4 (75). - P. 38-46.
10. Sukhodolov, A. P. Artificial intelligence in combating crime, its prediction, prevention and evolution / A. P. Sukhodolov, A. M. Bychkova // All-Russian journal of criminology. - 2018. - No. 6. - S. 753-766.

Интеллектуальные права как объект гражданских прав

Буланов Владислав Дмитриевич

магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», laszlowork@mail.ru

В исследовании рассматривается проблема соотношения интеллектуальных прав и объектов гражданских прав, которую автор раскрывает на основе ведущих концепций понимания интеллектуальных прав. В работе дается оценка назначению и правовой природе исключительных, личных неимущественных и иных прав. Автор исследования приходит к выводу, что в силу уникальной природы групп интеллектуальных прав, их не следует относить к одному объекту гражданских прав, однако нужно распределять между двумя видами объектов: имущественными правами и нематериальными благами. Также автором оспаривается разумность отнесения интеллектуальной собственности к объектам гражданских прав, поскольку в таком случае она приравнивается к интеллектуальным правам, чем нарушается законодательная логика. В конце работы автор рекомендует пересмотреть обоснованность отнесения интеллектуальной собственности к объектам гражданских прав и определить правовую природу «иных прав» с их последующим распределением между исключительными и личными неимущественными правами.

Ключевые слова: объект гражданских прав; интеллектуальные права; исключительные права; личные неимущественные права; иные права; результаты интеллектуальной деятельности; средства индивидуализации.

Право интеллектуальной собственности, история становления которого насчитывает около 300 лет, наиболее интенсивное развитие получило с XIX столетия [15, с. 44]. Первая половина XIX века ознаменовалась регулированием наиболее существенных общественных отношений на локальном уровне, что выразилось в подписании первых двусторонних договоров между государствами. Впоследствии, уже во второй половине XIX века, в международной практике появились более сложные многосторонние соглашения, ставшие основой развития авторского права. Несмотря на то, что присоединение государств к международным договорам носило добровольный характер, в XIX веке страны окончательно осознали экономическую необходимость правового регулирования отношений, связанных с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности.

Термин «**интеллектуальная собственность**» появился во многом благодаря закреплению его в международных договорах, в том числе в Парижской конвенции об охране промышленной собственности 1883 г., Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г., а также в упомянутом выше Соглашении ТРИПС [16, с. 46].

Институт является результатом развития проприетарной концепции интеллектуальных прав, которая проецирует правовой режим вещей на режим объектов интеллектуальной собственности. Хотя данная концепция не свойственна праву интеллектуальной собственности в России, отказ российского законодателя от данного понятия представляется затруднительным ввиду участия России в указанных выше соглашениях. Между тем, законодатель хотя и включил спорное понятие систему российского гражданского права, тем не менее не распространяет него вещно-правовое регулирование. В российском гражданском праве имущественный статус получил другой институт – исключительное право на объект интеллектуальной собственности.

Примечательно, что понятие «интеллектуальная собственность» по-разному трактуется в п. VIII ст. 2 Стокгольмской конвенции 1967 г., ставшей фундаментом для создания Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), и ст. 1225 ГК РФ [3]. Согласно Стокгольмской конвенции 1967 г., интеллектуальная собственность представляет собой права, связанные с произведениями науки, литературы и искусства, промышленной собственностью и другими объектами интеллектуаль-

ной собственности [5]. Российское гражданское законодательство в ст. 1225 ГК РФ определяет интеллектуальную собственность в качестве результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

На мой взгляд, определение, данное в Стокгольмской конвенции 1968 г., содержит логическую ошибку [23]. Определив интеллектуальную собственность через интеллектуальные права на интеллектуальную собственность, конвенция, бесспорно, размыла границы между двумя совершенно разными понятиями. Несмотря на столь очевидную логическую ошибку, ученые объясняют её наличие тем, что целью конвенции было не определение понятийного аппарата, а создание ВОИС. Именно поэтому установленное определение не стоит расценивать как доктринально и практически верное.

В российском законодательстве аналогичное определение термина существовало до 2008 г. в ст. 138 ГК РФ [1]. Понятия «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» ставились в эквивалент, а определение содержало лингвистическую аберрацию, которая сочетала два несочетаемых явления: материальную собственность и идею как результат мыслительной деятельности человека [16, с. 46]. К счастью, законодатель вскоре упразднил ст. 138 ГК РФ, а названные институты разграничил.

До сих пор понятие «интеллектуальная собственность» подвергается серьезной критике со стороны российских ученых, которые видят проблему в слиянии права интеллектуальной собственности с вещным правом. По моему мнению, слово «собственность» в термине следует рассматривать не в правовом, а лингвистическом смысле, наделяющем его значением «принадлежащее мне» [20, с. 24]. Достаточно того, что термин остается легким для восприятия и эффективным в реализации законодательной цели, поэтому острой необходимости менять его легальную формулировку нет [13, с. 28].

Перечень объектов интеллектуальной собственности содержится в ст. 1225 ГК РФ, который является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Данный вывод был изложен в п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 [9] и подтвержден в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ N 3 (2021) [8]. На данный момент п. 2 ст. 1225 ГК РФ содержит 17 объектов интеллектуальной собственности.

Несмотря на то, что результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации именуются «объектами» интеллектуальной собственности, по смыслу п. 4 ст. 129 и ст. 1226 ГК РФ, воля субъекта интеллектуальных прав направлена на распоряжение не самими объектами, а исключительными правами на указанные объекты.

Принимая во внимание данную особенность, несложно прийти к выводу, что объекты интеллектуальной собственности имеют природу «*sui generis*», а значит, требуют особого подхода к законодатель-

ному регулированию. Как отмечал К.П. Победоносцев, право собственности имеет место, пока существует сам предмет материального мира, а имущественное интеллектуальное право продолжит существовать, даже если сгорит последний экземпляр результата интеллектуальной деятельности [14].

Подводя небольшой итог дискурса о понятии «интеллектуальной собственности», подчеркнем две главные особенности института:

1. Распоряжение объектом интеллектуальной собственности реализуется за счет надления распорядительной функцией исключительного права на такой объект;

2. В отличие от материального права собственности, объект интеллектуальной собственности можно утратить только при отчуждении исключительного права на него.

Теперь приступим к рассмотрению термина «**интеллектуальные права**». Как отмечает В.В. Трофимов, интеллектуальные права входят в систему частных прав, которым присущи исключительность, абсолютность и крепкая связь между имущественным и личным неимущественным [22, с. 1].

Интеллектуальные права представляют собой субъективные права лица, являющегося создателем или иным правообладателем объекта интеллектуальной собственности. При этом институт интеллектуальных прав по-разному воспринимается в разных правовых системах, в зависимости от того, какую концепцию интеллектуальных прав выбирает та или иная юрисдикция.

Так, хотя российскому праву интеллектуальной собственности не свойственны идеи проприетарной концепции, В.А. Дозорцеву удалось найти компромисс между ней и присущей российскому законодательству концепцией интеллектуальных прав. Включив в гражданское законодательство проприетарное понятие «интеллектуальной собственности» и диаметрально противоположное понятие «интеллектуальных прав», ученому удалось не только избежать столкновения с понятийным аппаратом международных договоров, но и привязать национальное регулирование к более прогрессивной концепции интеллектуальных прав.

В отличие от права собственности, институт интеллектуальных прав является более комплексным, так как включает в себя три отдельные группы прав: исключительные права, личные неимущественные права и иные права.

Некоторые ученые критикуют лингвистическое решение, выразившееся в терминах «исключительные права» и «личные неимущественные права». Так, С.А. Судариков считает, что для описания исключительного права законодателю надлежит использовать термин «имущественное право». В противном случае выходит, будто личное неимущественное право исключительным не является.

На мой взгляд, «исключительность» интеллектуальных прав выражается в том, что они относятся к конкретному лицу, которое имеет исключительную монополию на объект интеллектуальной собственности (исключительные права) либо на личность и внутренние ресурсы (личные неимущественные

права). Соответственно, исключительность заключается не в невозможности передачи имущественного права другому лицу, а в запрете неограниченному кругу лиц несанкционированно использовать результат интеллектуальной деятельности. При этом отсутствие в понятии личных неимущественных прав слова «исключительный» не отменяет их неотчуждаемость и тесную связь с личностью.

Интеллектуальные права есть необратимое следствие создания объекта интеллектуальной собственности путем придания продукту идеального мира внешнего выражения в любой форме, которая может быть воспринята человеком.

Исключительные права

Фундаментом развития современного института исключительных прав является «привилегия», впервые возникшая в английском Статуте о монополиях 1623 г., который закрепил за создателем объекта промышленной собственности монополию на его использование [18, с. 30]. Сам термин имеет латинское происхождение («*privilegium*») и означает право, которым наделяется лицо за особые личные заслуги.

Впоследствии уже в Конституции США 1787 г. была провозглашена общественная важность развития науки и ремесел, в связи с чем в разделе 9 статьи I на общегосударственном уровне был закреплён институт исключительного права на сочинения и открытия, действие которого имело срочный характер [7].

Что касается российского гражданского права, первым нормативно-правовым актом, регулирующим институт исключительного права, стал Манифест 1912 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» [18, с. 31].

Исключительное право, по справедливому замечанию Н.М. Коршунова, представляет собой право на нематериальное благо, что является главным отличием от права собственности на вещи, объекты материального мира [13, с. 29].

Перечислим наиболее существенные признаки исключительных прав.

Во-первых, в отечественном законодательстве понятие исключительных прав имеет фрагментарный характер [18, с. 33]. В российском законодательстве нет легального определения термина, однако его можно вывести из содержания ст. ст. 1226-1227, 1250-1252 ГК РФ и других статей.

Во-вторых, понятие «исключительное право», как и термин «интеллектуальное право», имеет юридическую природу, отвечающую на вопросы права, в то время как термин «интеллектуальная собственность» — экономическую природу, определяющую ценность нематериального объекта.

В-третьих, исключительные права являются всеобъемлющими [13, с. 46]. Хотя Н.М. Коршунов подразумевает многогранность исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, лично я воспринимаю данный признак как возможность распространения исключительных прав на любой созданный объект интеллектуальной собственности.

В-четвертых, группа исключительных прав универсальна. На мой взгляд, данный признак проявляется в спектре субъектов, способных владеть исключительными правами, к которым законодательство относит физических, юридических лиц и даже публичные образования.

В-пятых, исключительные права абсолютны. Подобно вещным правам, исключительные права обязывают неограниченный круг лиц воздерживаться от несанкционированного использования результата интеллектуальной деятельности.

И наконец, исключительное право имеет имущественный характер. Данный признак выводится из буквального толкования ст. 1226 ГК РФ, закрепляющей за исключительным правом статус имущественного права.

Важно отметить, что доктрина по сей день находится в поисках объяснения имущественной природы исключительных прав. Однако в настоящий момент можно выделить две основные точки зрения.

Первая группа мнений сводится к следующей логической цепочке. Интеллектуальный продукт является товаром. Всякий товар есть имущество. Интеллектуальный продукт является разновидностью имущества. Право на интеллектуальный продукт является имущественным правом [13, с. 30]. С одной стороны, логическая конструкция игнорирует норму п. 4 ст. 129 ГК РФ, согласно которой интеллектуальный продукт сам по себе неотчуждаем в принципе. С другой стороны, налицо не юридическое, а экономическое восприятие объекта интеллектуальной собственности. Тем не менее, ученые-правоведы должны фокусироваться на вопросах права, а не экономики, поэтому нематериальный характер объектов интеллектуальной собственности не позволяет рассматривать данную точку зрения достаточно обоснованной.

Вторая группа мнений использует схожую логику, только во главу угла ставится выражение результата интеллектуальной деятельности в материальном мире, а не автоматическое проецирование вещной природы на такой результат [13, с. 30]. Ученые объясняют имущественный характер исключительных прав тем, что их объектом выступает материальный носитель, содержащий сам результат интеллектуальной деятельности. По моему мнению, основным недостатком приведенного объяснения является игнорирование таких явлений, как материализация духа и способность владеть интеллектуальным объектом путем его запоминания. К тому же данная логика не соответствует концепции интеллектуальных прав, заложенной в основу российского законодательства, поскольку ставит знак «равно» между идеальным и материальным миром.

Примерами судебной практики, иллюстрирующими монополию обладателя исключительных прав на распоряжение результатом интеллектуальной деятельности, можно привести определение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2020 г. № 310-ЭС20-18202 [10], а также постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 февраля 2021 года по делу № А08-5694/2019 [12].

Таким образом, исключительные права представляют собой ключевой институт права интеллектуальной собственности, наделяющий организатора создания сложного объекта и правообладателей самостоятельного результата интеллектуальной деятельности возможностью использовать и распоряжаться указанными объектами.

Личные неимущественные права

Важное значение для разграничения имущественных и личных неимущественных интеллектуальных прав имеет Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (далее – Декларация), которая в ст. 27 устанавливает право каждого человека на защиту моральных и материальных интересов, связанных с созданием научных, литературных или художественных произведений [4]. Данная норма стала фундаментом законодательного развития в национальных юрисдикциях двух основных групп интеллектуальных прав: прав экономических (исключительных прав) и прав моральных (личных неимущественных прав), модели которых последовало большинство национальных юрисдикций.

Важно иметь в виду, что указанная статья Декларации имела не столько прикладной, сколько декларативный характер. Именно поэтому фактическое закрепление института личных неимущественных прав на международном правовом поле произошло лишь с пересмотром положений Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. в Риме. Так, ст. 6bis настоящей конвенции регулирует вопросы права авторства, права на неприкосновенность произведения, действия личных неимущественных прав после смерти автора, а также вопросы применения средств защиты при нарушении данной группы прав [3]. Впоследствии содержание данной статьи было продублировано в ст. 5 Пекинского договора по аудиовизуальным исполнениям 2012 г., а также в других международных соглашениях [6].

Личные неимущественные права – это группа интеллектуальных прав, которым свойственны два существенных признака: отсутствие экономического содержания и неразрывная связь с личностью лица, создавшего результат интеллектуальной деятельности [19]. На мой взгляд, личные неимущественные права реализуют две главные цели: создание условий, способствующих творческой активности лиц, а также сохранение культурного наследия общества, которое обеспечивается за счет наделяния субъекта правом на неприкосновенность произведения.

Содержание личных неимущественных прав сильно зависит от вида объектов интеллектуальной собственности. Так, согласно ст. 1255 ГК РФ, автору произведения науки, литературы и искусства принадлежат право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, а также право на обнародование произведения. В то же время публикатор, в соответствии со ст. 1338 ГК РФ, обладает лишь правом на указание своего имени на образце обнародованного им произведения и правом разрешать внесение в произведение изменений при соблюдении условий, закрепленных

в абз. 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ. Уникальный набор личных неимущественных прав также можно найти у изготовителей фонограммы и изготовителей баз данных.

Говоря о защите личных неимущественных прав, важно учитывать невозможность объективного определения причиненного лицу ущерба в случае нарушения данной группы прав. Хотя способы защиты личных неимущественных и исключительных прав имеют много сходств, главным отличием остается разница в использовании материальных способов защиты. Если при нарушении исключительных прав могут быть применены такие меры ответственности, как возмещение убытков (пп. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ) и изъятие материального носителя (пп. 4 п. 1 ст. 1252 ГК РФ), то при нарушении личных неимущественных прав применяется компенсация морального вреда (п. 1 ст. 1251 ГК РФ), порядок определения размера которого установлен в ст. 151 ГК РФ. Практика защиты нарушенного личного неимущественного права отлично проиллюстрирована в определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 20.09.2022 N 58-КГ22-7-К9 [11].

Таким образом, данная группа прав призвана обеспечить благоприятные условия для свободной творческой деятельности всех участников создания сложного объекта, а также обезопасить личность авторов результатов интеллектуальной деятельности.

Иные права

Исторически в российской доктрине, в отличие от большинства национальных законодательств, сформировалась модель «триады» интеллектуальных прав. Если другие страны, придерживающиеся концепции интеллектуальных прав, избрали дуалистическую модель, состоящую из моральных и экономических интеллектуальных прав, то отечественный законодатель особое место выделил так называемым «иным правам».

Иные права – это такая группа интеллектуальных прав, особенностью которой является наличие как имущественного, так и неимущественного элементов. По этой причине установление истинной природы таких прав и их «навигация» в дуалистической модели интеллектуальных прав достаточно затруднительны [21, с. 18].

Хотя российское законодательство не содержит конкретного списка иных прав, ст. 1226 ГК РФ позволяет однозначно отнести к ней право доступа (ст. 1292 ГК РФ) и право следования (ст. 1293 ГК РФ). И все же статья допускает существование других прав, относящихся к данной группе, оставляя указанный список открытым. Например, к категории иных прав можно отнести также право на получение патента (ст. 1345 ГК РФ), право досрочного прекращения исключительного права публикатора на произведение (ст. 1342 ГК РФ), а также право на вознаграждение за служебное селекционное достижение (ст. 1408 ГК РФ).

Представляется, что главной особенностью рассматриваемой группы прав, аналогично личным неимущественным правам, заключается в следую-

щем. В отличие от исключительных прав, существующих для любого созданного объекта интеллектуальной собственности, иные права имеют место только в прямо предусмотренных законом случаях. При этом их состав будет сильно отличаться для разных объектов интеллектуальной собственности. Так, создатель произведения, охраняемого авторским правом, имеет классические право доступа, право следования, право на вознаграждение и право на отзыв. При этом создатель изобретения или иного объекта промышленной собственности будет иметь также право на получение патента, которое свойственно только объектам патентного права.

На мой взгляд, главным вопросом рассматриваемого института остается актуальность выделения данной группы интеллектуальных прав сегодня. Представляется, что единственной целью данной группы прав было временное устранение порока системности, вызванное трудностями определения истинной природы иных прав. Действительно, на момент реформирования подотрасли гражданского законодательства в 2008 г. российская доктрина еще не успела сформировать мнение о месте иных прав в дуалистической модели интеллектуальных прав. В связи с этим законодатель объединил их в ст. 1226 ГК РФ, обозначив в качестве «иных прав». Сегодня, к 2023 г., иные права стали заметным «рудиментом» в праве интеллектуальной собственности по двум причинам:

- 1) доктрина пополнилась должными аргументами, позволяющими с достаточной уверенностью распределить иные права между двумя основными группами прав;
- 2) группа потеряла практический смысл, поскольку больше не исполняет функцию временного «буфера» прав с неопределенной правовой природой.

Предполагаю, что для правильного распределения иных прав между двумя основными группами интеллектуальных прав необходимо определить степень их оборотоспособности, т.е. обратить внимание на имущественный элемент. Так, среди иных прав можно выделить необоротоспособные, ограничено оборотоспособные и оборотоспособные интеллектуальные права. К первой группе однозначно можно отнести право доступа, которое, в силу тесной связи с личностью создателя, вполне может быть отнесено к категории неотчуждаемых личных неимущественных прав. Ко второй группе относится право следования, поскольку ограниченность оборота состоит в возможности передачи данного права исключительно путем наследования. К оборотоспособным иным правам бесспорно можно отнести право на получение патента, которое хотя и появляется у лица задолго до возникновения исключительного права, тем не менее может отчуждаться другому лицу.

Также институт иногда критикуется за то, что иные права по своей природе нельзя с достаточной уверенностью называть именно интеллектуальными [16, с. 28]. Например, право на подачу заявки, право

преждепользования (ст. 1361 ГК РФ) и право послепользования (п. 3 ст. 1400 ГК РФ) вряд ли отличаются отчетливой интеллектуальной природой по сравнению с личными неимущественными правом авторства или правом на неприкосновенность произведения.

Таким образом, целью института иных прав изначально было именно необходимость «косметически» устранить выявившиеся проблемы в систематизации интеллектуальных прав. Вполне очевидно, что пока законодатель не установит истинную сущность интеллектуальных прав, отнесенных к данной категории, институт будет «выбиваться» из общей картины интеллектуальных прав.

Место интеллектуальных прав в системе объектов гражданских прав

В настоящее время вопрос о месте интеллектуальной собственности и интеллектуальных прав в системе объектов гражданских прав является фундаментальным. Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратить внимание на наиболее заметные в доктрине концепции интеллектуальной собственности, которые непосредственно влияют на восприятие института интеллектуальных прав. На мой взгляд, сегодня ученым удалось сформировать три основные точки зрения: *проприетарная концепция*, *концепция естественных прав* и очень схожая с ней *концепция интеллектуальных прав*. Примечательно, что научные споры продолжаются не только между концепциями, но и внутри них.

Начнем с рассмотрения **концепции естественных прав**. Данная концепция в основу своих теорий ставит два элемента: личность создателя и права на чужие действия.

Первая теория является результатом научных исследований таких ученых, как Н.М. Коркунов, Е.А. Нефедьев и Д.И. Мейер. Суть рассматриваемой теории заключается в том, что в праве интеллектуальной собственности центральное положение занимает не объект интеллектуальной собственности, а личность его создателя. Именно поэтому в качестве объекта интеллектуальных прав теория рассматривает не результаты интеллектуальной деятельности, а *права на чужие действия* [20, с. 22]. При таком подходе объективное право концентрируется на определении границ вмешательства и невмешательства третьих лиц в сферу собственных сил человека, а интеллектуальная собственность выступает в качестве вторичного института по отношению к правам на чужие действия.

Вторая теория во многом обязана научным исследованиям таких ученых, как Отто фон Гирке, Блунчи, Хевтер. Исследователи пошли еще дальше, развив идею о том, что объектом господства выступают не действия, а *собственная личность человека* [20, с. 23].

На первый взгляд теория кажется абсурдной, ведь личность человека, очевидно, не может быть объектом гражданских прав. Однако важно иметь в виду, что при разработке теории ученые обращали внимание не на имущественный, а на личный неимущественный характер господства человека над

собственной личностью. Творец самостоятельно устанавливает режим пользования своими внутренними возможностями, в связи с чем господство над личностью, своими внутренними ресурсами объективное право признает только за ним.

Теперь перейдем к рассмотрению **проприетарной концепции прав**, в рамках которой были разработаны две теории, фактически приравнивающие статус объектов интеллектуальной собственности к вещам, отрицая таким образом существование института интеллектуальных прав в принципе.

Согласно первой теории, одним из ярких представителей которой является Ю.С. Гамбаров, «бестелесные объекты» *сами по себе являются имуществом*, в связи с чем их необходимо рассматривать как полноценные объекты гражданских прав [20, с. 21]. Иными словами, в силу того, что институт интеллектуальной собственности является фикцией, имеющей силу только благодаря законодателю, то и имущественный статус интеллектуальной собственности напрямую зависит от установления его в гражданском законодательстве. В связи с этим некоторые ученые придерживаются мнения о том, что исключительные права лишь обременяют гражданский оборот, который был бы значительно проще, если бы объекты интеллектуальной собственности сами по себе были наделены оборотоспособностью.

Вторая теория тоже рассматривает объект интеллектуальной собственности как имущество, ставя под вопрос обоснованность существования исключительных прав, но немного под другим углом. Так, К. Победоносцев считал, что объект интеллектуальной собственности в юридическом смысле становится имуществом человека только с момента его *внешнего выражения в материальном мире* [20, с. 22]. Следовательно, вещный характер объекта интеллектуальной собственности напрямую зависит от материального носителя, в котором закреплен результат интеллектуальной деятельности.

На мой взгляд, среди теорий проприетарной концепции единственным существенным вопросом является момент признания за объектом интеллектуальной собственности статуса вещи. Если первая теория признает вещный характер объекта бестелесного объекта с момента его возникновения в идеальном мире, то вторая во главу угла ставит материализацию духа, ставя бестелесный объект в зависимость от вещи, в которой он будет выражен.

И наконец, третьей и, на мой взгляд, наиболее прогрессивной является концепция интеллектуальных прав, которая хотя несколько схожа с теорией естественных прав, однако имеет существенные отличия.

Наиболее ярким представителем данной концепции является В.А. Дозорцев, который вдохнул в неё жизнь, инкорпорируя в российское гражданское законодательство. Суть концепции заключается в необходимости создания некой надстройки над институтом интеллектуальной собственности, оперирование которой позволит эффективно выстраивать взаимоотношения субъектов по поводу интеллекту-

альной собственности, а также охранять и защищать личность и творческую деятельность человека.

Отечественный подход к решению вопроса о месте интеллектуальной собственности и интеллектуальных прав в системе объектов гражданских прав претерпевал существенные изменения.

В дореволюционном гражданском законодательстве право интеллектуальной собственности строилось на проприетарной концепции, приравнивающей объекты интеллектуальной собственности к вещам и распространяющей на них привычное право собственности. Сегодня российский законодатель, опираясь на немецкий опыт, все больше приближает нормативное регулирование интеллектуальной собственности к концепции интеллектуальных прав.

Подводя итоги, считаю нужным сделать следующие выводы.

Что касается интеллектуальной собственности, то результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации надлежит убрать из перечня объектов гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК РФ.

Говоря об интеллектуальных правах, невозможно определить место целого института в системе объектов гражданских прав, однако можно определить место отдельных видов интеллектуальных прав при учете их уникальной природы и концентрации имущественного элемента.

Исключительные права позволяют субъекту владеть, пользоваться и распоряжаться объектом интеллектуальной собственности, что предопределяет их имущественный характер. Следовательно, данную группу интеллектуальных прав надлежит относить к имущественным правам.

Личные неимущественные права, являющиеся неотчуждаемыми, тесно связанными с личностью человека и гарантирующими защиту личности и творческой свободы, очевидно, относятся к такому объекту гражданских прав, как нематериальные блага.

Под вопросом остается только место иных прав. Основной целью данной группы прав было лишь временное решение проблемы определения правовой природы прав, входящих в её состав. Именно поэтому до момента определения правовой природы иных прав, они как бы «застыли» между имущественными правами и нематериальными благами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023). [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : [http://www.consultant.ru/]. Режим доступа: <https://clck.ru/MsKTf>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022). [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : [http://www.consultant.ru/]. Режим доступа: <https://clck.ru/Mph9i>.

3. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979). [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : [http://www.consultant.ru/]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948. [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // Организация Объединенных Наций: [https://www.un.org/ru/]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
5. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности от 14.07.1967 (ред. от 02.10.1979). [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : [http://www.consultant.ru/]. Режим доступа: https://clck.ru/34QtUu.
6. Пекинский договор по аудиовизуальным произведениям от 24.06.2012. [Электронный ресурс] : (с изм. и доп.) // Электронный фонд Консорциума «Кодекс» : [https://docs.cntd.ru/]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/573545981.
7. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. [Электронный ресурс] : // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: [http://www.hist.msu.ru]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [http://www.consultant.ru/]. Режим доступа: https://clck.ru/34QtUz.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации". [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [http://www.consultant.ru/]. Режим доступа: https://clck.ru/33hSqz.
10. Определение Верховного Суда РФ от 20.11.2020 N 310-ЭС20-18202 по делу N А14-7650/2019. [Электронный ресурс] : // Легалакт : [https://legalacts.ru/]. Режим доступа: https://clck.ru/34QtV9.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2022 N 58-КГ22-7-К9. [Электронный ресурс] // Легалакт: [https://legalacts.ru/]. Режим доступа: https://clck.ru/33CKkT.
12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.02.2021 N C01-1751/2020 по делу N А08-5694/2019. [Электронный ресурс] : // КонсультантПлюс: [https://www.consultant.ru/]. Режим доступа: https://clck.ru/34QtEJ.
13. Интеллектуальная собственность (Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) : учеб. пособие / под ред. проф. Н.М. Коршунова. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2014. – 400 с.
14. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч.1: Вотчинные права. § 76. [Электронный ресурс] : Библиотека «Классика российской цивилистики» : [http://jurbook.narod.ru/]. Режим доступа: http://jurbook.narod.ru/664.html.
15. Право интеллектуальной собственности : учебник и практикум для вузов. Изд. 3-е перераб. и доп. / под ред. проф. Е. А. Позднякова. – М.: Издательство «Юрайт», 2021. – 374 с.
16. Право интеллектуальной собственности. Том 1. Общие положения: учебник / под ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. С. 512.
17. Бузова Н. В. Личные неимущественные права исполнителя в современных условиях // Lex russica. 2022. № 5 (186). С. 30-44.
18. Волынкина М. В. Концепция «исключительных прав» и понятие «интеллектуальной собственности» в гражданском праве // Журнал российского права. 2007. № 6. С. 39-35.
19. Зимин В.А. Личные неимущественные и "иные" интеллектуальные права в системе интеллектуальных прав. [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования : [https://human.snauka.ru/]. Режим доступа: https://human.snauka.ru/2015/04/9796.
20. Карлявин И. Ю. Интеллектуальная собственность в системе объектов гражданских прав // Вестник Ивановского государственного университета. 2008. №3. С. 20-29.
21. Рожкова М. А. «Триада» интеллектуальных прав: верен ли законодательный подход // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 14-18.
22. Трофимов В. В. Интеллектуальные права как объект гражданского оборота. Научно-теоретический опыт определения понятия // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2. С. 1-10.

Intellectual rights as the objects of civil rights

Bulanov V.D.

National Research University "Higher School of Economics"

This research examines the problem of the correlation of intellectual rights and objects of civil rights, which is revealed based on the leading concepts and theories about the intellectual rights. The paper assesses the purpose and legal nature of exclusive, personal non-property and other rights. The author comes to the conclusion that due to the unique nature of different intellectual property rights groups, they should not be attributed to one object of civil rights, but distributed between two objects: property rights and intangible benefits. The author also disputes the reasonableness of attributing the intellectual property to objects of civil rights, since in this case it is equated with intellectual rights, which violates the legislative logic. At the end of the research the, the author recommends reviewing the validity of attributing intellectual property to objects of civil rights and determining the legal nature of «other rights» with their subsequent distribution between exclusive and personal non-property rights.

Keywords: object of civil rights; intellectual rights; exclusive rights; personal non-property rights; other rights; results of intellectual activity; means of individualization.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on April 14, 2023). [Electronic resource]: (with changes and additions) // ConsultantPlus: [http://www.consultant.ru/]. Access mode: https://clck.ru/MsKtF.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated December 18, 2006 N 230-FZ (as amended on December 5, 2022). [Electronic resource]: (with changes and additions) // ConsultantPlus: [http://www.consultant.ru/]. Access mode: https://clck.ru/Mph9l.
3. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09/09/1886 (as amended on 09/28/1979). [Electronic resource]: (with changes and additions) // ConsultantPlus: [http://www.consultant.ru/]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/.
4. Universal Declaration of Human Rights of 12/10/1948. [Electronic resource]: (with changes and additions) // United Nations Organization:

- [<https://www.un.org/ru/>]. Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
5. Convention Establishing the World Intellectual Property Organization of July 14, 1967 (as amended on October 2, 1979). [Electronic resource]: (with changes and additions) // ConsultantPlus: [<http://www.consultant.ru/>]. Access mode: <https://clck.ru/34QtUu>.
  6. Beijing Treaty on Audiovisual Works, June 24, 2012. [Electronic resource]: (with changes and additions) // Electronic fund of the Consortium "Kodeks": [<https://docs.cntd.ru/>]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/573545981>.
  7. The Constitution of the United States of America of 1787 [Electronic resource]: // Faculty of History of Moscow State University. M.V. Lomonosov: [<http://www.hist.msu.ru/>]. Access mode: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>.
  8. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 3 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 10, 2021). [Electronic resource] // ConsultantPlus: [<http://www.consultant.ru/>]. Access mode: <https://clck.ru/34QtUz>.
  9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 N 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation". [Electronic resource] // ConsultantPlus: [<http://www.consultant.ru/>]. Access mode: <https://clck.ru/33hSqz>.
  10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of November 20, 2020 N 310-ES20-18202 in case N A14-7650/2019. [Electronic resource]: // Legalact: [<https://legalacts.ru/>]. Access mode: <https://clck.ru/34QtV9>.
  11. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 20, 2022 N 58-KG22-7-K9. [Electronic resource] // Legalact: [<https://legalacts.ru/>]. Access mode: <https://clck.ru/33CKkT>.
  12. Resolution of the Court for Intellectual Property Rights dated February 18, 2021 N C01-1751/2020 in case N A08-5694/2019. [Electronic resource]: // ConsultantPlus: [<https://www.consultant.ru/>]. Access mode: <https://clck.ru/34QtEJ>.
  13. Intellectual property (Rights to the results of intellectual activity and means of individualization): textbook. allowance / ed. prof. N.M. Korshunov. - M.: Norma : INFRA-M, 2014. - 400 p.
  14. Pobedonostsev K.P. Civil law course. Part 1: Patrimonial rights. § 76. [Electronic resource]: Library "Classics of Russian civil law": [<http://jurbook.narod.ru/>]. Access mode: <http://jurbook.narod.ru/664.html>.
  15. Intellectual property law: textbook and workshop for universities. Ed. 3rd revision and additional / ed. prof. E. A. Pozdnyakova. - M.: Yurait Publishing House, 2021. - 374 p.
  16. Intellectual property right. Volume 1. General provisions: textbook / ed. Doctor of Law, Prof. L.A. Novoselova. - M.: Statut, 2017. S. 512.
  17. Buzova N. V. Personal non-property rights of the performer in modern conditions // Lex russica. 2022. no. 5 (186). pp. 30-44.
  18. Volynkina M. V. The concept of "exclusive rights" and the concept of "intellectual property" in civil law // Journal of Russian law. 2007. no. 6. S. 39-35.
  19. Zimin V.A. Personal non-property and "other" intellectual rights in the system of intellectual rights. [Electronic resource] // Humanitarian scientific research: [<https://human.snauka.ru/>]. Access mode: <https://human.snauka.ru/2015/04/9796>.
  20. Karlyavin I. Yu. Intellectual property in the system of objects of civil rights // Bulletin of the Ivanovo State University. 2008. No. 3. pp. 20-29.
  21. Rozhkova M. A. "Triad" of intellectual rights: is the legislative approach correct // Journal of the Court of Intellectual Rights. 2016. no. 11. S. 14-18.
  22. Trofimov V.V. Intellectual rights as an object of civil circulation. Scientific and theoretical experience of defining the concept // Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2020. no. 2. S. 1-10.